

ГЕРОЙ МИРОВОГО ПРОЦЕССА.

VEcordia

Извлечение R-JEWS1

Открыто: 2007.03.10 00:33
Закрито: 2007.11.25 20:24
Версия: 2018.07.27 23:09

ISBN 9984-9395-5-3

Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN

Сборник статей. «О евреях – I»

© разный

Открытка 1913 года

МЕНДЕЛЬ БЕЙЛИСЬ.

Гг. судьи, въ свое оправданіе я бы могъ много сказать, но я усталъ, нѣтъ у меня силъ, говорить не могу. Вы сами видите, гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели, что я не виновенъ. Я прошу васъ, чтобы вы меня оправдали, чтобы я могъ еще увидѣть своихъ несчастныхъ дѣтей, которыя меня ждутъ 2½ года.

Сборник статей

О ЕВРЕЯХ – I

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Первый сборник статей о евреях

Предисловие

2007.03.10 00:57 ночь на субботу

Примечание издателей книги Дугласа Рида (см. R-REED2 {[Beilis](#)}) о том, что Бейлис на самом деле БЫЛ виновен в «ритуальном убийстве», пробудило во мне интерес к этому делу. До того я об этом не задумывался, но как-то «само собой» считалось, что все эти «ритуальные убийства христианских мальчиков», конечно же, глупости. Пробудившийся интерес заставил меня поискать соответствующую литературу в Интернете и, так как я никогда не читаю ничего в «он-лайне»¹, а всегда сначала «перекачиваю» все к себе, редактирую и комментирую, то результатом чтения явился этот сборник статей.

Ниже приведены несколько статей о «деле Бейлиса», но дальше они навели меня также на «Саратовское дело» и на «редчайшую книжку» Владимира Даля (которые тоже приводятся в этом сборнике).

Я обнаружил в Интернете также полный «Стенографический отчет» о «деле Бейлиса» – все его почти полторы тысячи страниц (не включаю их в Дневник, так как они имеются в форме факсимила и не могут быть перенесены в *Word*).

Я изучал (не скажу еще: изучил) этот отчет, и у меня сложилось мнение (как обычно) отличное от мнения как «одной», так и от мнения «другой» стороны – сложилось мнение, которое я нигде ранее не встречал. Это мнение таково:

Мендель Бейлис (или, скорее, его сообщники в большей степени чем он сам), конечно же, убили мальчика Андрея Ющинского. Но это не было классическим «ритуальным убийством», какие мы видим в «Саратовском деле» или в «Велижском деле» (см. ниже этот сборник). Там евреи заранее решили кого-то убить и потом искали подходящую жертву. У Бейлиса такого намерения не было. Его «дело» началось с бытового конфликта (между евреями и русскими мальчишками).

Андрей Ющинский и его друг Женя Чеберяк не были никакими «паиньками», а были в общем-то «шпаной». Вместо того, чтобы идти в школу, Андрей Ющинский прогулял уроки и пошел к Жене Чеберяку за порохом для своего самодельного ружья (он смастерил его из трубы). Он и раньше часто прогуливал уроки под видом болезни – контроль в школе был слабым; однажды его проверили, и в тот раз он оказался действительно больным, а после этого ему верили на слово и никаких справок не требовали.

Получив порох (что в общем-то уже незаконное дело для несовершеннолетних), он вместе с Женей болтался на улице и стукнул по спине проходившего мимо (знакового) фонарщика, который его в ответ обругал. (Не всякий мальчишка станет бить взрослого прохожего; для меня, например, в детстве это было бы немыслимо).

Потом оба друга (вместе с двумя сестрами Жени и, возможно, еще другими детьми) залезли через дырку в заборе на территорию кирпичного завода (еврея) Зайцева, чтобы покататься на «мяле» (устройстве в виде горизонтального колеса, предназначенного для размятия и размешивания глины; дети его использовали в качестве своеобразной карусели). Помимо катания, они там разбрасывали кирпичи, и на них накинута Бейлис – приказчик завода – прогоняя их. Хотя этого нет в «Стенографическом отчете», но я прекрасно знаю, как ведут себя такие мальчишки, когда их кто-нибудь пытается прогнать: они дразнят гонщика, издеваются над ним (рассчитывая, что тот не сможет их поймать), ругаются, оскорбляют его, швыряются камнями и т.п.

Не думаю, что в тот раз все было иначе. Просто Ющинский просчитался, и был пойман (возможно, благодаря тому, что по случаю закладки фундамента синагоги на усадьбе Зайцева и

¹ В «он-лайне» я только бегло просматриваю статью, чтобы определить, стоит ли ее читать основательно и, следовательно, переписывать к себе.

по случаю приближающегося праздника Пурим там находились еще два взрослых молодых еврея, которые Бейлису помогли ловить виновников). Пойманными такие мальчишки тоже не успокаиваются, а продолжают огрызаться. Думаю, что там пошли в ход и слово «жид» и другие, а также угрозы жаловаться и отомстить. И опять Ющинский просчитался: разгневанные евреи решили его УБИТЬ, учинив, насколько могли, «ритуальную расправу»² над «врагом евреев» (тем более, что приближался Пурим и закладывалась синагога).

Женя вырвался и убежал, но прекрасно сознавал свою (и Ющинского) вину в случившемся, поэтому (а также по наставлению родителей) на следствии вилял, уклонялся и врал. Его сестры убежали первыми и концовку событий знали слабо, хотя и видели, что евреи схватили Андрея.

Ну, а когда «ритуальное убийство» было совершено, то колесо событий уже начало крутиться ТАКИМИ силами, перед которыми и сам Бейлис был уже только песчинкой...

С первого же дня после обнаружения трупа Ющинского 20 марта 1911 года (2 апреля по н.с.) все российское (а потом и мировое) еврейство поставило себе задачей во что бы то ни стало «доказать», что убийство это совершено не-евреями (хотя прекрасно знало, чьих это рук дело), а «черносотенные» организации – что это было типичным «еврейским ритуальным убийством». Версия простого бытового конфликта даже ни разу и не упоминалась.

Полиция в целом стояла «на стороне евреев» – отчасти потому, что не верила в возможность ритуальных убийств в XX веке в Киеве, а отчасти потому, что (письменными) заявлениями евреев она сразу же была направлена по ложному следу. Разными евреями всего было подано 5 (пять!) заявлений, выдвигавших – с фальшивыми «доказательствами» – различные версии совершения убийства – разумеется, все – не-евреями.

Все же все поданные евреями версии разваливались одна за другой, и тогда полиция, наконец, все-таки пошла по «еврейскому следу» и стала рассматривать версию «ритуального убийства», которая и была подана в 1913 году на суд жюри присяжных заседателей с единственным конкретным обвиняемым – Менделем Бейлисом. Суд этот имел просто фантастический резонанс – и не только в России, но и во всем мире. Шесть миллионов российских евреев и шесть миллионов за ее пределами, затаив дыхание, следили за этим процессом, тряслись от злобы к Российскому «антисемитскому» государству, и в них клокотала неистовая ненависть. (Знаменитые слова Остапа Бендера, героя романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» есть отзвук процесса Бейлиса, как он раздавался в еврейской среде).

Во время следствия по делу Бейлиса, в январе 1913 года, Ленин писал Максиму Горькому: *«Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»*.³ Есть свидетельства (мы их рассмотрим в другом месте), что Ленин не ограничился одними только словами, а приложил руку, чтобы эту войну развязать. 28 июня 1914 года сербский студент Гаврило Принцип убил престолонаследника Австро-Венгрии эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену герцогиню Софию, после чего чудовищная карусель завертелась. Но покушение это было организовано отнюдь не сербской контрразведкой, как полагали австрийцы и думают сейчас многие во всем мире, а группой проживавших в Австро-Венгрии евреев, возглавляемой Лениным⁴ и включавшей Радека, Зиновьева и др. В этом признался сам Карл

² Если бы евреи (например, по случаю приближающегося праздника Пурим) заранее решили бы совершить ритуальное убийство, то им надежнее было бы тайно похитить какого-нибудь мальчика вдали от мест обитания евреев и без свидетелей. А реальный выбор жертвы и способ ее захвата был крайне невыгодным: ведь Ющинского схватили на откровенно еврейской территории и при свидетелях (при других детях). Это доказывает, что изначального намерения не было, а имел место просто конфликт с проникшими на завод детьми, превратившийся потом в убийство.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 48. ИПЛ, М.1970, с. 155.

⁴ Владимир Ильич Ульянов (Ленин) во всех анкетах сам писал национальность «великорос», и в советское время считался русским. На самом деле в его жилах не текло ни капли русской крови. Его дед по матери Сруль (Израиль) Бланк был чистокровным евреем, перешедшим в православие из-за конфликта с отцом. Он женился на Анне Гроскопф, лютеранского вероисповедания, отец которой был из Германии, а мать (Эстедт) из Швеции. То, что как Гроскопфы, так и Эстедты были богатыми торговцами космополитического характера (легко переселялись из одной страны в другую), наводит на подозрения, что они могли быть такими же лютеранами, каким Бланк был православным. (Но точно это пока не установлено). Дед Ленина по отцу был чувашем (тюркский народ), а бабушка по отцу – калмычка (ойраты – монголы). Из всех своих многонациональных предков Ленин сам наиболее отождествлял себя с евреями (о чем свидетельствуют многочисленные его высказывания). Он чувствовал себя евреем, присоединился к ним и

Радек, и его признание, в чуточку только завуалированной форме, было напечатано в советской газете «Известия» (в официозе Верховного Совета СССР).⁵

Этими фактами освещается связь «дела Бейлиса» с начавшейся через немногим более полугода Первой мировой войной и, далее, с Российской революцией 1917 года.

Постановка российским судом дела Бейлиса как дела о ритуальном убийстве евреями православного мальчика была крупной ошибкой. Во-первых, из-за тех (катастрофических) последствий, которые это обстоятельство влекло за собой, а, во-вторых, потому, что такая постановка и на самом деле не соответствовала действительности. Для русского правосудия почему-то существовали только два варианта: либо Ющинского убили не евреи, либо евреи, и по религиозным причинам. А на самом деле имел место третий вариант: Ющинского убили евреи, но по бытовым причинам, лишь обставив это убийство как ритуальное. В таком духе и надо было вести следствие и суд.

Исход суда был половинчатым и никого не удовлетворил. Жюри присяжных постановило, что имело место еврейское ритуальное убийство,⁶ но нет достаточных доказательств, что в нем участвовал именно сам Бейлис, после чего он был освобожден. Убийц Ющинского дальше не искали, и никто за это убийство так и не был наказан.

А теперь – ряд материалов по «делу Бейлиса» и другим делам о еврейских «ритуальных убийствах», взятые мною из Интернета, отредактированные и слегка комментированные. Мои комментарии, в отличие от авторских или издательских, дальше отмечаются аббревиатурой «В.Э.:».

Валдис Эгле

25 ноября 2007 года

опирался на них, а те, в свою очередь, выдвигали на передний план именно его, поскольку он был «скрытым евреем», и это помогало маскировать истинное положение дел.

⁵ «Известия» № 27 от 30 января 1937 года.

⁶ Слово «ритуальное» в решении суда не присутствует, но суть выходит такой.

Статьи о Бейлисе

Михаил Назаров. «Отрок-мученик»

<http://kiev1.org/page-1658.html>:

Сегодня исполняется 95 лет⁸ со дня одного из самых громких преступлений XX века – злодейского убийства невинного мальчика Андрея Ющинского. Процесс над обвинявшимся в его убийстве евреем Бейлисом в свое время привлек внимание всего мира. В день памяти убиенного отрока мы публикуем статью известного современного историка публициста Михаила Викторовича Назарова, подготовленную для энциклопедического словаря «Черная сотня», который готовится к изданию под редакцией главного редактора РЛ А.Д. Степанова.

Михаил Назаров⁷

Русская линия: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=104225>

Отрок-мученик
Михаил Назаров

25 марта исполняется 95 лет со дня мученической кончины Андрюши Ющинского.

12 марта 1911 года (по ст.стилю), за два дня до еврейского праздника «победы над антисемитами» Пурим (14–15 марта) и незадолго до еврейской «пасхи» (1 апреля), в Киеве исчез 13-летний мальчик⁹ Андрюша Ющинский, ученик¹⁰ Киево-Софийского духовного училища. 20 марта его тело было обнаружено на киевской окраине Лукьяновка брошенным в пещере неподалеку от принадлежавшего еврейскому купцу Зайцеву¹¹ кирпичного завода, на котором за неделю¹² до исчезновения мальчика была совершена закладка тайной хасидской синагоги с участием заграничных раввинов.¹³ Труп Андрюши был найден в нижнем белье, рядом лежала его одежда (испачканная глиной с кирпичного завода) и школьные тетради с его фамилией. Руки были связаны, на голове и теле было 47 ран, нанесенных колющим шорным инструментом в голое тело, ибо рубаха оказалась неповрежденной. Тело было обескровлено, однако на земле крови не оказалось.

⁷ В.Э.: Родился в 1948 году в Макеевке Донецкой области; в 1975 окончил Переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Горького и был отправлен в Алжир переводчиком, откуда бежал в Западную Европу, где в Западной Германии с 1976 года примкнул к монархистам из НТС, был ответственным секретарем журнала «Посев»; ушел в 1987 г. В 1994 вернулся в Россию и с 1994 по 1999 был секретарем Правления Союза писателей России. В 1996 основал издательство «Русская идея». (Справка по материалам Интернета). Я думаю, что Назаров входил в ту группу русских эмигрантов, которая в 1985–1986 гг. перевела и издала книгу Дугласа Рида «Спор о Сионе» (R-REED1 {Emigranti}).

⁸ В.Э.: 95 лет исполнилось 25 марта 2006 года.

⁹ В.Э.: В разных документах он попеременно обозначается то 13-летним, то 12-летним; в «Стенографическом отчете» суда похожая картина и с другими детьми; у меня создалось впечатление, что для тогдашних жителей Киева слова «ему 13 лет» означали: «ему идет тринадцатый год – 12 полных лет».

¹⁰ В.Э.: Ученик приговорительного класса.

¹¹ В.Э.: Собственно Иона Зайцев умер в 1907 году, и завод по его завещанию был передан учрежденной на этом участке еврейской больнице, но управляли заводом дети и внуки Зайцева.

¹² В.Э.: Закладка произошла 7 марта, т.е. за пять дней до исчезновения Ющинского. Синагога была «тайной» в том смысле, что для городских властей она была объявлена как столовая при больнице. Это, в свою очередь, делалось потому, что для строительства синагоги требовалось разрешение от Петербурга, которое не могло быть получено быстро, а для столовой разрешение давалось там же в Киеве и запросто. В ноябре, когда синагога была уже построена, евреи обратились к властям с прошением разрешить «в пустой столовой открыть молельню». То есть, тогда синагога уже стала не «тайной».

¹³ В.Э.: Из-за границы (из Галиции в Австро-Венгрии) приезжал брат жены Марка Зайцева (сына покойного Ионы Зайцева) 28-летний Этингер и муж дочери Зайцева Ландау.

Сразу же возникшая в народе уверенность в ритуальном убийстве была не удивительной для Малороссии, где подобные убийства не раз случались в прошлом. Важные факты в подтверждение ответственности евреев за преступление обнаружил студент-юрист Киевского университета Владимир Голубев, один из лидеров молодежного патриотического общества «Двуглавый Орел», организовавший совместно с председателем общества священником Федором Синькевичем и видным правым деятелем Виктором Розмитальским общественное расследование преступления при первоначальном бездействии полиции.¹⁴ Эта версия была подкреплена резуль-

Андрей Ющинский с колотыми в висок ранами

татами анатомической экспертизы, проведенной профессором Н.А. Оболонским, которая установила, что кровь из ран вытекала еще прижизненно, причем мальчика держали и зажимали рот, и показаниями свидетелей,¹⁵ видевших, как Андрюша играл с другими детьми на территории завода еврейского купца Зайцева, где был схвачен приказчиком Зайцева Менделем Бейлисом.

Однако еврейская сторона бросила все силы на то, чтобы не допустить объективного расследования преступления. Был создан тайный «Комитет защиты Бейлиса» под руководством известного киевского адвоката А.Д. Марголина, располагавший неограниченными денежными суммами для организации общественных протестов, дезинформации в печати, подкупа должностных лиц и следователей, оплаты услуг журналистов, лжесвидетелей, агентов, убийц. Еврейские журналисты подбрасывали следствию одну за другой ложные версии: пытались приписать убийство цыганам, половым извращенцам и т.п. В ходе следствия сотрудниками еврейской газеты «Киевская мысль» со ссылкой на лжесвидетелей было выдвинуто три основных лжеверсии: 1) якобы мальчика убила его собственная мать и отчим, хотевшие завладеть его банковским вкладом (вскоре выяснилось, что вклада не существовало); 2) затем подозрение было брошено на родственников Андрюши; 3) затем на шайку воров, для чего в их среду были внедрены провокаторы. Пока следствие устанавливало ложность всех этих версий, было напрасно потрачено время, исчезли многие улики. Были подкуплены и сами следователи: начальник Киевской сыскной полиции Е.Ф. Мишук (позже был уволен и отдан под суд за подлог вещественных доказательств), сыщик Выгранов (отстранен в мае 1911 за злоупотребления, но продолжил работать частным образом на еврейскую сторону), становой пристав Н.А. Красовский (информировал евреев о ходе следствия; назначен в мае, отстранен от следствия в сентябре 1911 года, снят с должности пристава в январе 1912 года и также включился в «частное следствие»).

¹⁴ В.Э.: Полиция не бездействовала; она шла по ложному следу после поданного уже 22 марта (через день после обнаружения трупа) заявления еврея Барщевского, и арестовала мать и отчима Ющинского так, что те даже не присутствовали на похоронах сына (и пасынка).

¹⁵ В.Э.: Неверно – в начале следствия таких показаний не было: Женя Чеберяк был допрошен, но лгал, что Андрей пришел и тут же ушел, и Женя, мол, не знает, куда он делся. Его сестры не были тогда допрошены вовсе. Позже, сразу после ареста Бейлиса, дети Чеберяк были отравлены (пока их мать сидела в тюрьме по очередному еврейскому заявлению в полицию); Женя и Валя умерли, но Люда выжила. Только тогда она была допрошена, и ее свидетельство стало главным ключом к разгадке всего этого дела. Дети, по всей видимости, рассказали родителям – матери Вере Чеберяк и отцу Василию Чеберяку – о случившемся (то есть, о том, что, пока их родителей не было дома, к ним пришел Андрей Ющинский, снял пальто, и все они пошли играть на кирпичный завод, но потом пришлось бежать оттуда, а Андрей не успел убежать, и его схватили евреи; детям пришлось это рассказать хотя бы уже потому, что пальто Андрея Ющинского, видимо, так и осталось у них дома). Но родители тогда приняли ошибочное решение: «не впутываться в это дело», никому ничего не сообщать, и настраивали соответствующим образом своих детей. Когда нашли труп и стало ясно, что речь идет об убийстве, родители испугались еще больше: что их могут обвинить в убийстве (пальто-то у них!), и еще строже приказали детям молчать – потому Женя и лгал полиции. Не говоря правду полиции, дети (а, возможно, и сами родители) все же пробалтывались в разговорах с соседями, и на уровне слухов правда все-таки ходила в округе, но до официальных допросов с протоколами все это не доходило.

17 апреля 1911 года по инициативе общества «Двуглавый Орел» и Киевского отдела Союза Русского Народа у могилы Ющинского была отслужена панихида и поставлен намогильный крест. 29 апреля монархические газеты опубликовали текст депутатского запроса правительству, подписанного всеми вождями правых – В.М. Пуришкевичем, Н.Е. Марковым, Г.Г. Замысловским и другими (всего 37 подписей), в котором ставился вопрос: что намерено сделать министерство внутренних дел и министерство юстиции

Мендель Бейлис с детьми и женой

«для полного прекращения секты иудеев, употребляющей для некоторых религиозных обрядов христианскую кровь, и для обнаружения тех членов этой секты, которыми убит малолетний Ющинский?» 4–9 мая в правой газете «Земщина» появилась серия статей депутата Государственной Думы Г.Г. Замысловского о ритуальных убийствах у евреев. Правые депутаты Государственной Думы помимо прочего прямо обвинили киевскую администрацию и полицию в противодействии объективному расследованию. В ответ на запрос для контроля за ходом следствия министр юстиции И.Г. Щегловитов отправил вице-директора первого департамента министерства А.В. Лядова. По требованию Лядова и прокурора Киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинского следствие начало наконец рассматривать как одну из возможных ритуальную версию убийства¹⁶ и приступило к изучению материалов общественного расследования, проведенного членами общества «Двуглавый Орел». Наконец, 3 августа 1911 года главный подозреваемый Мендель Бейлис был взят под стражу.¹⁷

Тем временем началось устранение улики и свидетелей. В августе после угощения пирожными, принесенными Красовским, скоропостижно умерли от желудочной болезни дети Женя и Валя Чеберяковы, которые играли с Андрюшей в тот день на территории завода Зайцева и видели, как Бейлис его утащил.¹⁸ В ноябре у освобожденного сокамерника Бейлиса было

¹⁶ В.Э.: Вот это-то и было главной ошибкой следствия (и потом обвинения) в «деле Бейлиса». Четыре месяца они шли по ложному следу трех еврейских письменных заявлений (два остальных последуют позже), а потом решили принять точку зрения монархистов и собранные ими материалы (ядром которых были разные отзвуки рассказов Жени Чеберяк и его сестер о том, что именно произошло на кирпичном заводе 12 марта). По этим материалам в общем-то для трезвой головы должно было быть ясно, что основа убийства – бытовой конфликт на заводе между мальчишками и Бейлисом. И не надо было никаких «еврейских ритуальных убийств»! Обыкновенное бытовое убийство после конфликта – и все! Тогда не было бы того чудовищного давления по всему миру, и присяжные наверняка бы признали Бейлиса виновным. Но надо признать, что еврейская сторона тоже с самого начала восприняла это убийство именно как ритуальное – иначе не стала бы прямо на второй день после обнаружения трупа сочинять и преподнести полиции ложные версии. То есть, обе стороны сразу же, с первого дня, пошли на конфронтацию, даже не прикинув, что может быть и третий вариант.

¹⁷ В.Э.: Бейлис был арестован 22 июля 1911 года; часто встречаемую дату 3 августа породила фраза в «Обвинительном акте»: «Допрос на следствии Бейлиса и заключение его под стражу состоялось 3 августа 1911 года», неясная для современных людей, не знакомых с полицейско-судебной системой царской России. Там действовали две структуры: полицейский сыск и судебные следователи. Полицией Бейлис был арестован уже 22 июля, а 3 августа судебная система санкционировала его заключение.

¹⁸ В.Э.: Когда все трое детей Чеберяков внезапно заболели и были отправлены в больницу, первоначальный диагноз был «дизентерия», но при дальнейшем исследовании дизентерийные палочки не были обнаружены, и врачи так и не смогли установить точный диагноз, ограничившись смутным определением «желудочная болезнь». После смерти двоих из трех детей был проведен анализ на наиболее распространенные тогда яды, но их следы не были обнаружены, поэтому уголовное дело не было возбуждено. Сначала предполагали, что дети «объелись зеленых яблок», но потом выжившая Люда вспомнила, что полицейские следователи Красовский и Вигранов, в отсутствие родителей пришедшие их допросить, принесли им пирожные, которые они и съели. На суде Вигранов свидетельствовал, что эти пирожные они с Красовским по пути купили в кондитерской. Чрезвычайно маловероятно, что все трое детей, непосредственно видевших, как Бейлис на кирпичном заводе схватил Андрея Ющинского, умирают сами по себе через несколько дней после ареста Бейлиса. Можно не сомневаться, что они были отравлены (каким-нибудь таким ядом, который тогдашняя стандартная экспертиза не могла установить – даже для

найдено письмо к родственникам с просьбой о выдаче денег, на допросе сокамерник признался, что Бейлис поручил ему отравить двух свидетелей, видевших детей на территории завода¹⁹ (впоследствии эти свидетели были запуганы угрозами убийства, а сокамерник бесследно исчез). Скоропостижно скончались до суда или оказались неразысканными еще несколько человек, причастных к делу. 10 октября сгорела конюшня и квартира Бейлиса²⁰ с возможными вещественными доказательствами накануне назначенного там обыска.

В декабре Марголин попытался, посулив 40 тысяч рублей (огромная по тем временам сумма), уговорить связанную с воровским миром свидетельницу Веру Чеберякову²¹ (мать отравленных детей) взять на себя вину за убийство с обещанием укрыть ее за границей. После ее отказа еврейская сторона в качестве главной версии стала особенно упорно обвинять в убийстве эту женщину и ее окружение, якобы они содержали воровской притон и боялись разоблачения со стороны Андриюши. А столь странный способ убийства мальчика они якобы избрали, чтобы имитировать его ритуальное убийство евреями. Эту версию адвокаты Бейлиса безуспешно пытались доказать на суде, но она преобладала в российской печати, контролировавшейся евреями, и затем утвердилась во всех еврейских описаниях этого дела – якобы министр юстиции И.Г. Щегловитов сознательно покрывал преступление воровской шайки, чтобы добиться «антисемитского» суда над Бейлисом. После сокрушения монархии Временное правительство создало Чрезвычайную следственную комиссию по делу Бейлиса, которая, однако, не нашла оснований для обвинения правоохранительных органов и властей в «антисемитской инсценировке». Тем не менее, многие причастные к суду над Бейлисом были после революции убиты чекистами: министры Щегловитов и Н.А. Маклаков, обвинитель на процессе О.Ю. Виппер, Г.Г. Чаплинский,

современных экспертиз существуют яды, непознаваемые для них, хотя наука с тех пор ушла далеко вперед и сегодня может обнаружить гораздо большее количество ядов, чем в 1911 году). Но кто и как детей отравил – это менее ясно. Какими бы коррумпированными ни были полицейские Красовский и Вигранов, но неужели они сознательно пошли на убийство троих детей?! (Это же преступление совсем другого калибра!). Или евреи просто подсунили им отравленные пирожные, и полицейские стали убийцами невольными? Или, может быть, пирожные здесь ни при чем, а яд был подсунут детям другим путем – например, с молоком (которое они прежде покупали у Бейлисов) или с теми же «зелеными яблоками» (которые дети действительно взяли у каких-то соседей и ели)? Ведь дети Чеберяков в те дни были без присмотра – их мать была арестована, отец на работе, и «подкормить» их мог кто угодно. Более детальная информация для решения этих вопросов отсутствует.

¹⁹ В.Э.: Нет, они не видели детей на территории завода, но один из них («фонарщик» – тот самый, которого Ющинский в то утро стукнул по спине) разговаривал с Женей Чеберяком до его смерти и ему (в отличие от следователей) Женя рассказал более менее правду. Второй, «лягушка» (под такими именами Бейлис обозначил их в своем распоряжении их отравить), в свою очередь, только пересказывал первого. Велением Бейлиса об отравлении (после реального отравления детей Веры Чеберяк!) оба свидетеля были так напуганы, что на суде все отрицали и отказывались (насколько могли) от своих прежних показаний.

²⁰ В.Э.: Нет, квартира Бейлиса не сгорела; сгорела конюшня и находившееся под той же крышей двухкомнатное «жилое помещение», в котором во время убийства Ющинского никто не жил, а была устроена шорная мастерская. После ареста Бейлиса в это помещение временно переселилась жена Бейлиса, т.к. она «боялась жить в доме, выходящем на улицу» (где была квартира Бейлиса; конюшня же находилась в глубине усадьбы – в метрах 400 от ближайшей улицы). Обыск на заводе Зайцева производился 13 октября. Здание, в котором помещались конюшня и мастерская, представляется наиболее вероятным местом убийства Ющинского по крайней мере по трем причинам: 1) потому что именно это здание подожгли, когда, видимо, кто-то из полиции сообщил евреям, что намечен обыск (а здание явно подожгли: пожар возник не внутри, а снаружи – сначала загорелась куча старых досок и подобного хлама, стоявшая у стены конюшни, потом огонь охватил крышу и сено на чердаке под ней, и наконец сгорело все остальное); 2) Ющинского убили шорным инструментом – шилами –, а такой инструмент как раз и имелся в мастерской, находившейся в этом здании; 3) здание это находилось в середине между тем местом, где на мяле играли дети и был схвачен Ющинский, и тем местом, где потом нашли его труп (в середине по чуточку изогнутой линии).

²¹ В.Э.: Вера Чеберяк вообще-то была «из дворян Киевской губернии»; ее муж служил на телеграфе. «Воровской мир» представлял ее брат (одна мать, отцы разные) Сингаевский, которого разыскивала полиция по разным другим делам и который скрывался. За два дня до исчезновения Андрея Ющинского – 10 марта – у Веры Чеберяк был полицией произведен обыск по доносу соседки, с которой они до этого подрались. Обыск ничего не дал, а на следующий день соседка сказала Вере: «Вот я тебе и отомстила!», а когда убили Ющинского, сказала: «Ну, теперь я тебе отомщу еще сильнее!». Видимо, эта угроза и заставила родителей Чеберяк сначала ориентировать своих детей «не впутываться в это дело». Но евреи, узнав об этой истории, ухватились за нее и стали выдвигать (в дальнейших письменных заявлениях следователям) Веру Чеберяк и ее «воровской мир» в качестве убийц, что охотно поддержала ее соседка.

В.Э. Розмитальский, профессор А.С. Вязигин, опубликовавший в своем журнале «Мирный труд» подробный отчет с судебного процесса, публицист М.О. Меньшиков, В. Чеберякова, многие члены судебной палаты и присяжные.

В результате всех дезинформационных усилий следствие тянулось более двух лет. Суд начался лишь 25 сентября и продлился до 28 октября 1913 года под председательством Ф.А. Болдырева. Обвинителем на процессе выступил товарищ прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты О.Ю. Виппер. Сторону гражданской истицы Александры Приходько (матери Андрюши) по приглашению общества «Двуглавый Орел» представляли присяжные поверенные А.С. Шмаков, депутат Государственной Думы Г.Г. Замысловский и С.Н. Дурасевич. Защитниками обвиняемого были самые высокооплачиваемые в России адвокаты О.О. Грузенберг, Н.П. Карабчевский, В.А.

Бейлис с охраной 30 сентября 1913 года во время выезда суда на Лукьяновку для осмотра местности

Маклаков (один из лидеров кадетской оппозиции), А.С. Зарудный, Д.Н. Григорович-Барский. Важной темой судебного разбирательства стала ритуальная сторона убийства, на которой настаивало обвинение и с доказательствами которой выступили ксендз И. Пранайтис, архимандрит Автоном (крещеный еврей), профессор психологии И.А. Сикорский.²² В подтверждение были приведены выдержки из Каббалы и Талмуда, а также оглашены сведения о других ритуальных убийствах из многих исследований на эту тему, включая «Розыскание...» В.И. Даля. Даже эксперты Глаголев и Троицкий, защищавшие официальный иудаизм, делали оговорки, что не берутся судить о возможном изуверстве отдельных еврейских мистических сект.

В завершении суда присяжным было предложено ответить на два вопроса:

1) «Доказано ли, что... в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице... мальчику Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием на теменной, затылочной, височной областях, а также на шее раны, ... давшие вследствие этого обильное кровотечение, а затем, когда у Ющинского вытекла кровь в количестве до 5-ти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище ... каковые ранения в своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания у Ющинского, повлекли за собой почти полное обезкровление тела и смерть его». Присяжные ответили: «Да, доказано».²³

2) На второй вопрос, виновен ли в этом преступлении Бейлис, голоса присяжных разделились поровну: шестеро посчитали, что вина Бейлиса доказана, шестеро посчитали, что не доказана.²⁴ Согласно процессуальным нормам гуманного российского правосудия такой результат толковался в пользу обвиняемого, и суд вынес вердикт, что вина Бейлиса не доказана.²⁵ Кто

²² В.Э.: Отец изобретателя вертолета.

²³ В.Э.: В вопросе нет явного упоминания о ритуальности убийства (но есть описание, соответствующее распространенным описаниям еврейских ритуальных убийств). Фактически наиболее существенным моментом в этом вопросе (и, значит, в ответе присяжных заседателей) было утверждение, что убийство было совершено **на заводе Зайцева** (все остальное в общем-то – лишь повторение фактов экспертизы). Тем самым утверждалось, что убийство совершили **евреи**, и совершили образом, соответствующим описаниям ритуальных убийств.

²⁴ В.Э.: В еврейских статьях пишется, что присяжные оправдали Бейлиса единогласно; в «Стенографическом отчете» не указаны результаты голосования, только окончательный вердикт. Однако, если знать, что стенограмма эта создавалась евреями (их газетой «Киевская мысль»), то это уже кое о чем говорит. Если бы вердикт действительно был принят единогласно, то евреи, скорее всего, это поспешили бы сразу отразить в стенограмме. А вот если голоса разделились поровну и Бейлиса оправдали по минимуму, то евреям было бы выгодно это обстоятельство скрыть в стенограмме.

²⁵ В.Э.: Бейлис на суде и в других местах проявил себя как слабохарактерный плакса и действительно мало похож на человека, способного задумать и осуществить хладнокровное и жестокое убийство мальчика, хоть и хулиганского. Представляется, что главными инициаторами и исполнителями убийства

был убийцей – суд так и не установил. Сразу после освобождения Бейлис уехал в Палестину, оттуда в 1920 году в США, где умер в 1934 году.

По оценке адвоката Бейлиса О.О. Грузенберга, этот процесс был «смотром сил», боровшихся против царской власти, и он «похоронил надежды на возможность мирного разрешения исторического конфликта» между русской властью и еврейством. Этот «смотр сил» наглядно высветил весь масштаб так называемого еврейского вопроса в России и в мире. Дело Бейлиса выявило слабость правоохранительных сил Российской Империи перед столь массивной атакой и глубокий раскол в ведущем слое

Бейлис после оправдания среди семьи и родственников²⁶

русского общества, в котором здоровые охранительные силы оказались слабее либеральной интеллигенции. В коллективных протестах выразителей «совести России» (Короленко, Горький и др.) она клеймила царское правительство за «антисемитскую инсценировку дела Бейлиса», устраивала бойкоты сторонникам обвинения, забастовки и вскоре привела к антимонархической Февральской революции. По оценке еврейских историков М. Геллера и А. Некрича, «процесс Бейлиса стал как бы подсчетом сил, – антиправительственных и проправительственных. Оправдательный приговор Бейлису в 1913 году верно отражал слабость последних».

Дело Бейлиса вскрыло враждебность к России западного демократического мира, контролируемого еврейскими деньгами. Фактически уже тогда началась пропагандная артподготовка к Мировой войне против «антисемитской» православной России. В сентябре 1911 года был убит премьер-министр П.А. Столыпин евреем М. Богровым, мстившим за «преследования» соплеменников; в декабре мировое еврейство заставило правительство США расторгнуть торговый договор с Россией. В октябре 1913 года венская газета «Der Hammer» (№ 274) заявила:

«Русское правительство решило дать еврейскому народу генеральное сражение в Киеве. От исхода этой титанической борьбы зависит судьба – вы полагаете, еврейского народа? О нет, еврейский народ непобедим – на карту поставлена судьба русского государства. Быть или не быть? – так стоит для него вопрос. Победа русского правительства будет началом его конца. Для него нет выхода – заметьте это... Если еврейство пока что, из тактических соображений, скрывало то, что оно руководит революцией в России, то теперь, после постановки русским правительством Киевского процесса, этому будет положен конец. Каков бы ни был исход этого процесса, – для русского правительства нет спасения. Так решило еврейство, и так будет».²⁷

Многими православными в России и в эмиграции отрок Андрей Ющинский почитается как святой мученик.

Литература:

Буткевич Т.И., прот. *О смысле и значении кровавых жертвоприношений в дохристианском мире и о так называемых ритуальных убийствах*. Доклад, прочитанный 18 окт. 1913 в Русском собрании в С.-Петербурге по поводу дела Бейлиса. Харьков, 1914 (См. {[R-BUTKEV](#)});

действительно были другие евреи: возможно, Шнеерсон, Дубовик, Этингер, Ландау... Но Бейлис, несомненно, был в курсе дела, знал все его обстоятельства и покрывал убийц.

²⁶ В.Э.: После оправдания (и освобождения в зале суда 28 октября 1913 года) Бейлис вскоре эмигрировал в Палестину (уехал 13 декабря – всего через 46 дней; прибыл в Хайфу 16 февраля 1914 года). В Палестине, однако, он не смог устроиться, и в 1920 году уехал в США, где в Нью-Йорке стал работать служащим банка, а в 1926 году издал мемуары «История моих страданий». Умер в 1934 году в возрасте 60 лет близ Нью-Йорка, похоронен на кладбище «Маунт Кармел». Его дочь Рая, жившая в Бронксе, давала интернетовское интервью, внуки активно участвуют в еврейской пропаганде.

²⁷ В.Э.: Австро-Венгерские евреи, видимо, были заинтересованы в этом деле не меньше русских евреев: возможно, что истинными убийцами как раз и были австро-венгерские подданные Этингер и Ландау.

- Дело Бейлиса. Стенографический отчет. В 3 т. Киев. 1913 (готовится к переизданию с комментариями И.О. Глазенапа издательством «Русская идея»²⁸, М., 2005);
- Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб. 1999;
- Заметки по поводу процесса об убийстве Андриюши Ющинского // Мирный труд. Харьков. 1913. ... 10–11;
- Замысловский Г.Г. *Убийство Андриюши Ющинского*. Исследование в 3 ч. Пг., 1917;
- Розанов В.В. *Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови*. СПб. 1914 (переиздание в собр. соч.: «Сахарна», М. 1998);
- Тагер А.С. *Царская Россия и дело Бейлиса*. М. 1933 (было несколько переизданий, напр.: М.-Иерусалим, 1995);
- Резник С. *Растление ненавистью. Кровавый навет в России*. М.-Иерусалим. 2001 и др.

Пётр Ланин. «Александр Мень и дело Бейлиса»

Пётр Ланин, доктор исторических наук
Чёрная Сотня № 28–30

Покойный о. Александр Мень – Православный священник еврейского происхождения – до сего дня – предмет споров в кругах московской интеллигенции. В то время, когда нам известны образованные русские люди, обязанные о. Александру своим обращением к религии, в церковных сферах его считают распространителем ереси и своего рода троянским конем, внесшим смуту в и без того сложную и мучительную духовную жизнь возрождающейся России. Хотя еще в древнем Риме считали, что о покойниках положено говорить «либо хорошее, либо ничего» («*de mortuis aut bene aut nihil*»), однако в наше неустроенное время и мертвые иной раз способны смущать покой живых, а потому заслуживают посмертного критического упоминания.

Нам не пристало судить о религиозных взглядах о. Александра, по этому вопросу уже высказывались Православные богословы, однако, несомненный интерес представляет и сегодня интервью о. Александра, данное им 20 лет назад Шойхету, сотруднику тогдашнего еврейского самиздатского журнала «Евреи и христианство». Это интервью было перепечатано в парижском «Вестнике Русского Христианского Движения» (№ 117) в 1976 году. С главной частью этого интервью, насколько нам известно, еще никто не находил нужным вступать в дискуссию, что и побуждает нас вырвать этот небольшой эпизод «доперестроечной» русской духовной жизни из незаслуженного забвения. Эта часть касалась вопроса, обсуждать в России который долгое время было небезопасно; этот же вопрос по сей день, несмотря на пресловутую «свободу слова», находится под фактическим запретом во всем западном мире; в России о нем также мало говорят и еще меньше пишут, главным образом, по незнакомству с темой, столь долго и упорно замалчивающейся.

Шойхет задал о. Александру вопрос:

– Как Вы относитесь к культам русских Православных Святых Гавриила и Евстратия, якобы «умученных от жидов»? Не является ли это одним из препятствий для пребывания евреев-христиан в лоне Русской Православной Церкви?

о. Александр Мень:

– Ни одно официальное постановление Православной Церкви не поддержало ритуальных наветов на еврейство. На процессе Бейлиса выдающиеся Православные богословы (такие, как габраист профессор Троицкий) решительно опровергли эти измышления. Я надеюсь, что эти Святые будут деканонизированы. Процессы деканонизации известны Русскому Православию.

Шойхет и о. Александр, как мы видим, едины во мнении, что Православная Церковь причисляла к лику Святых, не особенно разбираясь, кого и за что она причисляет. Святые, умученные от жидов – это младенец Гавриил, замученный в 1690 году в деревне Зверка Гродненской губернии, и инок Киево-Печерского монастыря Евстратий, распятый в Херсонесе Таврическом в 1097 году.

Трехлетний Гавриил из русской деревни крепостного владения польского помещика был похищен евреем-арендатором этой деревни – польская шляхта чуралась сельского хозяйства и сдавала свои деревни в аренду «жидам», выколачивавшим из крестьян последнее – и зверски

²⁸ В.Э.: Это издание сокращенное, там нет полной стенограммы.

замучен при соучастии нескольких других евреев. В ритуальности этого убийства не было сомнений: как отмечалось на процессе Бейлиса (см. ниже), на мощах ребенка, сохранявшихся в церкви города Слуцка, были видны многочисленные порезы, свидетельствовавшие о главном признаке таких преступлений, зарегистрированных во всей Европе на протяжении многих столетий – обескровливании жертвы, выточении из нее всей крови для ритуальных целей, наличие которых также было многократно доказано. Обескровливание в значительной степени способствовало тому, что тело ребенка сохранялось в «нетленном» состоянии, хотя одним этим факт сохранения мощей до наших дней объяснен, разумеется, быть не может. Еврейские убийцы были найдены польскими властями и подвергнуты заслуженной ими жестокой казни.

Инок Киево-Печерской Лавры Евстратий в один из набегов половцев на Киев был уведен в рабство и продан в Херсонесе Таврическом богатому еврею вместе с несколькими другими пленными христианами. Еврей потребовал от своих рабов, чтобы они отреклись от христианской веры, а за отказ стал морить их голодом. Все умерли за исключением Евстратия, привыкшего поститься в монастыре, после чего он был распят евреями на кресте. О выточении из него крови известно не было, и он был канонизирован как принявший мученическую смерть за верность Христовой вере. Любопытно, почему о. Александр, которому все эти подробности должны были быть известны, причисляет и Евстратия к жертвам ложного, по его сведениям, «кровавого навета» – ведь о последнем, в данном случае, не было речи? Уж не горит ли шапка на воре?

Нас интересует, однако, упоминание о. Александром процесса Бейлиса в Киеве в сентябре-октябре 1913 года и выступления на нем профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии Троицкого. Что у нас знают об этом нашумевшем в свое время процессе? Большая Советская Энциклопедия (1958 г., т.1, стр. 868) сообщает:

«Судебный процесс, организованный Царским правительством, над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в убийстве русского мальчика А. Ющинского, якобы с ритуальной целью... Под влиянием общественного возмущения Бейлис был оправдан судом присяжных».

Суды в старой России, оказывается, тоже «организовывались» как и у нас в «доброе большевистское время», присяжные же выносили приговоры в согласии с «общественным мнением», хотя им полагалось бы сообразоваться с данными судебного разбирательства. Нам кажется, что пришло время внести в эту историю ясность.

Убийство

В марте 1911 года в земляной пещере на берегу Днепра, на Лукьяновке (район Киева) был найден труп двенадцатилетнего мальчика Андрея Ющинского, пропавшего за неделю до того, когда он играл вместе с другими детьми на территории кирпичного завода, не работавшего по случаю праздников.²⁹ Завод принадлежал еврею Зайцеву, приказчиком на нем был Мендель Бейлис, проживавший там же. Дети рассказали, что Бейлис стал гнать их с завода, они убежали, Андрюша не успел, и Бейлис схватил его за руку и потащил к себе.

Труп мальчика обнаруживал весьма необычный характер убийства. На теле было 47 колотых ран, нанесенных, по заключению судебно-медицинской экспертизы, с целью вызвать обильное кровотечение. Лишь последняя рана могла быть смертельной, но она была нанесена в уже полностью обескровленное сердце ребенка. Смерть последовала от потери почти всей крови, однако ни на теле, ни на одежде, ни на земле вокруг трупа ее обнаружено – кроме незначительных пятен и подтеков на одежде – не было: мальчик был убит где-то в другом месте. Он был раздет, после убийства труп обмыли, одели и выбросили в пещеру без особенного

Мендель Бейлис

²⁹ В.Э.: Завод производил кирпичи только летом. В тот день он не работал не из-за праздников, а потому, что летний сезон еще не начался. Но кое-какие работы в те дни проводились: ремонтировалась одна печь, вывозились кирпичи прошлого сезона для постройки синагоги. Но интенсивной деятельности не было. Территория завода Зайцева была очень большой – более десяти гектаров, и то, что где-то кто-то копошился, погружая на телегу кирпичи, не представляло помехи для убийц, действовавших где-нибудь в конюшне или другом помещении, зажав Ющинскому рот.

намерения скрыть преступление, поскольку это место на берегу было открыто всем. Вокруг трупа были найдены учебные тетради мальчика и его ремень, то и другое с его именем, как бы расположенные для его опознания.

Выточенная из убитого кровь нигде найдена не была.

Деревянный дом на участке завода, ранее пустой, но занятый семьей Бейлиса, сразу после ареста последнего – почти через 5 месяцев после убийства – сгорел за три дня до первого обыска на заводе, явно от поджога (!!! – *ред.*). Те же дети, часто и ранее игравшие на территории завода, показали, что видели у Бейлиса накануне убийства чужих людей в странной одежде; по исчезновении мальчика, исчезли и они.

Следствие продолжалось два с лишним года, и с самого начала всеми средствами запутывалось явно заинтересованными лицами. Еврейская газета «Киевская мысль» обвинила в убийстве неких цыган, следы которых, однако, обнаружены не были. Затем были обвинены (и посажены следствием под арест) мать и отчим убитого;³⁰ их пришлось освободить за полной необоснованностью подозрений, возведенных сотрудниками еврейской газеты.³¹ После этого в убийстве обвинили жившую напротив завода Веру Чеберяк, дети которой играли на кирпичном заводе вместе с Андрюшей; у нее в доме, якобы – на процессе это было опровергнуто – бывали гости из уголовного мира, и новая версия гласила, что мальчик был убит потому, что «много знал». И эта версия провалилась как совершеннейший вздор (Андрюша в доме не бывал вообще), однако, пока Чеберяк сидела под арестом, трое ее детей (свидетели исчезновения мальчика) были отравлены. Выжила лишь одна девочка, съевшая слишком мало от принесенных следователем, в отсутствие матери, пирожных (!!! – *ред.*). Двух следователей пришлось отстранить от следствия, обоих отдали под суд за подлог и незаконные аресты.

Дело было с самого начала так запутано, что после 34-х дневного разбирательства Бейлис был оправдан по недостатку улик. Голоса двенадцати присяжных разделились поровну: шесть – за «виновен», и столько же против; по русскому закону дело в таком случае решалось в пользу обвиняемого.

Помимо кампании в печати против процесса (большинство газет были в еврейских руках), возглавлявшейся в Петербурге и Москве Горьким и Короленко, за кулисами Киевского дела действовал негласный «комитет защиты Бейлиса», хотя в суде обвиняемого защищали пять адвокатов из числа самых знаменитых и самых дорогих.³² Располагая неограниченными средствами, «комитет» (его возглавлял киевский «сахарный король» Бродский), подкупал одних свидетелей, устранял других или помогал им исчезнуть, оплачивал подкупленных следователей и предложил Вере Чеберяк – через адвоката Марголина в Харькове – 40 000 рублей, по тем временам для простой женщины чудовищная сумма, чтобы она взяла вину на себя.

Бейлис на суде – рисунок

Когда Чеберяк отказалась, она превратилась в обвиняемую – по крайней мере в печати – а ее дети погибли.³³ Впрочем, шесть лет спустя погибла и сама Вера Чеберяк, расстрелянная в киевской ЧК в 1919 году вместе с 14-ю сотрудниками Киевского окружного суда и прокуратуры: всеми, кого удалось схватить новой власти, доигравшей процесс Бейлиса на свой лад (В.В. Шульгин «Что нам в них не нравится...», Париж, 1930 г.).

Помимо судебно-медицинских экспертов, суд пригласил специалистов-психиатров: знаменитый академик Бехтерев и заслуженный профессор психиатрии Киевского университета Сикорский пришли к заключению, что убийство не было делом рук ни душевно больных, ни

³⁰ В.Э.: Это была самой первой версией евреев, поданной письменно в полицию на второй день после обнаружения трупа; цыгане фигурировали лишь позже и лишь в печати, а не в заявлениях полиции.

³¹ В.Э.: Однако они арестовывались еще и второй раз.

³² В.Э.: Четверо русских и один еврей.

³³ В.Э.: Это неточно. Вера Чеберяк обвинялась уже до того, как ей были предложены деньги Марголиным. Ее арестовали сразу после ареста Бейлиса (по четвертому письменному заявлению евреев), ее детей отравили в августе, пока она была в тюрьме, а деньги предложили только в декабре уже после ее освобождения властями.

половых психопатов: убийцы действовали хладнокровно, преследуя определенную цель (мучительная смерть с выточением крови), руки жертвы были связаны, мальчику крепко зажимали рот, о чем свидетельствовали раны на губах. Он умирал долго и страшно в течение почти получаса; особенно удивительным представлялось и не могло быть объяснено экспертизой, что – согласно сохранившимся подтекам крови на белье – все раны были нанесены при стоячем положении жертвы, в котором ее должны были удерживать не менее двух помощников убийцы. Профессор Сикорский вышел за рамки психиатрическо-патологической экспертизы, установив на основании собственного знакомства с этим вопросом, признаки ритуального убийства, хорошо известные специалистам (но, разумеется, тщательно замалчивавшиеся печатью) по процессам Велижскому (1823 г.), Саратовскому (1853 г.), Дамасскому (1840 г.), Тиса-Эсларскому (1882 г.; Венгрия), Коницкому (1900 г.; Западная Пруссия), двум убийствам в Богемии (1898 г. и 1899 г.) и бесчисленным процессам того же рода во всей Европе в более ранние эпохи. В частности, именно стоячее положение жертвы – совершенно невозможное при «обыкновенном» убийстве – является характерным признаком ритуального убийства: это положение жертвы (почти всегда малолетние дети, часто младенцы) видно на многочисленных средневековых гравюрах, изображавших расследованные случаи этого рода преступлений. Мы увидим ниже, что в таком же стоячем положении на еврейских бойнях убивают животных (метод «шехита», запрещенный почти во всех цивилизованных странах).

Начало процесса

Защита выставила четырех экспертов по богословской и историко-религиозной стороне вопроса: профессоров Троицкого, Коковцева и Тихомирова и московского раввина Мазе. Обвинение выставило экспертом католического пастора Пранайтиса, магистра богословия, профессора древнееврейского языка и иудаистики в Санкт-Петербургской католической Духовной академии, автора вышедшей в 1892 году на латинском языке книги о талмуде (редакция пишет названия сатанинских книг, к каковым относится и талмуд, с маленькой буквы) и его отношении к христианам и христианству.

Чтобы судить, насколько профессору Троицкому, по мнению о. Александра Меня, удалось развенчать антисемитский «кровавый навет», нужно познакомиться с единственным, имеющимся по этому делу, источником: «Дело Бейлиса. Стенографический отчет», издание еврейской газеты «Киевская Мысль» (Киев, 1913 г.), в трех томах, около 1500 страниц (материалы процесса, судя по всему, были уничтожены киевской ЧК в период полугодичного господства советской власти в Киеве в 1919 году). Выступление Троицкого, с вопросами к нему с обеих сторон, продолжалось добрых полдня 21 октября 1913 года и приводится нами ниже, в несколько сокращенном виде. Поскольку «Стенографический отчет» воспроизводит все сказанное в суде без какой бы то ни было литературной правки, то естественно, что в устной речи часто опускалось сказанное в другое время, не говоря уже о ее стилистических недостатках. Нам пришлось, поэтому, дополнить текст пропущенными словами и снабдить примечаниями, необходимыми для его понимания современными читателями. Пропуски отмечены многоточием, добавленные слова помещены в угловых скобках [...], в круглых скобках (...) стоят пояснительные примечания и страницы стенографического отчета в указанном издании, римскими цифрами обозначен том отчета. За пояснения, пропуски и дополнения ответственность несет, разумеется, автор настоящей статьи.

Профессор Троицкий выступал после эксперта со стороны обвинения пастора Пранайтиса, который с полным убеждением, как специалист, занимавшийся этим вопросом в течение всей своей научной и духовной карьеры, высказался о наличии у евреев с незапамятных времен убийств христиан с ритуальной целью, приведя исторические факты и усмотрев их обоснование в положениях талмуда, шулхан-аруха, зогара и других еврейских религиозных источников.

Василий Алексеевич Маклаков³⁴ – один из защитников Бейлиса

³⁴ В.Э.: 1869.05.22 – 1957.07.15, член ЦК партии кадетов (с 1906), депутат 2–4 Государственных дум; его младший брат Николай во время процесса Бейлиса был министром внутренних дел (расстрелян большевиками 1918.08.23).

Как отвечали на вопросы анкеты суда эксперты от обвинения и защиты

Богословско-ритуальным экспертам была судом предложена анкета из 29 вопросов. Цитируем Троицкого:

Профессор Троицкий (II том, стр. 354):

«... Второй вопрос:

– Есть ли указание в Библии на человеческие жертвоприношения у евреев?

– По поводу этого вопроса п. Пранайтис говорил, что такие указания есть... Многие библиисты склоняются к мнению, что у евреев могли быть человеческие жертвы, но нужно сказать, что эти факты требуют особого разъяснения... Хотя существуют некоторые указания на человеческие жертвоприношения, но закон (имеется в виду Ветхий Завет – П.Л.) всегда строго это запрещал...»

Пастор Пранайтис по этому вопросу показал (II том, стр. 319): «Открыто об употреблении христианской крови ни в шулхан-арухе, ни в каббале не говорится, а указывается... убийство, умерщвление, пролитие крови... относительно всех неевреев, к которым принадлежат [прежде всего] христиане.»

Профессор Троицкий (II том, стр. 355):

«Вопрос 4-й:

– Есть ли указание в Библии, что убийство некоторых людей и избиение иноплеменников считалось евреями фактом, угодным Иегове?

– ... В Библии имеется только один факт избиения иноплеменных, как факт угодный Богу, – это избиение Амалекитян.»

Пастор Пранайтис, говоря на эту тему, имел в виду не Библию, т.е. Ветхий Завет, а талмуд – позднейшее, чудовищно искаженное «толкование» Библии раввинскими школами, извратившими Божие слово в проповедь ненависти ко всем «акумам» и «гоям», т.е. неевреям, приравняемым к животным, заслуживающим уничтожения. п. Пранайтис указал (II том, стр. 318): «...Когда появились сомнения среди евреев, ... все ли именно [отрицательные характеристики в талмуде] относятся к христианам, то Маймонид (известный еврейский талмудист XII века – П.Л.) открыто заявил, что все эти [унизительные] названия относятся к христианам, что все эти христиане, к какому бы толку они не принадлежали, все они – идолопоклонники [заслуживающие истребления]. Все постановления талмудические..., все, что там [в Библии] сказано относительно войны с Амалекитянами, относительно их истребления, относится именно таким же образом и к христианам. ...Относительно же того, как поступать евреям с христианами, сказано, что надо их избегать, не иметь с ними никаких сношений, всячески стараться им вредить, не спасать в опасности и, вообще, вредить им так, чтобы их совсем истребить».

Профессор Троицкий (II том, стр. 355): [следующий вопрос]

«– Что такое талмуд, шулхан-арух, каббала ... какое их значение в жизни современного еврейства и есть ли в них указание на употребление евреями христианской крови?

– Относительно этого вопроса говорил мой предшественник [п. Пранайтис], т.ч. многое из того, что он сообщил, я не стану повторять, ... но считаю нужным добавить следующее: ... талмуд нельзя представлять себе как сочинение одного лица, ... это есть произведение многих поколений [раввинов], ... вследствие чего понятно, что в талмуде ... иногда есть изречения, дышащие фанатизмом ... (стр. 357) Относительно указания в шулхан-арухе и каббале на употребление евреями христианской крови, ... ни в шулхан-арухе, ни в каббале таких указаний не заключается» (см. дальше вопросы Троицкому присяжных поверенных Замысловского и Шмакова – П.Л.).

(стр. 358) «8-ой вопрос:

– Каково отношение талмуда к иноплеменникам и не содержится ли в нем прямых указаний на то, что убийство иноплеменников дозволено и является актом, угодным Иегове?

Алексей Семенович Шмаков (1852–1916) – второй присяжный поверенный гражданской истицы (матери Андрея Ющинского)

– Этот вопрос – один из [самых] щепетильных для тех, кто занимается талмудом... Насколько я могу постигнуть этот вопрос ...отношение к иноплеменникам зависит от того, насколько талмуд видит в них лицо более или менее безопасное для существования еврейства ... Если [иноплеменник] представляется угрожающим основе еврейства, то [он] заслуживает известное осуждение, даже вражду... (стр. 359) Я должен сказать, что в талмуде есть выражения, которые подавали повод обличать талмудистов в полной нетерпимости и человеко-ненавистничестве. Это выражение, на которое часто ссылаются, – «лучшего из гоев убей» – ...в некоторых местах талмуда оно имеет такую формулировку: «лучшего из гоев убей во время войны». В этой полной формулировке это выражение ничего страшного не представляет. ... Это – обычное военное право (см. ниже вопросы Троицкому присяжного поверенного Шмакова).

Вопрос 9-й:

– Когда впервые появилась каббала... и каково ее отношение к Библии и талмуду? ...

– Литературой [иудаизма] каббала стала считаться с начала II века по Р.Х. Рабби Шимону-бар-Иехой... приписывается составление книги зогар, которая имеет громадное значение в жизни еврейства и относительно которой вчера п. Пранайтис сообщил достаточные сведения.»

Пранайтис сказал о каббале следующее (II том, стр. 318–319): «Собрана эта наука [была] в III веке, ... но получила окончательный вид только в XII–XIII в.в. ... каббала есть своего рода систематизация того, что в талмуде преподается вскользь. ... По этому учению, при создании душ божество перешло в израильские души, но некоторые искры попали и не в израильские, эти искры ждут своего освобождения. ... Еврейство [в каббале] всегда называется внутренним ядром, а другие народы – шелухой. Это ядро надо освобождать ... приношением жертвы, т.е. убийством неевреев, чтобы освободить эти искры и, таким образом, ускорить пришествие Мессии. Мессия не придет раньше, чем эти искры будут освобождены из шелухи.

... Об отношении каббалы к Библии, т.е. к Ветхому Завету, пастор Пранайтис сказал следующее (II том, стр. 320):

– Каббала велит толковать Библию совсем не в таком смысле, в каком она написана. Она [каббала] говорит, что неужели нет другого смысла, кроме явного... что нужно глубже понимать смысл.»

Профессор Троицкий (II том, стр. 362):

«19-ый вопрос:

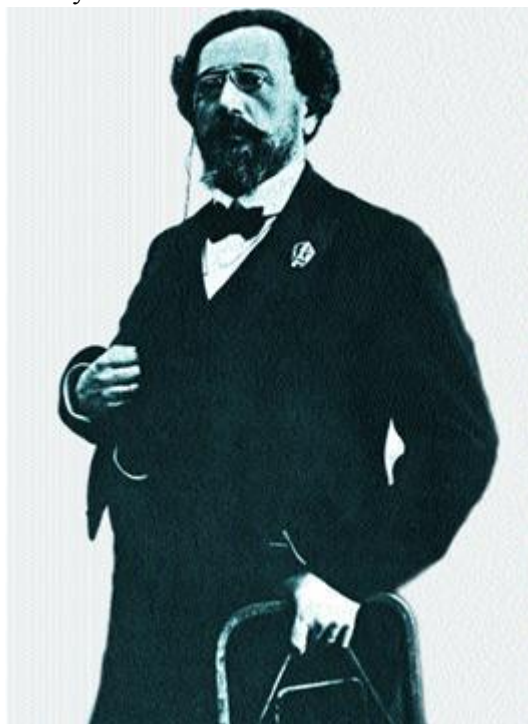
– Какие разоблачения сделали франкисты (еврейская антираввинская и антита́лмудическая секта Якова Франка в Польше в XVIII веке – П.Л.) по поводу человеческих жертвоприношений у евреев на диспуте во Львове в 1759 году? {R-SHAFAR}

– Специально этим вопросом я не занимался. На основании того, что я читал, я прихожу к заключению, что, строго говоря, несмотря на все обличения франкистов, они все же не доказали, что у евреев существуют человеческие жертвоприношения.

20-й вопрос:

– Были ли в средние века и в наше время случаи осуждения евреев по обвинению в убийстве христиан с религиозными целями, причем евреи были изобличены собственным сознанием и находждением, по их указанию, останков замученных ими жертв?.. (стр. 363)

– Здесь надо сказать: по побуждению религиозного изуверства. Если бы было сказано так, то я должен был бы ответить, что этим вопросом во всей его широте я не занимался.

Оскар Осипович Грузенберг (1866–1940), главный защитник Бейлиса³⁵

³⁵ В.Э.: Единственный еврей среди защитников. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

Я не имел тех актов, исторических документов, которые по этому вопросу, насколько мне известно, существуют в очень большом количестве.

Мне известен только... сборник, в котором содержится Велижское (1823 г.) и Саратовское (1853 г.) дело. Затем я недавно получил дело относительно Дамасского убийства (пастора Томаса в Дамаске в 1840 г. – П.Л.). С этим актом я немного ознакомился. ... Сам я этих исторических фактов не изучал, поэтому в данном случае дать компетентного заключения не могу, должен оговориться, что среди подобного рода дел мне известно дело об убиении младенца Гавриила ... в 1690 году в городе Слуцке Минской губернии. Там, как видно из Жития этого младенца, он был замучен евреями, которые во время мучений издевались над ним (над трехлетним ребенком! – П.Л.) ... В настоящее время мощи этого младенца почивают в Слуцке. ... Потом, из других Православных Святых, замученных евреями, упоминается имя Евстафия (видимо, ошибка стенографа: должно быть «Евстратия» – П.Л.) ... В Археологическом музее [Киевской] Духовной Академии ... на польском языке записано, что он был замучен в 1761 году «от жидов». (Профессор явно путает: инок Евстратий был распят евреями в Херсонесе в 1097 году задолго до захвата южной Руси поляками; поэтому сомнительно, чтобы запись об этом в Киевском археологическом музее была на польском языке – П.Л.). Так что мое личное знакомство [с этим вопросом] ограничивается ... делами Велижским и Саратовским ... затем делом младенца Гавриила и тем, что я видел в здешнем [археологическом музее]... Поэтому особенно определенно по данному вопросу я не имею возможности высказаться. Но, насколько я ознакомился с историей этого вопроса ... не указывается, что убийства эти совершались с целью ритуальной... Насколько мне этот вопрос знаком, у меня такого убеждения не сложилось ... поэтому, все подобные факты относительно убивания младенцев и вообще детей, замученных (стр. 364) евреями, я отношу не к требованиям ритуала, а к обыкновенной преступности, которая может быть и среди евреев, к тем преступникам, от которых сами евреи отказываются.

(стр. 365) 29-й вопрос:

– Имеются ли данные, и какие именно, что убийство Андрея Ющинского было совершено из побуждений религиозного изуверства?

– Насколько я помню, мне кажется, что таких данных не существует. Вот, собственно говоря, все, что я имел честь заявить.

Допрос профессора Троицкого

(стр. 366) Прокурор:

– ... Значит, Вы относитесь отрицательно к вопросу об употреблении [евреями] человеческой крови? А знакомы ли Вы с учением евреев-мистиков (т.е. каббалистов – П.Л.)? Существует ли такое мистическое учение [каббала]?

Троицкий:

– Я знаком с ним очень мало.

Прокурор:

– Скажите, профессор, когда прекратились [у евреев] кровавые жертвы?

Троицкий:

– В 70 году, после того, как Иерусалимский храм был сожжен императором Титом.

После этого кровавых жертв не было.

Прокурор:

– Каким образом можно сочетать прекращение кровавых жертв с такими словами [в талмуде]: «Сказал равви Иисус: Я слышал, что жертвы приносятся, хотя нет храма; я слышал, что жертва приносится, хотя и не было возлияний»?

Троицкий:

– Это место мне представляется неясным.

Прокурор:

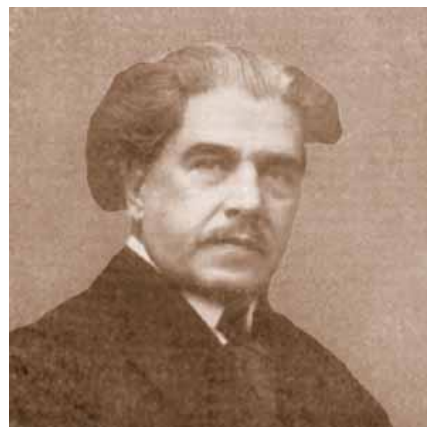
– [По еврейскому учению] кровь очищает от грехов?

Троицкий:

– Да.

Прокурор:

– Так что кровь имеет громадное значение?

Николай Платонович Карабчевский
(1851.11.30 – 1925.11.21), защитник
Бейлиса

Троицкий:

– Громадное...

(стр. 369) Прокурор:

– Не заключается ли в тексте, который я Вам сейчас прочту, решения затронутого [перед тем] вопроса (о приравнивании всех неевреев к жертвенному козлу, по-еврейски «сеир» – П.Л.): «Кто проливает кровь безбожников, совершает дело, равноценное жертвоприношению»?

Троицкий:

– Это имеет каббалистическое значение. Я сейчас не могу на это ответить (!? – П.Л.).

(стр. 370) Прокурор:

– Как Вы толкуете [указание талмуда] «Лучшего из гоев убей»? Вы добавляете «во время войны»; но разве «во время войны» было указано [в тексте талмуда]?

Троицкий:

– Я должен сказать, что я получил [в последние дни] несколько писем по этому поводу, где указывалось, что мной в предварительной экспертизе была допущена неточность и были указаны не все тексты из талмуда. На этом основании я счел бы своим нравственным долгом сообщить, что мной была допущена некоторая неточность ...

(стр. 371) Прокурор:

– ... Я хочу спросить Вас, чем же заменены кровавые жертвы в храме [у евреев, после его разрушения]? А с другой стороны, Вы знаете сочинения Серафимовича, Неофита – бывших евреев – сознающих в том, что кровавые человеческие жертвы приносятся... Откуда это взялось? Что это – фантазия сумасшедших?

Троицкий:

– Я должен сказать, что к такого рода свидетельствам надо относиться с большой осторожностью. Я не знаком с Серафимовичем. Говорят, что евреи примешивают кровь в мацу, но это мнение я считаю фантастическим бредом ... Насколько я научно знаком с предметом, и из своих личных отношений с евреями, – у меня были ученики-евреи, были знакомые среди евреев, которые со мной всегда [были] откровенны и ничего от меня не скрывали – насколько я знаком со всем этим, я совершенно этого не допускаю.

Прокурор:

– Вы, значит, не допускаете [такой возможности] потому, что беседовали с евреями и у Вас есть еврей-знакомые. Больше я вопросов не имею... (стр. 372)

Присяжный Поверенный Замысловский (поверенный гражданской истицы, матери Ющинского):

– ... Известно ли Вам, что во Львове на диспуте (между франкистами и талмудистами в 1759 году, см. выше – П.Л.) одна часть евреев публично обвиняла другую, что у них есть тайна крови?

Троицкий:

– [Мне] неизвестно.

Замысловский:

– Вы говорите, что у Неофита (бывший раввин и сын раввина, перешедший в христианство и разоблачивший в 1803 году ритуальные убийства у евреев – П.Л.) все басни, что Вы даже допустить не можете употребления евреями христианской крови. Но ведь нашлись вот евреи, и их было довольно много, которые на публичном диспуте во Львове решились с текстами и доказательствами в руках обвинять другую часть евреев в том, что они употребляют [христианскую] кровь. Как же Вы совмещаете [с этим] Ваше заявление, что все это средневековые басни и дикие фантазии?

Троицкий:

– Я бы на это дал ... ответ, если бы мне представили все эти тексты, все эти книги, обличающие евреев в ритуальном убийстве. Если бы я там увидел то, о чем Вы говорите, то я, конечно, от всех своих слов отрекся бы.

Замысловский:

– Но это же факт, что одна часть евреев публично обвиняла другую [в жертвоприношениях христиан], это же исторический факт.

Троицкий:

– Но подробностей содержания этого факта я не имею, т.к. с этим делом я знаком очень поверхностно.

(стр. 373) Замысловский:

– Теперь последний вопрос, чтобы покончить с этим [Львовским] диспутом: известно ли Вам, что и еврейские, и христианские писатели утверждали, что победа на нем, в смысле доказательности, осталась за франкистами? ... Даже Гретц (известный немецко-еврейский историк, автор двухтомной «Истории евреев» – П.Л.), который является апологетом еврейства, признает, что на этом диспуте франкисты, если и не одержали победы, то, во всяком случае, не были побеждены. Не припомните ли Вы у Гретца такое место?

Троицкий:

– Сейчас не могу припомнить.

(стр. 374) Замысловский:

– ... Вы говорили, что да, евреи убивают христиан, – отрицать Вы не можете – но это вовсе не ритуальные убийства, а обычные. Но, позвольте, значит, Вы приравниваете все убийства... и с воровством, и с ограблением, к Саратовскому и Велижскому делу?

(стр. 375) Троицкий:

– ... Я говорил, что убийства совершались, в том числе среди еврейства есть преступные типы, от которых в данном случае отказывается и сам еврейский религиозный закон, ... допускаю даже убийства с целью издевательства над религией христиан ... [например] в отношении младенца Гавриила. Однако, благочестивые евреи, насколько мне известно, относятся с уважением к благочестию христиан.

Замысловский:

– Так что всякий благочестивый еврей от таких злодеев отстраняется? А не известно ли Вам, что в Саратовском деле было ходатайство от еврейского общества, от выдающихся еврейских деятелей, чтобы дело это совсем прекратить; другими словами, еврейство не только не отстранилось от [изобличенных] лиц, осужденных по Саратовскому делу на каторгу, но, наоборот, подтвердило, что дело этих лиц есть дело всего еврейства?

Троицкий:

– Хотя я и читал Саратовское дело, но не так внимательно, чтобы запомнить все детали.

Замысловский:

– Вы нам говорили о Житии Святого Гавриила... Известно ли Вам, что он был лишен жизни путем [нанесения] массы колотых ран, и что даже на мощах, которые имеются [до сего времени], видны эти уколы?

Троицкий:

– Мне известно, что в Житии об этом говорится.

Замысловский:

– Дальше: известно ли Вам, что по Велижскому делу... (стр. 376) установлено, что был убит мальчик 4-х лет от роду?

Троицкий:

– Известно.

Замысловский:

– Известно ли Вам, что ему тоже был нанесен ряд колотых ран ... колюще-режущим орудием?

Троицкий:

– Сейчас я этого не помню.

Замысловский:

– Известно ли Вам, что ему завязали рот и что, по удостоверению врача, он был «рассудительно замучен», как выразился врач?

Троицкий:

– Я не помню.

Замысловский:

– Не известно ли Вам еще, что злодеяние было совершено на раздетом ребенке, ибо на рубашке его [в которой был обнаружен труп] не было никаких признаков крови?

Троицкий:

– Нет, не известно.

Замысловский:

– Раз Вам неизвестны такие детали, ... как же Вы решаетесь говорить, что это убийство – не ритуальное?

Председатель суда:

– Господин поверенный, ... входить в спор с экспертом не разрешается.

Замысловский:

– Тогда я поставлю вопрос иначе: в виду того, что теперь зачитаны такие детали, которые Вам неизвестны, но которых Вы не отрицаете, не перемените ли Вы своего мнения, [т.е.] что убийство было ритуальным? Кровь [из жертвы] выточена, уколы нанесены...

Троицкий:

– Велижское дело произвело на меня впечатление, что там ... следовательно, вероятно, было очень трудно добраться до истины... Относительно трупа [мальчика] факт представляется несомненно в том виде, как его описывали судебный следователь и врач. Нужно было допытаться, где причина такого состояния трупа... Для этого явились свидетели, но [они] оказались совершенно не удостоверяющими, что убийство это было совершено евреями.

Замысловский:

– А Вы Саратовское дело знаете? В Велижском деле свидетели [евреев] не подвели, а в Саратовском подвели. Вы не отрицаете этого факта?

Троицкий:

– В Саратовском деле я не отрицаю известного издевательства над мальчиком, мальчик был обрезан (два мальчика, 10 и 11 лет, были связаны, им были завязаны рты, они были раздеты, обрезаны и убиты путем полного обескровливания тела – П.Л.).

Замысловский:

– Вам известно, что в Житии Святого Гавриила сказано, что его тело было выброшено, т.е. не закопано [и не спрятано], а выброшено, оно было найдено выброшенным? (В ряде процессов было установлено со слов избличенных убийц, что это – непременная часть ритуала: тело жертвы должно быть найдено, чтобы показать власть евреев над христианами; это имело место и в случае Ющинского, см. выше – П.Л.).

Троицкий:

– Я помню относительно Саратовского дела, что (стр. 377) тело мальчика (мальчиков! – «Эксперт» берется судить о деле, с которым явно не знаком – П.Л.) нашли выброшенным в болото. А по Велижскому делу не помню.

(стр. 378) Присяжный поверенный Шмаков (второй поверенный матери Ющинского):

– Покорнейше прошу ответить мне: существует ли в зогаре (главная книга каббалы – П.Л.) такого рода утверждение, что евреи сейчас находятся в четвертом периоде пленения, и что [тот], кто господствует над Израилем, тот как бы господствует над всем миром? ... Там еще говорится, что им [евреям] принадлежит весь мир, т.к. они [одни] составляют весь мир ... Вы об этом знаете?

Троицкий:

– Я этого в настоящее время не припоминаю.

Шмаков:

– Затем, не сказано ли там [в зогаре], что израильтяне [будут] действовать так, чтобы господство над всеми народами перешло в еврейские руки, и по этому поводу в зогаре приведена лестница, которую Иаков видел во сне?

Троицкий:

– Не помню.

Шмаков:

– Тоже не помните. А затем, помните ли Вы трактат в зогаре где говорится, что надо действовать, чтобы христиане, «ноцри», не имели больше никакого господства над израильтянами?

Троицкий:

– Я в настоящее время не помню... чтобы там так говорилось о христианах.

Шмаков:

– Не сказано ли там дальше: «Наше пленение будет продолжаться до тех пор, пока не прекратится владычество акумов (т.е. – христиан – П.Л.)?.. Затем Вы цитировали здесь выражение «на войне» (об убийстве лучшего из гоев – П.Л.), но ведь это выражение «на войне» содержится только в одном трактате, а именно, в трактате талмуда абода-зара, а Вы сами говорили, что в книге мехильта (вероятно, речь идет о трактате талмуда мегилла – П.Л.) и в других этого выражения нет...

Троицкий:

– Там, кажется, этого выражения нет.

Шмаков:

– Затем была еще та же цитата из трактата соферим... Там этого тоже нет?

Троицкий:

– Там, как будто, есть.

Шмаков:

– По крайней мере в переводе Переферковича (переводчик талмуда на русский язык – П.Л.) этого нет. Значит, из трех трактатов, где это упоминается («лучшего из гоев – убей!»), только в одном сделана оговорка «на войне»?..

(стр.379) Присяжный поверенный Карабчевский (явная ошибка стенографа: знаменитый адвокат Карабчевский, защищая Бейлиса, такого сказать не мог; речь идет, видимо, о присяжном поверенном Замысловском, со стороны обвинения – П. Л.):

– Скажите, пожалуйста, если об убийстве ребенка в обвинении указывается, что (в нем участвовали) шесть человек, (стр. 380) из которых двое были законоучители (т.е. раввины – П.Л.), а другие следили, чтобы все совершалось по точному ритуалу..., то, как Вы полагаете, стоит ли этот вопрос на религиозной почве?

Троицкий:

– Смотря ... что здесь подразумевается.

Замысловский:

– Если было обескровливание (жертвы), употребление крови (в Саратовском деле кровь была найдена и употребление ее установлено – П.Л.), если все совершалось по определенному ритуалу, если (в убийстве) участвовали шесть человек, если определенную роль (при убийстве) играло «духовное» лицо (т.е. раввин – П. Л.), то, как Вы полагаете, касается такое убийство всего еврейского народа или нет?

Троицкий:

– Я бы сказал, что (в этом случае) ставится вопрос об особой ритуальной церемонии убийства... ставится вопрос о ритуальном убийстве.»

Непредвзятый читатель сделает из вышеизложенного вывод, что ссылка о. Александра Меня на профессора Троицкого, якобы «решительно опровергнувшего» на процессе Бейлиса «ритуальный навет» на еврейство, не очень убедительна. Опровергнуть Троицкий не смог ровно ничего, по важнейшим вопросам обнаружил странную некомпетентность, а факты ритуальных убийств должен был, в конечном итоге, признать. В отношении же Святых Гавриила и Евстратия, именно Троицкий подтвердил, что они были замучены евреями с нарочитыми издевательствами; поскольку, по крайней мере, при убийстве трехлетнего младенца, мотивы мести или злобы исключаются, то и здесь не остается иных, кроме ритуального. Соображения покойного о. Александра относительно «деканонизации» этих Святых представляется поэтому пока что преждевременными.

Коллеги Троицкого, профессора Коковцев и Тихомиров, как и раввин Мазе, «опровергли» еще меньше, и ни в одном случае не смогли поколебать доводов прокурора, пастора Пранайтиса и присяжных поверенных Шмакова и Замысловского, показавших себя на редкость хорошо осведомленными в разбиравшейся на суде сложной и необычной материи.

По нашему мнению, наоборот, пришло время исторической науке решительно опровергнуть организованную в международном масштабе пропаганду, в течение 80 лет³⁶ выливающую потоки грязи и клеветы на Россию в связи с делом Бейлиса. Не случайно, что характеристика Киевского процесса в БСЭ (изд. 1970 г., т. III, стр. 253–255) мало чем отличается от инсинуаций «Новой Еврейской Энциклопедии» («New Jewish Encyclopedia», Нью-Йорк 1962, стр. 45): *«Киевский процесс был использован русским правительством и антисемитским духовенством для разжигания еврейских погромов в стране»*. Поскольку умолчать об оправдании Бейлиса было трудно, БСЭ прибегла к прямой дезинформации: *«Редакция приговора была сформулирована таким образом, что он снимал обвинение с Бейлиса, но отнюдь не со всего еврейства»*.

Коснемся коротко и этой стороны дела. По окончании судебного разбирательства присяжным были заданы два вопроса. В первом описывались метод и место убийства (кирпичный завод еврея Зайцева) без какой бы то ни было характеристики самого убийства; присяжные должны были ответить, доказано ли это, на что они дали положительный ответ, во

³⁶ В.Э.: Значит, писано в 1993 году.

втором вопросе содержалось обвинение Бейлиса «и других, не обнаруженных следствием лиц», в убийстве «из побуждений религиозного изуверства»; ответив на этот вопрос отрицательно, за отсутствием достаточных, ибо своевременно уничтоженных улик, присяжные сняли тем самым и вопрос об истинном характере киевского убийства.

Совершенно ясно, что суд сформулировал второй вопрос сознательно с целью, прямо противоположной той, в которой его с тех пор обвиняют все еврейские и почти все нееврейские источники: именно, чтобы не «натравить народ на евреев», учитывая и без того разгоревшиеся вокруг этого процесса страсти. Разница между убийствами «ритуальным» и «из побуждений религиозного изуверства» – отнюдь не казуистическая, а весьма существенная. Преступление из побуждений религиозного изуверства совершает один человек, группа лиц или, в худшем случае, секта – как, например, русские скопцы, хотя и не убивавшие, но калечившие людей, за что и подвергались уголовному преследованию. За ритуальным же убийством стоят предписания религии целого народа, и если оно доказано, то осуждается весь этот народ. Логическим следствием, в таком случае, должно быть его изгнание, либо требование открыто и навсегда отказаться от религии, явно не совместимой с жизнью среди других народов. Ни русский суд, ни русское правительство пойти по этому пути явно не желали, за что им кое-кто, вообще говоря, должен был бы быть благодарен. Если же, несмотря на все это, цитировавшийся нами судебный процесс не оставляет сомнений в том, что речь идет не о чем ином, как именно о ритуальном убийстве, то вина за это ложится не на русский суд, а на тех, кто это убийство совершил при обстоятельствах, не допускающих иного толкования.

* * *

Нам представляется полезным дополнить изложенное выше мало кому известными данными, исходя из того, что Киевский процесс до наших дней не получил еще достаточного освещения в публицистике, а кое-кто, наоборот, продолжает быть заинтересованным в его замалчивании. В наши дни, хотя еще и робко, намечается воскрешение из 80-летнего забвения одного из замечательных представителей «серебрянного века русской культуры», столь жестоко прерванного революцией: писателя, публициста и христианского философа Василия Васильевича Розанова (1856–1918 г.г.). Не лишне вспомнить, что он активно включился в полемику вокруг дела Бейлиса, опубликовав многочисленные статьи в ведущей русской газете «Новое время», в газете «Земщина» и др.; в 1914 году был опубликован сборник этих статей под заглавием одной из них: «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» – на наш взгляд, заглавие не очень удачное, лишним образом содействовавшее осуждению Розанова в либеральном лагере, как злостного антисемита.

Полемизировать с Розановым – ученым-гебраистом, эрудированным богословом и блестящим знатоком литературы иудаизма – не рискнул никто; его просто записали в мракобесы, а либеральный писатель Мережковский трижды пытался провести его исключение из Религиозно-Философского Общества, однако безуспешно, после чего Розанов сообщил о своем выходе из Общества сам. Массонская подоплека потуг Мережковского в наши дни была показана в статье Евгении Ивановой «Об исключении В.В. Розанова из Религиозно-Философского Общества» в №10 «Нашего Современника» за 1990 год.

Одна из статей розановского сборника описывает убой скота на еврейской бойне со слов русского врача-ветеринара в черте оседлости («Что мне случилось увидеть...», стр. 262–1821 сборника, изд. Стокгольм, 1932 г.).

«При мне производился убой овец, телят и годовалых бычков. ... Бросалось в глаза, что я вижу не убой скота, а какое-то священное действие... библейское жертвоприношение. Передо мной были не просто мясники, а «священнослужители», роли которых были строго распределены. Главная роль принадлежала резнику, вооруженному колющим орудием; ему помогали ряд прислужников: одни держали убойный скот, поддерживая его в стоячем положении (!), другие ... зажимали животному рот, третьи собирали кровь в жертвенные сосуды; ... Наконец, четвертые держали священные книги, по которым читались молитвы и производилось ритуальное «священнодействие». Убой скота поражал жестокостью и изуверством. ... Резник, вооруженный в одной руке длинным, в поларшина ножом с узким лезвием, ... в другой – длинным, вершков шести, шилом, спокойно, медленно, рассчитано наносил животному глубокие колющие раны, действуя попеременно названными орудиями. При этом каждый удар проверялся по книге, которую мальчик держал раскрытой перед резником. ... Первые удары производились животному в голову, затем в шею ... Животное вздрагивало, пробовало вырваться, пыталось мычать, но было бессильно: ноги были связаны, кроме того,

его плотно держали трое дюжих прислужников, четвертый зажимал рот... получались лишь глухие, задушенные, хрипящие звуки. Каждый удар сопровождался стружкой крови, ... из одних ран она слегка сочилась, тогда как из других она давала целый фонтан... Затем наступила пауза, несомненно короткая, но мне она показалась вечностью; в этот промежуток времени вытаскивалась кровь ... По окончании следовали дальнейшие, такие же рассчитанные, спокойные удары, прерывавшиеся чтением молитв. Эти уколы давали уже очень мало крови или вовсе не давали ее ... По нанесении этих ударов, животное переворачивали на спину, причем ему наносился последний, заключительный удар ...»

Статья была написана в период процесса Бейлиса, и автор не мог не увидеть потрясающего его сходства:

«Ужасная картина убийства Андрюши Ющинского, которую обнаружила экспертиза профессоров Косоротова и Сикороского, как бы ударяла мне в голову: я ее уже видел! Да, я видел это зверское убийство ... собственными глазами на еврейской бойне. ... Характер и расположение ранений совершенно одинаковы: сперва удары в голову, затем в шею и плечо ... Что с несомненной точностью устанавливает экспертиза, это пауза, перерыв, последовавший за нанесением шейных, обильных кровотоками ран».

Во время этого перерыва, пишет автор,

«животному вытягивали голову и с силой зажимали рот, оно не могло мычать, оно издавало только сдавленные, хрипящие звуки. Оно билось и вздрагивало конвульсивно, но его плотно держали прислужники. Но ведь это как раз то, что устанавливает судебная экспертиза в деле Ющинского: «Мальчику зажимали рот, чтобы он не кричал, а также, чтобы усилить кровотечение. Он оставался в сознании, он сопротивлялся. Остались ссадины на губах, на лице и на боку» ... Вот как погибало «маленькое человеко-образное жертвенное животное». Вот она – жертвенная смерть Христиан, с заткнутым ртом, подобно скоту. Да, так мученически погибал, по словам профессора Павлова, «молодой человек, господин Ющинский, от забавных, смехотворных уколов!...»

Последнее относится к экспертизе лейб-медика (почетное звание, не обязательно означавшее службу при дворе) профессора Павлова, неуместные комментарии которого, явно в пользу защиты Бейлиса, были особо осуждены прокурором в его заключительной речи (III том, стр. 47). Подытожим установленные судебно-медицинской комиссией детали преступления, которых эксперты объяснить не могли и которые, с точки зрения «обычного» убийства, представляются совершенно непонятными («Стенографический отчет, I, стр.18»):

1) Мальчика убивали в стоячем положении, в котором его должны были удерживать не менее двух помощников убийцы, в то время как третий зажимал ему рот;

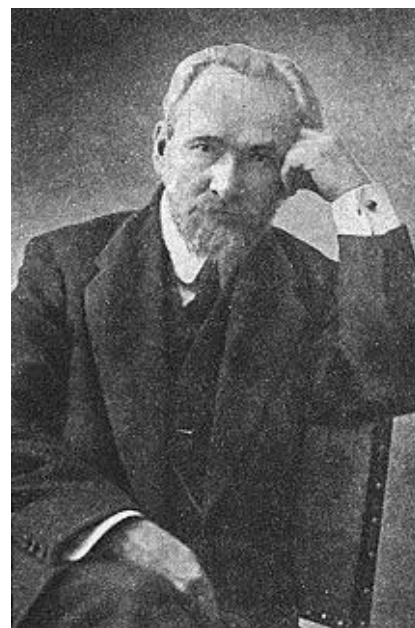
2) Раны наносились двумя видами орудий; плоским стилетом с полукруглым заточенным концом, дававшим щелевидные ранения шириной до 9 мм, и шилообразным орудием, дававшим круглые точечные раны;

3) Ранения наносились в два приема, с паузой между ними в несколько минут: первая группа дала обильное кровотечение, при нанесении второй группы кровотечение было минимальным или его не было вообще; паузу между этими двумя периодами трудно объяснить иначе, как тщательным собиранием крови, вытекавшей из медленно умиравшего мальчика, поскольку ни этой крови, ни даже следов ее нигде найдено не было.

* * *

Необычайный интерес представляет анализ Розановым каббалистической стороны Киевского убийства. Для его понимания, современному читателю нужно предпослать ряд разъяснений.

Каббала – это своего рода философская база под собранными в талмуде правилами еврейского общежития. Правила преследуют только одну цель: сделать невозможным общение

Василий Васильевич Розанов
(1856.04.20 – 1919.02.05)

евреев с неевреями, охранить еврейскую расу от смешения с теми, кого талмуд и каббала считают скотом. Общение со «скотом» разрешается только для его обмана и эксплуатации по возможности для его истребления – об этом мы читали выше в богословской экспертизе пастора Пранайтиса. Вполне естественно, что эти цели не могут быть раскрыты тем, против кого они направлены, их надо тщательно скрывать; отсюда требование талмуда (трактат санхедрин, стр. 59 «а» и другие) убить каждого нееврея, изучающего талмуд, и тем более еврея, в этом помогающего – любопытная «заповедь», немислимая ни в одном из известных нам верований, кроме иудаизма. Опасаясь, что одних таких охранных мер не хватит, иудейское руководство заблаговременно позаботилось сделать свои религиозные тексты заведомо нечитаемыми. Особенностью иудейского письма является отсутствие в нем гласных, знаков препинания и разделения слов и фраз. Такой текст может прочесть лишь тот, кто с малых лет вызубривает наизусть, какие гласные и где должны стоять и как должны быть разделены слова. Для примера, предложим читателям прочесть следующую строку:

«Н Т Р Д С В С Р Н П Р Ч С Т Н Ч Г Н С М Ж Ш.»³⁷

Читатель пожмет плечами и скажет, что, хотя буквы и русские, но прочтен этот текст быть не может, он не имеет смысла. Посвященный же возразит, что прочесть можно, только надо знать, как:

Не ТРудиСь, ВСё РаВНо ПрочеСтъ НиЧеГо Не СмоЖеШь.

Подобного рода тайнопись, разумеется, открывает неограниченные возможности нарочито обманному толкованию любого текста: например, СЛВ можно прочесть как СЛОВО, а можно и СЛВа, и СЛиВа, и СЛеВа, а если угодно, и СоЛюВей или уСЛoВиe. Каббала придает большое значение числовой характеристике букв и слов, и пастор Пранайтис сказал на процессе Бейлиса по этому поводу следующее: (II том, стр. 319) «Каждая буква означает число, и потом эти буквы слагаются. Если одно и то же число происходит и от одного, и от другого слова, то считается, что одно слово (непосредственно) относится к другому. Например, слово, которым пишется в талмуде имя нашего Спасителя, – Ишу – означает 316: 3, 10 и 6 означает «Иисус». Но слово ... «пустота» или «мерзость» тоже (обозначается числом) 316, а это значит (согласно каббале), что Христос то же самое, что и «мерзость» ...

В упоминавшейся нами книге п. Пранайтиса об отношении талмуда к христианам (СПБ, 1892 г.) по этому же вопросу сказано: «Настоящее имя Христа гласит по-еврейски Иешуа Ханоцири, т.е. Иисус Назарянин... Однако, поскольку слово «Иешуа» означает «Спаситель», это имя в такой форме редко встречается в еврейских книгах. Оно почти всегда сокращается в «Иешу», что злонамеренно толкуется, как если бы оно слагалось из начальных букв трех слов: «иммах», «шемо», «везикро» – «Да будут уничтожены (вычеркнуты, стерты) имя его и память о нем ...»

Переходим теперь к главному очерку в сборнике Розанова, озаглавленному «Эхад. Тринадцать ран Ющинского».

«Эхад» по-древнееврейски означает «смерть с провозглашением единства Бога», другими словами, жертвенное заклание. Тринадцать колотых ран были обнаружены судебно-медицинской экспертизой на правом виске убитого мальчика, но дать им объяснение профессора Косоротов и Сикорский не могли. Число 13, однако, как и указал п. Пранайтис в своей экспертизе на процессе Бейлиса, играет в каббале магическую роль и считается священным. Этим же числом ударов убивается жертва – животное или то, что приравнивается к животным – в согласии с текстом главной книги каббалы зогар, часть II, стр. 119 «а», говорящем о нанесении ударов «двенадцатью испытаниями ножа и (ударе) ножом, что составляет тринадцать». Это же число присуще и слову «Эхад», состоящему из букв «Алеф» с численным значением 1, «Хет» – 8 и «Далет» – 4, всего 13. Смерть, о которой идет речь в этом месте зогара, готовится тем, кого талмуд и зогар называют «амме-хаарец», т.е. невежда, неуч или просто идиот. Вначале эта кличка распространилась на «евреев, отступивших от (Моисеева) закона», т.е. ставших христианами и, следовательно, заслуживших смерти.

Этих первых христиан евреи губили всеми средствами, донося на них римским властям, как на опасных злоумышленников, якобы не признающих власти цезаря и пьющих (в обряде причастия в христианской литургии) человеческую кровь. Впоследствии, когда христианство распространилось и среди неевреев, этим словом стали обозначать всех последователей нового

³⁷ В.Э.: В оригинале стояло: «Н Т Р Д С В С Р Н П Р Ч С Т Н Ч Г Н С М Ж Ш.»; я вставил недостающую букву.

учения. О смерти, уготованной христианским «невеждам», в зогаре говорится: *«И смерть их будет при заткнутом рте, как у животного, которое умирает без голоса и речи... как при убийстве скота: двенадцатью испытаниями ножа и (ударом) ножом, что составляет тринадцать»*. Розанов пришел к заключению – на основании фотографии Ющинского – что 13 колотых ран на правом виске были не случайны, а являются делом рук знающего каббалиста.

Заметим, что все, разоблаченное Розановым, с нашей, европейско-христианской точки зрения, – дикое суеверие, бессмысленный кровавый бред, не уместяющийся в нашем мозгу, патологический абсурд, в который нормальный человеческий разум отказывается верить. Поневоле приходится заключить, что русский суд и наша общественность имели здесь дело не только с особым племенем, к которому наши европейские нравственные критерии были явно не приложимы, но еще и с особыми представителями этого племени, о существовании которых многие из этой народности, возможно, даже не имели ясного представления. И п. Пранайтису, и Розанову все это, как и нам, вероятно, представлялось бы бредом сумасшедшего – если бы перед ними не лежал обескровленный труп двенадцатилетнего ребенка. Будь всё это антисемитской фантазией, евреям, среди которых было достаточно знатоков каббалы, нетрудно было бы опровергнуть возводимую на зогар клевету. Слово «клевета», разумеется, склонялось на все лады на страницах либеральной печати, – однако ничего из сказанного п. Пранайтисом на процессе или написанного Розановым никем опровергнуто не было.

Анализ Розанова исходит из представлений каббалы о строении мироздания. В эпоху ее составления познания неевреев в космографии тоже были довольно детскими. Однако, с тех пор и арабы, и европейцы сделали некоторые успехи в этой области, и не представляют себе Землю, стоящей на трех китах; в талмуде же *«продолжают плавать в мировом океане со всем живущим на Земле по сей день»*, а евреи обязаны этому верить, ибо *«слова раввинов выше слов пророков»*. Каббалистов же киты не удовлетворяют, и они видят мироздание как замысловатую фигуру из трех треугольников, составленных из десяти кружков-«сефиротов», по числу имен Божьих. Всему, что выдумано многими поколениями невежественных тунеядцев из «академий» в Вавилонии и Палестине, каждый еврей обязан верить на слово, ибо если даже раввин назовет правое левым, а левое правым, то и это правильно – так, по крайней мере, написано в талмуде. Раввины, в их собственном представлении, так умны, что сам Господь Бог время от времени спускается с неба, чтобы послушать их разглагольствования. Это сказал знаменитый раввин Раши, а уж он должен был знать; записано это в трактате талмуда «ебамот» (стр. 33 «а»), то же повторено и на стр. 32 «б», и в трактате «хуллин» (стр. 34 «б»), так что сомнения могут быть разве что у «глупых гоев».

Упомянутые кружки-«сефироты» сгруппированы на каббалистическом чертеже мироздания в виде трех треугольников, стоящих один над другим; верхний из них – это «высший мир», он смотрит вершиной (острием треугольника) вверх. «Средний мир» – под ним, и «низший» в самом низу, эти оба смотрят вершинами вниз. Остающийся лишним, десятый «сефирот» помещен в центр нижнего треугольника, почему именно сюда – неизвестно, а что, собственно, этими чертежными упражнениями достигается или постигается – не знает, вероятно, и сам ребе Раши. Все кружки-«сефироты» связаны между собой линиями, «каналами»; и кружки, и каналы носят буквенные обозначения, в частности левое бедро нижнего треугольника обозначено буквой «шин», имеющей в каббалистической азбуке особое значение.

Розанову бросилось в глаза, что пять колотых ран левой нижней группы ранений на голове убитого мальчика образуют ясно видимую фигуру еврейской литеры «шин»:

Он наложил, на фотографии правой стороны головы убитого, сефиротский треугольник «нижнего мира» так, что левое бедро треугольника легло на «шин», и увидел, что все остальные из 13 ранений приходятся на те или иные элементы этого треугольника, как если бы раны наносились по трафарету – видно, умелой рукой, не впервые занимающейся этой дьявольщиной. Литеры на сефиротском треугольнике знатоку каббалы известны, каждое ранение получило, таким образом, свою букву, и на голове убитого обозначились следующие литерные группы, «написанные» рукой убийцы:

Левая нижняя группа из 5 ран – литера «шин».

Верхняя левая рана – литера «реш».

Центральная группа из 4 ран – литера «алеф».

Раны вправо от «шин» – литера «тау».

Верхняя правая рана – литера «фхе».

Каббала снабдила каждую из 22 букв еврейского алфавита значением особого слова, и видит в комбинациях букв, составляющих слова, в свою очередь, бесчисленные сочетания новых понятий, якобы творящих несметное число законов, управляющих изливаниями высшей силы в подразделениях трех «сефиротских» миров.

Полученные из колотых ран на голове мальчика литеры могут быть расположены в строку:

алеф – фхе – реш – тау – шин,

причем порядок букв не имеет значения.

«Алеф», первая буква еврейского алфавита, имеет центральное значение «человек». В еврейской астрологии, этим евреи тоже занимаются, хотя Ветхий Завет это и запрещает, этой буквой обозначается созвездие Тельца, в полном его еврейском названии – Телец Иеговы, т.е. жертвенное животное. Следующая буква «фхе» означает «рот», «голос» и «речь»; Буква «реш» значит «голова» человека, а буква «тау» – его грудь, и, наконец, «шин» означает «стрела», вообще «оружие», и этой букве в «низшем мире» придается центральное значение: в частности, господствующий в «низшем мире» люцифер (т.е. попросту дьявол, в служении которому Иисус Христос обличил фарисеев) изображается двойной буквой «шин».

Полученные таким образом из букв слова образуют строку:

«Человек (телец) – Голос (рот) – Голова-Грудь-Стрела (орудие смерти)»,

или фразу: *«Человек (жертвенный телец), его голос (рот, речь) убит ударами в голову и грудь»*, в чем нетрудно прочесть фразу из зогара (II том, стр. 119 «а»): *«И смерть их (неевреев) будет при замкнутом рте, как смерть животного, умирающего без голоса и речи, ... зарезанного двенадцатью испытаниями ножа и (ударом) ножом, что составляет тринадцать»*. Эта фраза в зогаре свидетельствует прежде всего о наличии у евреев-каббалистов ритуальных убийств, жертвами которых становятся приравняемые к скоту неевреи, – что всем еврейством, разумеется, с пеной у рта отрицается. Повторим еще раз: для нормального современника все вышесказанное – собачий бред, порождение патологически извращенных мозгов; как таковое, оно не заслуживало бы и одной строки комментария, хотя в еврейском университете в Иерусалиме в этой заумной ерунде копается целая кафедра. Но и сейчас, через 80 лет, под дьявольщиной двойной литеры «шин» лежит труп христианского ребенка. Если уж мимо него прошло правосудие – убийцы-то не наказаны! – то не может пройти историческое сознание. Розанов поднял в своем сборнике вопрос, еще и сегодня заслуживающий внимания: если Бейлис невиновен, то кто же убийцы, и где они? Почему не продолжалось расследование? Где была высшая судебная инстанция, чтобы послать дело на доследование, пересмотрев приговор, вынесенный шестью голосами «за» и шестью «против»?

Круговая сионистская порука

Гвалт, поднятый во всем мире из-за того, что полуграмотного местечкового еврея лишь заподозрили в «убийстве из побуждений религиозного изуверства», достиг цели: труп есть, а убийц нет. Заключительный акт дела Бейлиса был разыгран, как мы уже упоминали, шесть лет спустя, в одном из подвалов 16-ти киевских чрезвычайек, где убили Веру Чеберяк, на которую защите Бейлиса на процессе не удалось свалить вину за убийство по причине отсутствия даже тени обоснованного подозрения. Останься она в живых – ее трудно было бы обвинить и впоследствии, не возбуждая уголовного преследования, т.е. не назначая нового процесса.

Киевские чекисты не просто лютовали над попавшим в их лапы населением, но выполняли важное задание: они уничтожили все, что могло помешать еврейской пропаганде навязать мировому общественному мнению версию «дела Бейлиса», не имеющую ничего общего с истинным ходом Киевского процесса: судебные акты, сотрудников суда и прокуратуры (до прокурора Виппера добрались лишь в 1921 году, расстреляв его в Калуге), а убийцы, которых не удалось обнаружить на процессе, теперь хорошо известны; конечно же это – *«шайка воров, собиравшаяся в доме Веры Чеберяк»* и убившая мальчика, знавшего об их похождениях. Бейлис, разумеется, вообще здесь не при чем, он – *«лишь жертва антисемитской политики Царского правительства и его пособников, русских черносотенцев.»* Все стоит теперь на своем месте, а убитый мальчик превратился из жертвы еврейского изуверства в воровского пособника, жалеть о котором особенно не приходится.

По уничтожении всех препятствий, советский агитпроп принялся за переписывание истории заново. «Дело Бейлиса» поручили некоему А. Тагеру, уже зарекомендовавшему себя соответственными статьями в словаре Граната и в «Красном Архиве» (№ 44), а затем выпустившего книгу «Царская Россия и дело Бейлиса» (Москва, 1933 г.), о которой можно лишь

сказать, что каждая из ее трехсот с лишним страниц – подлог и дезинформация. Здесь все, наконец, поставлено на «нужное» место: «*Вера Чеберяк – руководительница воровской шайки, убившей Андрея Ющинского*» (стр.112), мало того, она еще и «трижды убийца» (Андрюши Ющинского и собственных детей, «*чтобы не донесли*», стр. 115).

Однако, Тагер метит, разумеется, гораздо выше: «*Мы имеем перед собой ... союз киевской прокуратуры непосредственно с воровской шайкой, убившей Ющинского*» (стр. 184), «*союз государственной прокуратуры с содержательницей воровского притона и трижды убийцей*» (стр. 187), и более того: «*Создание и инсценировка ритуального процесса ... было делом и политической задачей всего правительства в целом... все это начинание имело за собою с начала и до конца поддержку и одобрение Царя... Так союз воровской шайки, убившей Ющинского, ... с государственной прокуратурой... был возглавлен Царской фигурой* (стр.288)».

С тех пор эта «версия» господствует, с незначительными нюансами, во всем мире и на всех языках. Любопытно, что еврейская сторона взяла, фактически, монополию на «дело Бейлиса»: нам не известен ни один, сколько-нибудь известный нееврейский писатель или публицист, который рискнул бы заняться этой темой. Причина ясна: писать правду, основываясь, как мы это сделали, на «Стенографическом отчете» о процессе, имеющемся во всех больших библиотеках мира, нельзя: впутаться в историю, запишут в антисемиты, а тогда прощай и карьера, и профессорская кафедра, и издательские возможности; повторять же заведомую дезинформацию не каждому сподручно, а поэтому лучше «не тронь.., не пахнет». Зато на «заинтересованной стороне» соревнуются между собой, кроме Тагера, и некий Ганс Роггер в Германии, и Моррис Самюэль в Америке (переведенный там же на русский язык «Кровавый навет», Нью-Йорк, 1975 г.), а в Тель-Авиве некий Бен-Цион Кац («Воспоминания», на иврите, 1963 г.), и иже с ними.

На книге Морриса Самюэла стоит остановиться подробнее, поскольку это единственная попытка литературно обработать дело Бейлиса для западного читателя: «труд» советского автора Тагера (хотя и переведенный в 1935 г. на английский и изданный в США Американским Еврейским Обществом) по своему характеру оголтелой агитпроповской мазни для несоветского читателя явно не подходил.

Самюэл не случайно был выбран для этой задачи. Родившись в Румынии (в 1895 г.), он проживал в США с 1914 года, опубликовал здесь около 20 книг, исключительно на еврейские темы, и был отмечен литературными премиями, тоже еврейскими. В его книге «Кровавый навет» (мы будем цитировать ее русский перевод), в обширной библиографии упомянут и «Стенографический отчет», что, казалось бы, обязывало автора придерживаться этого единственного первоисточника после уничтожения чекистами материалов суда, однако румынский еврей, по-видимому, русским языком не владеет (Тагера он цитирует, например, только по английскому переводу), и описывает Киевский процесс по «Воспоминаниям» упомянутого выше Бен-Цион Каца. Этот последний характеризуется Самюэлом как член негласного и, добавим, абсолютно противозаконного еврейского «комитета защиты Бейлиса», работавшего на деньги киевского миллионщика, «сахарного короля» Бродского, выкрадывавшего судебные материалы, устранявшего нежелательных свидетелей и подкупавшего следователей. Однако, в опубликованных в двадцатые и тридцатые годы воспоминаниях участников этого «комитета», имени Каца мы нигде не встречаем. Это, разумеется, обесценивает и «Воспоминания», поскольку неизвестно, откуда черпал свои данные о процессе сам Кац. Как бы то ни было, но Самюэл основывает на «материалах» Каца главный эпизод своей книги: «разгром» на суде эксперта со стороны обвинения, упоминавшегося профессором Троицким католического пастора Пранайтиса (см. выше), представившего в своей экспертизе уничтожающие доказательства наличия у евреев «тайны крови» и практики ритуальных убийств.

Заметим, что задолго до Киевского процесса эти доказательства были изложены известным русским ученым, Владимиром Ивановичем Далем («Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», СПб, 1844 г.), однако его труд производился по распоряжению тогдашнего Министра Внутренних Дел графа Перовского, был напечатан, по указанию Министра, всего лишь в количестве 10 экземпляров и предназначался для немногих представителей высшей государственной власти. Только в 1913 году, т.е. в год Киевского процесса, труд Даля был переиздан под заглавием «Записка о ритуальных убийствах», став, таким образом, впервые известным более широкому читателю.

Во время процесса труд автора «Толкового словаря Великорусского языка» был еще малоизвестным, и выступление п. Пранайтиса имело характер истинной сенсации. Как мы покажем ниже, защите Бейлиса ничем не удалось поколебать убийственной аргументации бого-

словеского эксперта; эту задачу осталось выполнить задним числом, через полвека после процесса и смерти п. Пранайтиса в 1917 году (не помогли ли и этой смерти вездесущие радетели свободы русского народа?) неизвестному до тех пор Бен-Цион Кацу в Тель-Авиве, и с тех пор версия «разгрома на суде» пастора Пранайтиса повторяется во всех публикациях «заинтересованной стороны». Посмотрим теперь, как выглядит этот «разгром» в воображении Каца и в передаче Самуэла:

Самуэл, (стр. 212 и далее):

«Перед защитой возникла задача: как разоблачить Пранайтиса в простых выражениях, понятных едва грамотным присяжным? – У защиты, конечно, имелись собственные ученые-эксперты, которые легко могли доказать, что «цитаты» Пранайтиса просто были его вымыслом. Но одно заявление такого рода было недостаточным...»

А почему, собственно, «недостаточным»? Кто мог лучше доказать безграмотность эксперта со стороны обвинения, чем его коллеги-богословы со стороны защиты, трое русских профессоров-богословов и московский раввин Мазе? Выше мы, однако, видели, что эксперт со стороны защиты, профессор Троицкий, постоянно ссылаясь на выступавшего перед ним пастора Пранайтиса, ни разу не поставив под сомнение компетентности и эрудиции последнего. Самуэл передергивает (или Кац, кто их знает, кто здесь больше врет?), будучи уверенным, что его читатели не смогут прочесть непереуверенного на другие языки «Стенографического отчета». Цитируем далее Самуэла:

«Задача (*дискредитации п. Пранайтиса – П.Л.*) была довольно тонко разрешена Бен-Цион Кацем, еврейским ученым и писателем, присутствовавшим на процессе в качестве советника в комитете защиты. Слушая Пранайтиса, он уже после нескольких минут понял (*чего не в состоянии были понять «глупые» Православные богословы – П.Л.*) что этот человек – шарлатан, разбиравшийся в древнееврейском языке только самым поверхностным образом, и без всякого знания арамейского, т.е. языка зогара и большей части талмуда. Всякий еврейский мальчик, посещавший хедер (элементарную еврейскую школу), немедленно бы понял невежественность Пранайтиса, но у присяжных, конечно, не было и такой подготовки (*как и у руководства католической Духовной академии в Петербурге, где п. Пранайтис читал лекции по древнееврейскому языку и иудаистике – П.Л.*). Как было им объяснить? – План Бен-Циона был прост: ... он предложил, чтобы кто-либо из адвокатов – христиан спросил для разъяснения о точном значении таких выражений и терминов в его цитатах, как хуллин (учение о животных, дозволенных для пищи) или ебамот (закон семейных отношений) ... После нескольких невинных вопросов должна была последовать западня, в которую Пранайтис непременно должен был попасться ... его надо спросить: «А когда жила баба батра, и в чем состояла ее деятельность? – Баба батра (нижние ворота) – один из самых известных трактатов талмуда – касается законов о собственности, даже полуграмотные евреи, если они знают еврейский язык, имеют о нем понятие, хотя бы понаслышке ... Пранайтис был потрясающий невежда; он должен был попасться на слове «баба» – столь близком русской деревенской бабе... На другой день в суде вся сцена была проведена без сучка, без задоринки, как будто обе стороны заранее прорепетировали ее.

Первым выступил Карабчевский: «Можно спросить эксперта любезно разъяснить нам смысл слова хуллин?». – Болдырев (председатель суда) сейчас же вмешался: «Эксперты не подвергаются перекрестному допросу». На это Карабчевский весьма почтительно ответил, что у него никогда и не было такого намерения, он только задал вопрос, чтобы иметь возможность проследить за изложением ученого отца. Он получил на это разрешение Болдырева, и тут-то начался разгром Пранайтиса:

Вопрос: Каково значение слова хуллин?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: А что значит слово эрубин?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: А слово ебамот?

Ответ: Не знаю...

Этот разговор продолжался довольно долго, пока ловушка за Пранайтисом окончательно не захлопнулась:

– Когда жила баба-батра, и в чем заключалась ее деятельность?

– Я не знаю!

В публике, где присутствовало немало евреев, раздался взрыв смеха, сопровождавшийся счастливым возгласом, вырвавшимся из груди Каца; за это его сейчас же вывели из зала суда...».

...Картина, выражаясь советским языком, действительно «впечатляющая»: пристрастный председатель суда, пытающийся зажать рот защитникам, безграмотная прокуратура, не нашедшая во всей Империи иного специалиста для поддержки обвинения, чем столь же безграмотного шарлатана из сомнительных ксендзов, безграмотные присяжные, разумеется, специально подобранные полицией, и – для полноты картины – умные евреи, в ноль минут кладущие на обе лопатки глупых гоев, вообразивших себя юристами, но не ходивших даже в хедер. Одним словом, Царский режим в полной его красоте, как он вот уже скоро 80 лет изображается в мировой печати и литературе поборниками свободы, не заинтересованными ни в чем, кроме торжества правды и справедливости и не находивших себе места в старой России. Всё это было бы так, если бы приведенный нами отрывок из книги Самюэля (стр.212–214) не был бы от начала и до конца высосан из пальца, и не представлял собой самого беззастенчивого вранья. Заметим, что цитированная нами сцена «разгрома» п. Пранайтиса, т.е. вопросы Карабчевского и ответы на них, подаются в книге «Кровавый навет» как сказанные на суде, другими словами, как выдержка из того же «Стенографического отчета»³⁸ (повторяем, других источников не было и нет), которым должны бы пользоваться и Кац с Самуэлем, если бы их интересовало истинное положение вещей. Другими словами, налицо прямой подлог. Бесцеремонность, с которой «заинтересованная сторона» обращается с фактами, поистине не имеет границ.³⁹ Для опровержения русофобских упражнений Каца-Самюэля, достаточно привести показания п. Пранайтиса, как эксперта на процессе, и его допрос председателем суда, прокурором и адвокатами как обвинения, так и защиты (стр. 318–352 «Стенографического отчета»). Как и в цитированных нами в начале нашего очерка показаниях профессора Троицкого, мы дополняем в круглых скобках недостававшие в устной передаче слова, и даем также в скобках необходимые современному читателю пояснения, за которые несем, разумеется, полную ответственность.

Итак, в своей экспертизе п. Пранайтис показал:

«(II том. стр. 318) ... В талмуде запрещается (евреям) упоминать имя Христа, Матерь Божию, Святых, и они называются совсем другими именами, которых я называть здесь не буду... Относительно же того, как поступать евреям с христианами, сказано, что надо их избегать, не иметь с ними никаких (нормальных) сношений, всячески стараться им вредить, не спасать в опасности и вообще вредить им так, чтобы совсем их истребить... Истребление христиан – это даже обязанность, каждый еврей должен вредить христианам, а если он (им) не вредит, тогда он даже не настоящий еврей. Убиение христиан – есть единственная после разрушения (Соломонова) храма (В Иерусалиме в 70 г. по Р.Х.) богоугодная жертва. Чтобы больше вредить христианству, талмуд разрешает все средства – ложь, обман, ростовщичество, и в конце концов,

³⁸ В.Э.: Вообще «Стенографический отчет» (судя по данным, содержащимся в нем самом) является **еврейским** произведением. На суде, как обычно, всё протоколировалось секретарями суда, но их протоколы не отдавались прессе. А из зрительного зала стенографировали люди, специально нанятые еврейской газетой «Киевская мысль» (той самой, сотрудники которой фабриковали и подавали в полицию множество заявлений о разных ложных версиях убийства). Вот эти-то стенограммы и печатались в газете ежедневно (а после окончания процесса были изданы трехтомной книгой). Полностью фальсифицировать ход процесса они не могли по двум причинам: во-первых, всё это тогда было в свежей памяти, много людей присутствовали в зале, и грубые фальшивки сразу обнаружались бы; и, во-вторых, для повышения авторитетности своего издания, газетчики перед публикацией давали свои стенограммы просмотреть судье или другим официальным участникам суда, и заручались их заверениями о правильности стенограмм. Тем не менее, газетчики могли по-мелкому «мухлевать» на целых четырех этапах: 1) при стенографировании кое-что записать не так или, наоборот, пропустить; 2) подредактировать стенограмму после ее расшифровки; 3) после того, как расшифровку стенограммы просмотрел судья, что-то в ней изменить во время набора текста в газету; 4) что-то изменить по сравнению с газетой потом при наборе книги (когда уже детали у участников подзабылись). А эта книга-то как раз и есть тот источник, который все изучают и цитируют – в том числе изучал и я. И вот, в принципе, изучая эту книгу, я вскоре почувствовал, что стенограмма-то не очень добросовестная. Есть пропуски, например, задается вопрос – и в тексте нет ответа (когда свидетель действительно не отвечал, в стенограмме отмечалось: «молчит»); а вопрос-то очень важный для прояснения дела, – и т.п. Вообще у меня создалось впечатление, что стенограмма умышленно запутывает читателя и старается затуманить его представление о деле – и всегда в одну и ту же сторону: в пользу евреев. Ну, и тем более не может быть и речи о том, чтобы такаая «блестящая победа» евреев, о какой говорится здесь выше, была бы вообще целиком пропущена в стенограмме ТАКОГО характера.

³⁹ В.Э.: В то, советское, время «Стенографический отчет» был недоступен (или почти недоступен) читателям, так что можно было особо не опасаться.

если нельзя иначе поступить, как принять христианство, (то) даже этот обман разрешается. Ложное христианство талмудом разрешено..., и есть много евреев, которые по разрешению талмуда приняли христианство, чтобы больше вредить христианам. Известный историк еврейского народа Гретц (Greatz, 1817–1891, «Geschichte der Juden», в 11 томах) говорит об известном писателе Гейне, что он только кажущимся образом принял христианство, как враг, который берет в руки чужое знамя, чтобы тем лучше ... погубить своего врага. В таком же талмудическом (т.е. резко антихристианском) смысле издавались позже и другие (еврейские религиозные произведения). На первом плане надо отметить каббалу... собрана эта наука в III веке, ...но получила окончательный вид только в XII–XIII веках ... каббала есть своего рода систематизация того, что в талмуде подается вскользь... (стр.319)... (В теоретической каббале) каждая буква означает число, и потом эти буквы (т.е. числа) слагаются. Если одно и то же число происходит и от одного, и от другого слова, то считается, что одно слово непосредственно относится и к другому. Например, слово, которым пишется в талмуде имя нашего Спасителя – Ишу – оно означает 316: 3, 10 и 6, означает Иисус. Но слово ... «пустота», «мерзость», (это) тоже выходит 316, а это значит (согласно каббале), что Христос – то же самое, что и мерзость.

Председатель:

– Я такого рода показания прошу не делать; если вы найдете нужным их сделать, тогда заявите суду, и суд закроет двери (т.е. выслушает эти показания при закрытых дверях).

Это неоднократно повторяется на протяжении процесса: председатель не допускает, кроме как при закрытых дверях, цитирование тех мест из талмуда и других еврейских источников, которые могли бы вызвать возмущение против евреев у присутствовавшей на суде христианской публики, что плохо сочетается с инсинуациями еврейской пропаганды, будто бы весь процесс был инсценирован с целью «натравить народ на евреев».

Далее, в «Стенографическом отчете»:

Пранайтис:

– Ишу – есть начало трех слов: «имах», «шемо», «везикрой», это первые три буквы трех слов, а «веруфим» – это переставление одной буквы на место другой...

Здесь пастору вновь не дали закончить мысль. Но он успел сказать об этом много раньше...

В 1892 году, т.е. за 20 лет до Киевского процесса, пастор Юстин Пранайтис опубликовал (с разрешения, т.н. «имприматур», католического архиепископа Могилевского) книгу «Об отношении евреев к христианам», из которой явствовало глубокая ненависть и презрение евреев ко всему нееврейскому человечеству. На каждой странице книги ее левая половина воспроизводила на древнееврейском тексты из талмуда, справа же давался их перевод по-латыни. Ясно, что труд п. Пранайтиса предназначался для специалистов-гебраистов, в лучшем случае для владевшего латынью католического духовенства и для той части Православного Духовенства, которая также учила латынь и древнееврейский язык в Духовной Академии. Широкая публика, даже простые русские батюшки, пользоваться этой книгой не могли: лишнее доказательство того, как и католическая, и Православная Церкви в России прилагали все усилия, чтобы не «натравливать народ на евреев», учитывая и без того малую симпатию к этому племени у простого народа. В своей книге п. Пранайтис мог написать то, чего ему не разрешалось говорить на Киевском процессе:

«Настоящее имя Христа гласит по-еврейски Ие-шуа Ханоцри, т.е. Иисус Назарянин... Однако, поскольку слово «Иешуа» означает «Спаситель», это имя редко встречается в еврейских книгах. Оно почти всегда сокращается в «Иешу», что злонамеренно толкуется, как если бы оно слагалось из начальных букв трех слов «Иммах», «Шемо», «Везикрой»: «Да будут уничтожены (стерты, вычеркнуты) имя его и память о нем».

Продолжаем текст «Стенографического отчета»:

(стр. 320) (Вопрос № 12 анкеты суда, розданной всем экспертам):

– Чем в каббале заменен ритуал принесения в жертву животных, прекратившийся с разрушением (Соломонова) храма?

Пранайтис:

– ...Эти ветхозаветные жертвоприношения исключены (теперь) принесением в жертву христиан вместо агнцев...

Вопрос 25-й (анкеты суда):

– Заключается ли в учении еврейской религии, как древней, так и позднейшей (зогар и др.), предписание об умерщвлении христиан с ритуальной целью?

Пранайтис:

– Таких указаний, где бы прямо говорилось об убийствах с ритуальной целью, ... не существует, ибо (в еврейской религии) есть предание, которое можно записывать, и есть такое, которое талмуд запрещает записывать, это есть тайна постоянного (устного) предания. О том, что употребляют (кровь христиан) и как употребляют, это можно (стр. 324) установить лишь на основании исторических данных и повторяющихся убийств (евреями христиан, в особенности, детей)... Кровь убитых собиралась и посылалась (по еврейским общинам) в закупоренных бутылках, потом (ею) пропитывался холст, и куски пропитанного кровью холста также рассылались (по общинам). Это ясно видно по Саратовскому делу 1854 года. Тогда были убиты двое христианских мальчиков; четверо полностью избитых евреев были приговорены каждый к 20 годам каторги – высшая мера наказания в России, где смертной казни за уголовные преступления не существовало уже с середины 18 века. Все было найдено, и этот холст, пропитанный кровью, также был найден в том же (еврейском) доме, и ... (обвиняемые) не могли, разумеется, объяснить, откуда эта кровь взялась; говорили, что это, мол, дети играли, когда гусей резали, и испачкались в (крови), а потом спрятали. Но когда была произведена экспертиза, то оказалось, что это кровь млекопитающего (более точного определения человеческой крови судебная медицина той эпохи не знала).

Допрос Пранайтиса
(стр. 326) Прокурор:

– Скажите, пожалуйста, Вы состоите (католическим) куратором в Туркестанском крае?

Пранайтис:

– Да. Я был лектором еврейского языка, являюсь магистром богословия.

Прокурор:

– С какого года Вы состояли лектором (Петербургской католической Духовной) академии?

Пранайтис:

– С 1884 по 1902 год.

...(стр. 327) Прокурор:

– В талмуде сказано, что дозволено приносить (в жертву) нееврея даже в день прощения обид, приходящегося на субботу (когда категорически запрещается вообще какие-бы то ни было действия) – есть такое место?

Пранайтис:

– Такой текст есть. ... Я могу сказать, что в талмуде указано, что все жертвоприношения после разрушения (Соломонова) храма заменены (приносимыми в жертву) иноплеменниками ...

(стр. 328) Прокурор:

– (Можно ли сказать, что) одну из заповедей Библии (т.е. Ветхого Завета) – «не убий» – они (евреи) истолковывают в том смысле, что «не убий еврея»?

Пранайтис:

– Да, все, что относится (в Св. Писании) к ближнему, надо понимать (согласно талмуду, как относящееся только) к евреям, остальные не считаются ближними, даже людьми.

(стр.335) Присяжный поверенный Шмаков (поверенный матери убитого мальчика):

– Не сказано ли (в талмуде), что евреям дозволяется обманывать (неевреев), и вообще совершать все, лишь бы гой не знал, что еврей лжет?

Пранайтис:

– Я уже раньше сказал, и теперь повторяю, что всякий обман и ложь, все это (согласно талмуду) допустимы, и только в том случае не следует этого делать, чтобы «не было поругано имя Божие», т.е. чтобы это не стало известно (гоям)...

Шмаков:

– В каком трактате талмуда больше всего идет речь об идолопоклонниках?

Пранайтис:

– В (трактате под названием) абод зара.

Шмаков:

– Этот трактат имеет своим предметом идолопоклонников, но ведь евреи живут преимущественно среди христиан?

Пранайтис:

– ... Все постановления (талмуда) относительно идолопоклонников применяются (еврейскими) комментаторами (талмуда) к христианам ...

Шмаков:

– Не можете ли Вы сказать нам, что такое «акум»?

Пранайтис:

– Это слово составлено из начальных букв (древнееврейских) слов Абоде Кохабим Умаззалиот, т.е. поклонники звезд и планет. Это слово – уже позднейшего происхождения, времен Маймонида (еврейский талмудист XII века)... Это слово относится ко всем неевреям. Когда Маймонид писал, идолопоклонников уже не было, и это относилось ко всем окружающим их (евреев) неевреям.

Шмаков:

– Скажите, из основного положения талмуда, что мы (христиане) не люди, не следует ли заключить, что евреи юридически не способны (по еврейскому «закону») совершить по отношению к нам преступление?

Пранайтис:

– Раз (жертва) не считается человеком, то (это значит, что) убивают не человека, а животное. Они считают, что все имущество неевреев есть собственность евреев, и что еврей, когда он берет чужое, не ворует, но только берет обратно свое.

Председатель суда:

– Господин поверенный, ... такого рода вопросы не относятся к делу.

Шмаков:

– Все мои вопросы касаются того, как в талмуде определяется отношение к неевреям.

Председатель суда:

– Господин поверенный, ... это не имеет отношения к нашему основному вопросу. ...

Председатель суда вновь обнаруживает «пристрастие», только в смысле прямо противоположном тому, который приписывается ему и русскому суду Самуэлом и компанией: он устраняет вопрос, способный вызвать заслуженное негодование по адресу евреев со стороны публики, не имевшей до тех пор, как правило, ни малейшего представления об истинном характере талмуда и окружавших ее евреев. И это несмотря на то, что вопрос присяжного поверенного Шмакова имел прямое отношение к вопросу № 8 судебной анкеты: «Каково отношение талмуда к иноплеменникам», в данном случае к христианам?

(стр.336) Шмаков:

– Вы говорили, между прочим, о стремлении евреев к мировому господству. Нет ли в талмуде постановления, что это стремление будет продолжаться, «пока мы не истребим правителей акумского народа»?

Пранайтис:

– Я уже говорил, что главное внимание (в постановлениях талмуда об отношении к неевреям) обращено на правителей (т.е. тех, кто подлежит уничтожению в первую очередь: «лучшего из гоев убей!»).

Читатель волен усмотреть в этом любопытном пассаже предвосхищение царубийства всего лишь через 5 лет после Киевского процесса.

...Присяжный поверенный Замысловский (второй поверенный матери Ющинского):

– У меня только один вопрос: о папских буллах (относительно преследования евреев за ритуальные убийства). Вы говорили, что не нашли булл, которые бы прямо осуждали обвинение евреев в ритуальном убийстве?

Пранайтис:

– Да, таких (булл) нет.

Замысловский:

– А есть только булла папы Иннокентия IV о том, чтобы евреев не обвиняли (в ритуальных убийствах) без доказательств, по одному только предрассудку?

Пранайтис:

– Да, чтобы не наказывали без судебного разбирательства.

Замысловский:

– То есть, без (ясных) улик ... но они (буллы) истолковывались (защитниками еврейства) в ином смысле?

Пранайтис:

– Да, ... (они) истолковывались так, (будто бы) Папа вообще запретил возбуждать такие вопросы, т.к. они (убийства) якобы вообще невозможны. ...

Замысловский:

– ... Не известно ли Вам, что в одном судебном деле о ритуальных убийствах было указано, что (христианская) кровь была употреблена для окропления при закладке синагоги?

Пранайтис:

– Есть такое указание (в судебном деле), что кровью окропляли синагогу.

... (стр.337) Присяжный поверенный Грузенберг (один из 4-х защитников Бейлиса на процессе):

– ... В какой книге Вы нашли проповедь, будто евреи учат убивать ... девушек?

Пранайтис:

– В книге Хаима Витала.

Грузенберг:

– Как эта книга называется?

Пранайтис:

– Сефер галикутим... Есть (еврейские религиозные) книги, которые издаются целиком, а есть – с пропусками. Есть талмуд полный, а в позднейших изданиях есть пропуски...

(стр. 338) Грузенберг:

– ... Вы сказали, что евреям разрешается колдовство и волшебство. Не указано ли в Библии прямо, что если кто будет заниматься колдовством и волшебством, то он за это подлежит смертной казни?

Пранайтис:

– Что написано в Библии (т.е. в Ветхом Завете), то для евреев не обязательно. Они имеют Библию, но они ее не понимают (т.е. превратно толкуют). Все колдовства прямо записаны в талмуде, и по талмуду они этим и занимаются. ...(талмуд) отменяет все законы Ветхого Завета. Поэтому он (Ветхий Завет) ставится ниже талмуда ...

(стр.339) Присяжный поверенный Карабчевский (защитник Бейлиса):

– Вы сказали, что процессов, в которых евреи обвинялись в употреблении человеческой крови, в истории около двухсот?

Пранайтис:

– Даже с лишком.

Карабчевский:

– (Начиная) с какого века?

Пранайтис:

– с XI века.

(стр. 343) Двадцать седьмой день процесса 21 октября 1913 года. Продолжается допрос ксендза Пранайтиса.

Грузенберг:

– Не будете ли Вы столь любезны, господин эксперт, ответить на следующий вопрос: (стр. 344) Вчера Вы сказали, что есть еврейские издания – богослужебные книги – где пишется все, и что есть особые издания, где опасные (для евреев) места пропускаются. Я хотел бы Вас спросить, по каким же книгам Вы ознакомились с этими опасными местами? У Вас эти особые издания были в руках?

Пранайтис:

– Да, были. Я знакомился с талмудом на основании текстов величайшего ученого и знатока талмуда И. Буксдорфа. Три поколения этой семьи, отец, сын и внук, занимались талмудом и были профессорами (гебраистами в немецких университетах). На основании их указаний я познакомился с редчайшим изданием талмуда, которое имеется в Санкт-Петербургской католической (Духовной) академии, с изданием 1644–46 годов. Это – издание без всяких пропусков. Потом у меня есть Бердичевское издание 1894 года, там именно тех мест, которые имеются в Амстердамском издании (1644–46 годы), нет. ...

Грузенберг:

– Значит ... Ваши ссылки на талмуд вполне соответствуют действительности. Значит, мы можем их проверить. ...

Председатель суда:

– Господин присяжный поверенный, показания экспертов мы проверять не можем. Вы можете предлагать эксперту вопросы, а проверкой (его ответов) суд заниматься не может, это

ведь не богословский спор. Эксперт говорит, что он читал (приводимые им места). Какие сведения он о них имеет, где и откуда он их почерпнул. Вы можете для разрешения сомнений обращаться к другим экспертам, а уже дело суда поверить тому, что говорит эксперт, или нет. ...

Карабчевский:

– Вы изволили нам сказать, что Вы специалист по богословию. Скажите, пожалуйста, в какой академии Вы читали?

Пранайтис:

– Я читал в католической (Духовной) академии древнееврейский язык.

Карабчевский:

– В Петербургской?

Пранайтис:

– Да ...

(стр. 350)

Оглашение показаний Пранайтиса.

«Пранайтис был допрошен судебным следователем в Петербурге с 15-го по 23 ноября 1912 года и, между прочим, показал следующее: ...»

Далее следует на трех страницах «Стенографического отчета» перечисление убийств христиан евреями, начиная с христианского погрома евреями в 418 году по Р.Х. в Александрии и «распятия христианского мальчика в Имностаре, близ Антиохии, в 419 году» и кончая судебными процессами по аналогичным преступлениям в XIX веке (в основном, тех же, что были приведены В.И. Далем в его «Розыскании» 1844 году). Последние строки показания п. Пранайтиса гласят:

«... (стр. 352) Убийство в Саратове в 1853 году двух мальчиков, Маслово и Шерстобитова, сопровождалось их обрезанием, за что (изобличенные) евреи были осуждены в каторжные работы. ... В 1881 году в Галиции (тогда в составе Австро-Венгрии) девушка Франциска Мних была зверским образом умерщвлена евреями, а труп ее был брошен в овраг (характерный признак еврейских ритуальных убийств: тело жертвы не должно быть уничтожено, или даже закопано, дабы символизировать «господство евреев над христианами»); трое убийц-евреев были приговорены к смерти. Кассация приговора повлекла за собой пересмотр дела, причем другим составом суда они вновь были приговорены к смерти за ритуальное убийство.

... В 1889 году еврей Гюльзнер (Hulsner) был признан виновным (в соучастии вместе с группой других евреев, которым удалось скрыться) в убийстве 14-летней девушки Агнесы Груши (ошибка в «Отчете» или в допросе: должно быть «19-летняя Агнесса Груза» в Польне (Богемия, Австро-Венгрия) и приговорен к смертной казни. После отмены приговора в кассационном порядке (в результате беспримерного для тех пор давления международных финансовых кругов на зависившее от них правительство) и нового рассмотрения дела, был вторично приговорен к смерти. Вследствие смягчения приговора императором Францем-Иосифом, Гюльзнер в настоящее время (1912 год) отбывает свое (пожизненное) заключение в каторжных работах».

Гюльзнеру недолго оставалось отбывать заключение. После распада Австро-Венгрии в результате революции 1918 года одним из первых актов президента нового государства Чехословакии, масона и филосемита Масарика, было освобождение Гюльзнера. Изобличенного без тени сомнений и дважды приговоренного независимыми судами культурной европейской страны убийцу еврейское общество Праги чувствовало, как «мученика» (!), собрав для него громадную сумму денег, на которую он безбедно проживал до конца своих дней. (Общечеловеческие ценности во всей своей красе! – ред.)

Мы привели пространные выдержки из отчета о судебных заседаниях в Киеве, чтобы показать атмосферу процесса, столь непохожую на домыслы Каца и списывающего с него Самюэла. В частности, цитированные нами прения начисто опровергают смехотворное утверждение Каца, будто он «после нескольких минут понял, что этот человек (Пранайтис) шарлатан, разбиравшийся в древнееврейском языке только самым поверхностным образом, и без всякого знания арамейского» и т.д., что, по Кацу, должно было быть ясным для любого «еврейского мальчика, посещавшего хедер». Как видел читатель, Пранайтис вообще не цитировал ни одной строки ни на древнееврейском, ни на арамейском языках, поскольку, во-первых, в этом не было ни малейшей нужды, а во-вторых, никто бы из состава суда не смог его цитат понять. Что же касается эрудиции и компетентности эксперта, то, после приведенных выше его показаний перед судом, они не нуждаются в подтверждении и, к тому же, ни разу не были поставлены под сомнение ни одним из экспертов защиты, включая раввина Мазе.

Эти плачевные, с еврейской точки зрения, результаты не укрылись от всевидящего ока нелегального «комитета защиты Бейлиса», и не исключено, что киевский миллионер Бродский задал своим подручным вопрос, за что он им, собственно, платит деньги. Адвокатам защиты тоже надо было как-то оправдать полученные ими щедрые гонорары; почтенная компания, видно, решила пойти на скандал, чтобы поколебать убийственные для нее разоблачения пастора Пранайтиса.

Приведенный в книге Самюэля эпизод с «разгромом» эксперта мы уже разоблачили выше, как чистую выдумку, прямой подлог и обман читателя, поскольку этот эпизод был подан в форме выдержки из протоколов заседаний суда. Теперь мы приведем подлинный пассаж из «Стенографического отчета», который действительно показывает, что защита Бейлиса не брезговала никакими средствами для подрыва авторитета ее противников, однако результаты этой попытки, как увидит читатель, были далеки от сколько-нибудь удовлетворительного «разгрома», ставшего опасным для еврейской стороны ксендза. Отрывок на стр. 434–435 II тома «Стенографического отчета» – единственный во всех трех томах, имеющий отдаленное сходство, по крайней мере в намерениях, с уже цитированным ранее, весьма драматическим, но, к сожалению, вымышленным эпизодом на стр. 212–214 книги Самюэля (в русском переводе).

Присяжный поверенный Грузенберг:

– В Вашей экспертизе Вы изволили указать на (одно) место из зогара, книга 1-ая, стр. 38 «б» – 39 «а». Это точный перевод?

Пранайтис:

– Точный.

Грузенберг:

– Вы заимствовали его у Ролинга (немецкий гебраист, один из первых обличителей талмуда) или сами перевели?

Пранайтис:

– Я сам перевел.

Грузенберг:

– Так что Вы помните, что (там в зогаре) написано, что в раю будут те, **которые** истребляли (неевреев)?

Пранайтис:

– Да.

Грузенберг:

– А не те, **которых** истребляли?

Пранайтис:

– Нет.

Присяжный поверенный Карабчевский:

– Вы упоминаете о трактате хуллин (в талмуде). Есть такой?

Пранайтис:

– Не помню.

Проверка отчета показывает, что Пранайтис ни разу трактата хуллин не упоминал, как и не называл других трактатов, всегда говоря о талмуде в целом. Пранайтис «не помнит», поэтому, говорил ли он когда-либо о хуллине.

Карабчевский:

– Но трактат хуллин Вы знаете? Как перевести это название, о чем идет здесь речь?

Пранайтис: (молчит).

Карабчевский:

– Дальше тут есть о (трактате) макширин. Что это значит?»

Вторая передержка со стороны Карабчевского, явно по указаниям «советников» «комитета защиты Бейлиса», невежд в иудаистике, но всерьез вообразивших, что могут парой глупых вопросов загнать в тупик специалиста-гебраиста. О трактате макширин Пранайтис тоже ни разу не упоминал. В его труде о талмуде, трактат макширин обозначается, как 8-я книга VI части талмуда тохорот, со следующим объяснением: «Приготовления. Трактат о жидкостях, приготовляющих и устранивающих семена и плоды для получения ритуальной чистоты».

Пранайтис:

– Это – жидкость. Вы мне экзамен делаете?

Карабчевский:

– Нет, (только) чтобы мне самому выяснить, потому что у Вас приведены еврейские названия».

Мы уже отметили, что нигде у пастора Пранайтиса эти названия не были «приведены».

Присяжный поверенный Шмаков:

– Защитник экзаменует (эксперта), это недопустимо ...

Председатель суда:

– Защитник интересуется переводом этих слов и имеет право спрашивать об этом у эксперта.

(стр. 435) Шмаков:

– ... Это – экзамен.

Председатель суда:

– Эксперт – сведущее лицо, и об экзамене ему не может быть речи. ...

Присяжный поверенный Зарудный (защитник Бейлиса):

– Я считаю себя вправе спрашивать у эксперта перевод. ... Вы между прочим ссылаетесь на трактат иевотоит?

Пранайтис:

– Я не буду отвечать.

Председатель суда:

– Если эксперт не желает отвечать, то нельзя его спрашивать.

Зарудный:

– Слушаю-с. Может быть, Вы желаете перевести название сочинения мидраш?

Пранайтис: (молчит)

Зарудный:

– А трактат шаалот утешубот?

Пранайтис: (молчит)

Зарудный:

– Прошу занести в протокол, что на вопрос, что обозначают названия, на которые эксперт ссылался, он ответил, что не знает.

Председатель суда:

– Он заявил, что не желает отвечать.

Зарудный:

– Нет, он ответил, что не знает. А если он знает, то пускай переведет.

Председатель суда:

– Это не обязательно для него.

Зарудный:

– Я ... прошу занести в протокол, что никакого экзамена ему я не делал, а задал вопрос и получил ответ, что он не знает. А относительно следующих названий: иевотоит, кесерес гагойле, шаалот штешубот, я прошу занести в протокол, что он отказался перевести.

Шмаков (Зарудному):

– Вы читать даже (по-еврейски) не умеете.

Зарудный:

– Потому я и спрашиваю эксперта, что читать по-еврейски я не умею.»

На этом «разгром» п. Пранайтиса закончился и, как это ясно из приведенного отрывка из «Стенографического отчета» (а не Самуэловой басни), нужного впечатления ни на суд, ни на присяжных эта сцена произвести не могла. Налицо, судя по всему, режиссура «комитета» Бродского, поскольку о названных Карабчевским трактатах талмуда на процессе вообще не было речи, Зарудный же сыпал – к тому же в провокационно-хамском тоне – названиями в иудаистике неизвестными. Цитированная же Кацем-Самуэлом баба батра, на которой, как на ките, строился весь задуманный с запозданием на полвека «разгром» Киевского суда, никем на заседаниях не упоминалась – это прямой подлог. Само собой разумеется, что в книге Пранайтиса об отношении талмуда к христианам этот трактат приведен, как третья книга IV части талмуда незикин, и его объяснение гласит: «Последние ворота. Трактат о законах о недвижимой собственности и торговле, основанной большей частью на обычном праве, а также о правах наследования». Предположение, что эксперт по иудаистике может этого трактата не знать и попадется на сходстве названия с «русской деревенской бабой», само по себе настолько абсурдно, что

свидетельствует лишь о потрясающей примитивности, не адвокатов защиты, которым эта глупость не могла придти в голову, а их позднейших комментаторов – Каца и Самуэла.

Нужно, однако, заметить, что и цитированная нами сцена на суде выпадает из общей атмосферы процесса, отличавшейся, до того и после того, вполне деловым характером и безупречно обходительным тоном на обеих сторонах. Однако, «комитет» сахарного миллионщика имел свои представления об этике судебной дискуссии, и считал, что «кто платит деньги, тот и музыку заказывает». Адвокатам защиты не оставалось, поэтому, иного, как попытаться в последний момент оправдать полученные гонорары – попытка, в которой ни Грузенберг, ни тем более, Маклаков, не нашли нужным участвовать.

Но как бы то ни было, но своим оправданием Бейлис был обязан отнюдь не красноречию или неотразимой аргументации адвокатских «звезд», но исчезновению улики и свидетелей в результате двухлетней активности того же «комитета», что и побудило присяжных счесть оставшиеся улики недостаточными для осуждения обвиняемого.

Мы постарались, комментируя сомнительное интервью о. Александра Меня, дать русским читателям хотя бы приблизительное представление об одном из эпизодов нашей истории, наделавшем в свое время немало шума во всем мире, искаженном затем заинтересованной печатью и пропагандой в свою прямую противоположность, и подаваемом мировой общественностью и русофобами по сей день в совершенно ложном свете, или же попросту замалчиваемом. Обстоятельный, правдивый анализ Киевского процесса во всех его весьма интересных подробностях до сих пор, однако, ждет своего издателя.

Послесловие

Составление настоящего очерка уже заканчивалось, когда к нам в руки попало (с опозданием, за которое просим извинить) упоминание дела Бейлиса в выступлении патриарха Алексия II на встрече с американскими раввинами в Нью-Йорке 13 ноября 1991 года (напечатанное в «Московских Новостях» от 26 января 1992 года). О. Александр Мень, оказывается, далеко не одинок в своей интерпретации Киевского процесса. Приводим соответственный пассаж из выступления Патриарха в Нью-Йорке:

«Во время печально знаменитого суда над Бейлисом эксперты нашей Церкви – профессор Киевской Духовной Академии протоиерей Александр Глаголев и профессор Петербургской Духовной Академии Иван Троицкий твердо защищали Бейлиса и решительно высказались против обвинения евреев в ритуальных убийствах».

Профессор Глаголев, как это явствует из «Стенографического отчета», на суде в Киеве не выступал и вообще не присутствовал. Вероятно, однако, он прислал письменное показание, поскольку прокурор упомянул его имя в своей речи на процессе. Но содержание этого показания неизвестно, и обсуждение его в суде не имело места. Ни «решительно высказаться» в пользу Бейлиса, ни «твердо защищать» его профессор Глаголев не мог. О выступлении профессора Троицкого мы говорили выше и, по нашему мнению, особого впечатления на присяжных его защита еврейства произвести не могла. Бросается, однако, в глаза схожесть оценок проеврейских выступлений в Киеве и данных в наши дни на «встрече» в Нью-Йорке («решительно высказались»), и в интервью о. Александра 20 лет назад («решительно опровергли»). Похоже, что информацию о деле Бейлиса отдельные представители Русской Православной Церкви черпают из одного источника, не грешащего любовью к истине.

Во всех еврейских комментариях к Киевскому процессу, он неизменно характеризуется как «позорный» (англ. «infamous»), другими словами это был не судебный процесс, а «фарс, инсценированный русским правительством в погромных целях». Но что должна обозначать формулировка «печально знаменитый суд над Бейлисом», употребленная перед собранием раввинов в Нью-Йорке? Может ли она быть приложена к процессу, ведущемуся с соблюдением норм цивилизованного права? Очевидно, нет, и по существу это то же, что говорят и еврейские источники, только несколько менее резко. «Печально знаменитой» тоже могла стать лишь антисемитская судебная комедия, разыгранная по указке властей. И это русский-то суд, бывший после судебной реформы Царя-Освободителя в 1864 году самым независимым, самым справедливым и самым милосердным во всей тогдашней Европе! Надо думать, что американские раввины были приятно удивлены поддержкой их русофобских инсинуаций со столь высокой авторитетной стороны.

Нам не пристало вступать в полемику с руководством нашей Церкви. Задачей историков, как она была с предельной простотой сформулирована 150 лет тому назад Нестором европейской историографии, Леопольдом фон Ранке, является «показать, как это на самом деле было». В меру наших возможностей, мы постарались эту задачу выполнить, и представляем читателям судить, насколько нам это удалось, и на чьей стороне правда.

Другие фрагменты

http://www.zrd.spb.ru/zrd/zrd_112.htm:

«Высказанное по поводу Саратовского дела Левинсоном *«сердечное желание, чтобы дело было раз и навсегда уничтожено»*, осуществилось в отношении Бейлиссского дела. Иудеи-большевики уничтожили не только все дело, но уничтожили и всех прикосновенных к нему людей!

Как я уже говорил, еврейство подняло во всем мире кампанию за Бейлиса – появилось $n+1$ экспертов, разбивавших экспертизу профессора Сикорского в пух и прах, появились и угрозы против России и Царя.

Всё это было отмечено прокурором Виппером следующими словами:

«Ведь русская пресса, только кажущаяся русская, в действительности же, **почти все органы печати в руках евреев**. Я ничего не хочу говорить против еврейства, но, когда читаешь еврейские газеты, еврейские мысли, еврейскую защиту, то, действительно, выступать против евреев, значит вызвать упрёк, что вы или черносотенец, или мракобес, или реакционер, не верящий в прогресс, и т.п. Евреи до такой степени уверены, что захватили в свои руки главный рычаг общественности – прессу, что думают, что никто уже не посмеет возбудить против них такое обвинение не только в России, но даже и в других странах. И до некоторой степени они правы: в их руках, главным образом, капитал, и хотя юридически они неправы, но **фактически они владеют нашим миром**, и в этом отношении пророчество Библии почти на наших глазах сбывается: тяжело их положение, но в то же время мы чувствуем себя под их игом. На это я обращаю ваше внимание потому, что, как я уже сказал, никто не думал, что правительство поставит когда-нибудь это дело на суде, всем казалось, – не риск ли это со стороны правительства? Многомиллионный русский народ думает об этом риске. Да разве мы можем закрывать глаза на то преступление, которое совершилось в Киеве; хотя бы это и грозило нам неприятностями, мы должны его раскрыть; но с точки зрения евреев мы не имеем право на это, иначе мы черносотенцы, мракобесы, реакционеры и желаем крови. Ведь это звучит почти обвинением. Ведь в сущности нас даже станут обвинять, что мы поставили процесс, что мы возбуждаем народ против евреев. Отнюдь нет. Меня даже удивляет следующее. Если бы евреи желали защитить Бейлиса, если бы они спокойно отнеслись к этому процессу, то сказали бы – пусть правосудие решит это дело, улик было немного, кроме соображений Красовского, которые я привёл, и суд присяжных, которому они верят, увидя, что улик мало, мог оправдать, но евреи сами, **сознавая, что Бейлис действительно виновен**, вместо того, чтобы сказать – пусть правосудие делает своё дело, старались запутать это дело, **помешать правосудию**. И поэтому, когда Бейлис был привлечён, они были изумлены: что такое сделали с Бейлисом, как смели в ту эпоху, когда существует Государственная дума, когда начнутся разговоры и когда могут привлечь к ответственности целый ряд правительственных лиц. Но правительство посмело, и Бейлис был привлечён». (Евгений Брант. Ритуальное убийство у евреев. Кн. 3. Белград, 1929, с.185–187).

«Ритуальное убийство у евреев», Евгений Брант, кн. 3, стр. 185–187, Белград, 1929 г.

«В течение пяти месяцев полными хозяевами следствия были противники ритуальной версии и буквально делали от имени следственной камеры всё, что хотели: арестовывали одних, запугивали других, подкупали третьих, мистифицировали и печать, и судебную власть целым рядом ложных, а иногда даже и заведомо ложных сообщений. Однако же, несмотря на все усилия найти убийц среди родственников убитого или среди местных воров, несмотря на террор, угрозы

и самые энергичные средства уличения до гримировки заподозренных и фабрикация фальшивых вещественных доказательств включительно – ничего не обнаружили. Тогда – и только тогда – был привлечён к следствию Бейлис, причём тотчас во всей европейской печати поднялся общий негодующий крик против нового направления следствия. Через несколько дней после привлечения Бейлиса **умерли** после угощения пирожным, принесённым сыщиком Красовским в отсутствие арестованной матери, **дети** Чеберяк, единственные свидетели, показывающие, что видели, как Бейлис тащил Ющинского на завод. Покамест следствие дошло до Бейлиса, произошёл целый ряд существенных перемен в местности, где совершено преступление: построен новый забор, сгорело без видимых причин здание, в котором могло быть совершено убийство, – вообще, уничтожены все следы последнего. В руках суда осталась одна главная улика – фотографические снимки с исколотого трупа, ранения которого не могли быть объяснены никакими обычными мотивами, кроме ритуальных, да приставшие к одежде убитого кусочки пропитанной кровью глины, показывающей, что убийство произошло не в квартире Чеберяк, где глины быть не могло, и не в пещере, куда труп был принесён уже окоченелым, а в таком глинистом месте, как кирпичный завод еврейской больницы. Если прибавить к этому установленное экспертизой раздевание Ющинского в момент нанесения ему ран в туловище с одеванием трупа после смерти, и письмо Бейлиса к жене с рекомендацией Казаченки как нужного человека с просьбой дать ему денег и указать ему, кто из свидетелей показывает против обвиняемого, – то этим ограничатся все прямые улики обвинения. Их несомненно оказалось очень мало для того, чтобы осторожный суд совести мог обвинить Бейлиса, но их всё-таки было вполне достаточно для того, чтобы не прекратить дело в период предварительного следствия»

(И. Гофштеттер. Убийство Ющинского и Русская Общественная Совесть. СПб, 1914, с.6).

«К сожалению, в киевском процессе с самого возникновения его и до самого конца действительно было много таких особенностей, которые придают ему характер еврейского торжества над русским правосудием. С точки зрения правосудия прекрасно, что оправдан человек, вина которого не установлена прямыми уликами, но можно ли говорить о торжестве правосудия, если даже самый акт оправдания явился, быть может, результатом систематического уничтожения всех улик? Могло ли правосудие торжествовать, когда с момента возникновения процесса миллионы еврейских голосов иступленно кричали на весь мир о преступности предъявления в XX веке обвинений в ритуальном убийстве, даже при наличии ритуально исколотого детского трупа, когда киевская следственная камера была в течение самых дорогих для расследования первых шести месяцев совершенно парализована этими криками, когда полиция и сыск были подкуплены и работали больше для сокрытия следов, чем для обнаружения виновников преступления, когда, по признанию беспристрастного председателя, судьям пришлось выслушать целые серии лжесвидетелей, выступающих густой толпой почти на каждом еврейском процессе, когда ближайшие свидетели события умирали при очень подозрительной обстановке, когда оставшиеся в живых дети испуганно плакали на суде при виде сыщиков, а взрослые свидетели обвинения растерянно замолкали с оговоркой, что им жизнь ещё мила? Суд обязан был признать невиновным обвиняемого, вина которого не установлена прямыми уликами, но если собирать эти улики ему мешала почти открытая работа могущественной еврейской мафии, то великое торжество правосудия тем самым превращается уже в громко справляемую торжествующим Израилем победу над обессиленным и заранее обезоруженным правосудием»

(там же, с.11–12).

«Будь жертвой изуверов не русское, а еврейское дитя – наше отношение к делу осталось бы тем же самым, тогда как извращенный еврейский национализм старался только об одном: всеми правдами и неправдами освободить попавшего на скамью подсудимых еврея и взвалить вину на кого-нибудь из русских».

[там же, стр. 8]

«Если для евреев оправдание, даже и заведомо виновного, Бейлиса было бы великим национальным торжеством, то для русских обвинение заведомо невинного Бейлиса было бы днем национального траура, потому что знаменовало бы собою лишь смерть русского суда, русского правосудия. Без веры в правоту суда не может жить общество, поэтому вынесете заведомо несправедного приговора было бы равносильно моральной смерти русской государственности. Именно святое чувство патриотизма обязывает русских националистов к высокому

беспристрастию и строгой гражданской корректности даже с таким совершенно некорректным и тупо пристрастным в шкурных делах врагом, как евреи».

[там же, стр. 9]

«Пробуждение уже начинается. Оглянитесь по сторонам, прислушайтесь к тому, что говорится вокруг, за тесными пределами интеллигентной кружковщины. Какая резкая перемена в тоне, в настроении, какая разница с тем, что было до процесса. Яркая картина насилий, подлогов и подкупов, разыгравшаяся на киевском суде, оттолкнула от евреев многих из вчерашних их друзей и поклонников. Циническая беззастенчивость в выборе средств для достижения национальных еврейских целей почти насильно вынуждает делаться юдофобами даже тех, кто доныне был совершенно чужд каким бы то ни было национальным антипатиям».

[там же, стр. 14–15]

«Все, кто не ослеплен национальной ненавистью, как раньше, так теперь после приговора, удостоверившего факт кровотоочивого детоубийства, признают, что ритуальные убийства не марают еврейской веры, потому что могут вытекать только из сопровождающих ее суеверий и темного изуверства, и что огромное большинство евреев, которых мы знаем, с которыми соприкасаемся, становятся психологически совершенно чуждыми всякому ритуалу не столько даже по своей вере, сколько по своему просвещенному безверию. Между еврейской нацией и виновниками кровавого дела на кирпичном заводе нет солидарности в преступлении, но в слепой гордыне своего могущества и в превратном понимании своей национальной чести, все просвещенное еврейство, вместо того, чтобы отмежеваться от оскверняющих нацию изуверов, старалось всеми силами и средствами прикрыть их преступление и ...действительно добилось того, что приговором присяжных киевское детоубийство возложено теперь на совесть всего еврейского народа. В шумном оглушительном празднике безумия евреи продолжают не ведать, что творят, строят победу еврейства на бессилии, на продажности органов сыска, на слепоте обманутой еврейскою печатью интеллигенции, на попрании правосудия, на подавленности глухо ропщущих и протестующих народных масс. Пора им одуматься и остановиться хоть на самом краю зияющей бездны. И русское общество, и правительство, и сами евреи должны понять, что нельзя открыто и безнаказанно топтать народную совесть. Ввергнутая в анархию бессудности, нравственно подавленная безнаказанностью преступления, страна, действительно жаждет правосудия, жаждет возмездия гнусным детоубийцам; она не ликует вместе с толпой на панихиде в Софийском соборе. Исцеление ее душевным ранам может принести только суд строгий и праведный, свободный и независимый, но для того, чтобы Россия могла вновь поверить в мощь своей юстиции, нужно, прежде всего, чтобы все укрыватели, лжесвидетели, фальсификаторы и насильники, публично издевавшиеся над правосудием, понесли бы заслуженную кару закона, чтобы господа Мищуки, Марголины, Чеберячки, Дьяконовы, Махалины и прочие отдали бы ответ перед судом за всю свою темную работу и чтобы первопрестольный град Киев был очищен от тех сановных попустителей, под ответственностью которых местная полиция сделалась органом еврейской борьбы с правосудием».

[там же, стр. 18]

Замысловский Г.Г. Умученные от жидов

Г.Г. Замысловский.⁴⁰ Член Государственной думы
САРАТОВСКОЕ ДЕЛО 1853 г. («УМУЧЕННЫЕ ОТ ЖИДОВ»)
Харьков, 1911 г.

Брошюра «Умученные от жидов» Г.Г. Замысловского, которую мы перепечатаем, была издана в Харькове в 1911 году, став библиографической редкостью. Она была репринтно переиздана в 1990 году, печаталась также в волгоградской газете «Колокол» № 24 за 1993 год. Брошюра не потеряла своей научной ценности, поскольку имеет отношение к истории Саратовского края.

Печатается в сокращении для краеведов и историков.

«Истина», №№ 8–10, г. Саратов

Рубрика «Краеведение»

Глава I

В начале декабря 1852 года, в г. Саратове, сын цехового Шерстобитова, Феофан 10 лет, ушел утром в школу, а домой не возвращался.

В январе 1853 г. также загадочно и бесследно исчез в том же Саратове другой мальчик – 11-летний сын государственного крестьянина, Михаил Маслов.

По поводу их исчезновения саратовскую «градскую» полицию было произведено «расследование», которое «ничего не обнаружило» и делу, казалось, суждено было подвергнуться забвению так, как «остались безгласными» случаи исчезновения мальчиков в той же местности за предшествующие годы.

Лишь впоследствии, когда события развернулись широко и грозно, о незаконных действиях самой «градской» полицией г. Саратова было произведено особое расследование, которое открыло так много, что этими открытиями совершенно исключается возможность удивляться, почему сама градская полиция раскрывала раньше так мало дел.

4 марта 1853 г. совершенно случайно, на Волге, недалеко от берега, был найден труп Маслова, а через некоторое время, когда Волга уже вскрылась, на Беклемишевом острове, против Саратова, в тальнике, тоже случайно – обнаружили труп Шерстобитова.

Стоило этим трупам лежать на аршин правее или на аршин левее – и половодье, по всей вероятности окончательно бы уничтожило следы преступления.

Признаки насильственной смерти обоих мальчиков были несомненны. У Маслова в голове обнаружили две раны – одна нанесенная тупым, другая – острым оружием. На шее вдавление и рубцы от шерстяного кушака. На правом плече часть кожи вырезана кругообразно. Ясные следы обрезания. На руках и ногах синие пятна.

Врач, производивший вскрытие, определил, что смерть последовала от удара тупым орудием по голове – настолько сильного, что теменная и височная кости дали трещину от одного уха до другого. После этого удара, но еще до наступления смерти, шею мальчика давили кушаком. Обрезание, соответствующее иудейскому обряду, и вырезание кожи на плече учинены

Георгий Георгиевич (Егорович) **Замысловский** (1872 – 1920), депутат 3-й и 4-й Государственных дум, прокурор, потом адвокат, член «Союза Русского народа»

⁴⁰ В.Э.: Замысловский на процессе Бейлиса был первым «присяжным поверенным гражданской истицы», т.е. – матери Андрея Ющинского.

при жизни, но незадолго до смерти. Синие пятна на руках и ногах – или от тугих перевязок, или от того, что мальчика очень крепко держали руками – тоже незадолго до смерти.

Труп Шерстобитова успел сгнить настолько, что исследовать повреждения на его теле уже не представилось возможным – однако следы произведенного и над ним обрезания, соответствующего иудейскому обряду – были установлены вполне определенно. На виске обнаружено большое красно-багровое пятно, а значительный кровоподтек, ему соответствовавший, свидетельствовал о прижизненном его происхождении и о том, что сильный удар, нанесенный по виску, если не повлек смерти ребенка, то, во всяком случае, ошеломил и лишил сознания.

Если, однако, результаты судебно-медицинского осмотра и вскрытия Шерстобитова страдали поневоле пробелами, то следственный материал обогатился двумя чрезвычайно важными находками, оказавшимися около трупа – это были: солдатская фуражка, однако, без номера, и солдатские же подтяжки, сцепленные петля в петлю, служившие, по-видимому, для переноса на них трупа, хотя не исключена возможность, что Шерстобитов был этими подтяжками задушен так, как Маслов, тоже получивший сильный удар по голове, был удушен кушаком. Возможно, конечно, в виде предложения, и то и другое, то есть, что подтяжки были и орудием удушения и орудием последующего переноса трупа.

Далее, установлено еще одно, весьма характерное обстоятельство. Ногти на руках и ногах Шерстобитова были обрезаны «вплоть до мякоти», – из дела видно, что эта же особенность была замечена на трупе четырехлетнего мальчика Федора Емельянова, вскрытие которого в свое время (знаменитое Велижское дело 1823 г.), дало полную картину ритуального убийства.

Очевидно, найденные одно за другим мертвые тела ни в чем не повинных детей, замученных, оскверненных, изуродованных, брошенных, как падаль, должны были вызвать сильное возбуждение среди местного населения. Отдельваться расследованиями ничего не обнаруживающей городской полиции больше нельзя было, и губернатор возложил следствие на особого чиновника Волохова, которого вскоре сменил следователь, специально присланный из Петербурга – надворный советник Дурново.

Необычайной энергии, искусству, полной неподкупности этого деятеля, а также помогавшего ему жандармского офицера Языкова, и обязано своим раскрытием одно из интереснейших и ужаснейших судебных дел русской летописи.

Однако уже и Волохов нашел кончик от того клубка, который был потом распутан с таким мастерством. Он обратил тщательное внимание на мальчика Степана Канина, который был вместе с Масловым перед исчезновением последнего.

Канин показал, что его и Маслова какой-то человек в дубленом, желтого цвета тулупе, позвал на Волгу помогать в переноске аспидных досок, посулив по пятаку за доску. Они отправились, но по дороге Канин одумался, не захотел идти дальше и вернулся домой, а Маслов пошел к берегу и больше не возвращался.

Тогда Волохов начал предъявлять Канину проживающих в Саратове иудеев, коих, по-видимому, было в то время не особенно много: до циркуляра, отменяющего закон о черте оседлости, еще не додумались, хотя еврейское влияние среди административных сфер, особенно петербургских, было уже и тогда очень сильным.

Главным рассадником саратовских жидов оказался, весьма неожиданно, местный гарнизонный батальон, об изумительных порядках которого, так же, как и о злоупотреблениях «градской» саратовской полиции, было произведено особое расследование, параллельно со следствием об убийствах Шерстобитова и Маслова.

Беспорядки эти заключались в крайне слабом надзоре за нижними чинами – точнее – в полном отсутствии надзора. Нижние чины батальона, проживая в значительном числе на частных квартирах, не только беспрепятственно разгуливали в любое время по городу, но даже отлучались самовольно с дежурств и караулов – обстоятельства, выяснившиеся при следующем ходе событий и для оценки их весьма существенные.

Жидов в батальоне было 44. Всех их, в числе других иудеев, производивший следствие Волохов предъявил мальчику Панину.

Надо заметить, что в это время был найден только труп Маслова, хотя пропавшего позже, а труп пропавшего раньше Шерстобитова, с валявшейся около солдатской фуражкой, обнаружен еще не был. Таким образом, следственная власть, имея основание заподозрить в убийстве кого-либо из еврейской среды (вследствие факта обрезания Маслова), никакими указаниями, что в убийстве замешаны солдаты-евреи, еще не располагало.

Мальчик Канин из предъявленных ему евреев вообще, и солдат-евреев в частности, признал солдата Михеля Шлифермана, заявив: «он ровно тот, кто сманил».

Впоследствии, на одном из передопросов, Канин выразился еще категоричнее, сказав Шлиферману: «это ты увел Мишу».

Итак, с одной стороны, по убийству Маслова, которое совершено позже, но подверглось расследованию раньше, свидетель, в добросовестности которого нельзя сомневаться, прямо указал на солдата-еврея, как на одного из виновных, а с другой стороны, уже после этого показания обнаружилось несомненное, чисто объективные данные, что виновный или виновные в первом убийстве, Шерстобитова, вышли из среды: 1) еврейской (факт обрезания Шерстобитова) и 2) солдатской (подтяжки и фуражка, оказавшиеся около трупа).

Михель Шлиферман, учинив полное заперительство, однако не мог отрицать, что, будучи по ремеслу цирюльником, именно он совершал обыкновенно у саратовских евреев обряд обрезания младенцев.

Когда Канин опознал Шлифермана, естественно возник вопрос о дубленом желтого цвета тулупе, в котором, по словам мальчика, был человек, «сманивший Мишу». Сначала поиски были безуспешны, но затем нашелся свидетель, удостоверивший, что видел, как в таком тулупе приходил на квартиру Шлифермана другой солдат-еврей, служащий сторожем в еврейской молельне.

У этого сторожа, солдата инвалидной команды Янкеля Бермана, произвели обыск и, действительно, нашли тулуп, по приметам подходящий к описанию, сделанному Каниным.

Чтобы закончить эту часть изложения, следует еще добавить, что как только был найден труп Маслова, на следующий же день в полицию добровольно явился некий Авксентий Локотков, бродяга-подросток, ночевавший где попало, без копейки денег – и заявил, что это он совершил убийство. Локоткова препроводили к следователю Волохову, который удостоверился, что рассказ явившегося с повинной бродяги о том, как он убивал, совершенно невероятен. Впрочем, и Локотков уже от своего сознания отказался, заявив Волохову, что говорил все это в полиции спяна, а пришел туда потому, что не имел ни пристанища, ни денег.

Тем не менее, он был предъявлен Канину, который сказал, что это не тот человек, который увел Маслова. Тогда Волохов отослал Локоткова обратно в полицию, где его оставили под арестом «за бесписьменность». На первоначальное показание его, очевидно, взглянули, как на не заслуживающую внимания болтовню пьяного бродяги – и лишь впоследствии выяснилось, что болтовня эта была не столь вздорной и беспричинной, как казалось.

Этим и закончилась, повторяю, первая стадия дела – действия полиции и Волохова до приезда Дурново.

До настоящего раскрытия преступления было еще очень далеко, но путь намечался довольно отчетливо.

Несомненные следы обрезания на трупах и опознание такого еврея, который как раз совершал обрезания своим единоверцам.

Признаки ритуального убийства и связь этого еврея с другим, как раз сторожем еврейской молельни.

Солдатское звание заподозренного в причинении смерти Маслову – и солдатская фуражка около полусгнившего тела Шерстобитова.

Еще ничего вполне определенного, но совпадения, которые уже очень трудно объяснить случаем.

Впоследствии, когда уже производилось расследование в саратовской городской полиции, отцы убитых мальчиков, Шерстобитов и Маслов, удостоверили, что сразу немедленно после исчезновения их сыновей, задолго до обнаруженья трупов, они заявили подозрение на жидов и настаивали, «ежедневно просили», по выражению потерпевших, чтобы в жидовских помещениях – повторяю, немногочисленных – были произведены обыски. Однако полиция упорно «подозрение это отводила», ни одного обыска тогда не произвела, а Шерстобитова, например, уверяли, что его сын «наверное, где-нибудь замерз, потому что был шалуном».

Глава II

В числе рядовых саратовского гарнизонного батальона находился крестьянин Антон Богданов, характеристика которого представляется еще более отрицательно, чем Локоткова. Вместе с матерью, бежавшей от помещика, он долго вел бродячий образ жизни, подобно Локоткову. В рекруты был сдан за дурное поведение. На военной службе не исправился, отличаясь, по

удостоверению начальства, буйством и пьянством. Происходя из Витебской губернии, с детства привык к польской и еврейской среде, а потому, по словам других солдат, «с русскими был русский, с поляками поляк, с жидами жид». В вещах его нашли подвязную бороду и парик.

На первой неделе Великого поста 1853 года Богданов явился в «Петербургскую» гостиницу г. Саратова и там, в пьяном виде, начал буянить, шуметь, кричать, бить посуду.

Так как о «Петербургской» гостинице будет дальше много разговоров, то надлежит теперь же отметить, что содержанием ее состоял немецкий колонист Гильгенберг, что под зданием гостиницы было особое подвальное помещение, а во дворе – флигель, где жил с семьею пожилой зажиточный еврей Янкель Юшкевичер, по ремеслу меховщик. Поселился он в Саратове давно, еще с 1827 г., конечно, не имея на это ни малейшего права. Несколько раз, как водится, «возникла переписка» о его выселении, но «оканчивалась ничем».

Поднявший скандал Богданов вдруг начал требовать, чтобы этого Юшкевичера позвали в гостиницу: пусть, мол, заплатит за ту посуду, которую он, Богданов, побил.

Несмотря на дикость такой фантазии, гостиничные служащие дали знать об этом на квартиру Юшкевичера, откуда, за отсутствием самого Янкеля, в гостиницу немедленно пришел его сын, Файвиш. Богданов, однако, не унимался: он полез на Файвиша с кулаками и заявил, что не платит сам вовсе не по неимению денег, а лишь потому, что считает жидов обязанными платить за него, Богданова. В доказательство Богданов вытащил из кармана несколько золотых монет и, обращаясь к Файвишу, сказал: «у меня самого есть деньги: вы же мне дали за мальчиков».

Но в это время появился Янкель и сумел успокоить Богданова, а за разбитую им посуду беспрекословно заплатил пять рублей – сумма по тогдашним временам, несомненно, очень крупная для солдатского кутежа.

Однако, и это весьма важное событие осталось пока «безгласным». Кому было обратиться к нему внимание? Отношение к делу саратовской полиции было вполне определенным, что же касается служащих в гостинице, то они даже тогда, когда за следствие взялся Дурново, были вначале крайне молчаливы и несообщительны.

Может быть, на них влиял Янкель непосредственно, а вернее, что им приказал молчать хозяин Гильгенберг, по крайней мере, в конце концов, эти служащие показали именно так. И Правительствующий Сенат, решая дело, даже предполагал «Якова Гильгенберга оставить в подозрении в преступных сношениях с Янкелем Юшкевичером и в знании обстоятельств о скрытии следов сделанного Юшкевичером преступления».

Тогда, при дореформенном процессе, существовал особый юридический институт «оставления в подозрении», как нечто среднее между обвинением и оправданием.

Между тем Богданов с каждою неделей пьянствовал все сильнее и сильнее, стал нелюдимым, все более и более сторонился товарищей, пока наконец, уже в мае 1854 г. ни заявил начальству, что «желает раскрыть жидовское дело». Его отправили к Дурново.

После целого ряда тщательных и весьма подробных допросов, показания Богданова свелись к следующему:

Поступив в Саратовский гарнизонный батальон летом 1853 г., он быстро сдружился со служившими там солдатами-евреями, а в особенности с Федором Юрловым, бывшим тогда еще шарманщиком и принятым в батальон рядовым к зиме. Федор Юрлов доводился сыном Янкелю Юшкевичеру, но принял православие. Однако, это не воспрепятствовало ему сохранить близкие, дружественные отношения и с евреями вообще, и с Янкелем Юшкевичером в частности; Юрлов не только бывал у отца, но и водил туда Богданова, которому оказывали хороший прием и поили водкой.

С зимы Богданов стал красть для евреев казенные дрова и носить в еврейскую молельню. Это еще более сблизило его с евреями и усилило их доверие.

В середине декабря 1852 г. ночью Юрлов уговорил его, Богданова, уйти с караула на квартиру Янкеля Юшкевичера, расположенную, как уже было сказано, на одном дворе с «Петербургскою» гостиницей.

У Юшкевичера Богданов застал солдат-евреев Фогельфельда, Берлинского, Зайдмана и двух незнакомых ему жидов, не из Саратова: один был в халате и высокой, грузинской шапке, другой – в чапане.

Богданова, по обыкновению, стали поить водкой, после чего повели в подвал, находившийся в гостинице. Там, на полу, он увидел мальчика, которого сейчас же положили на скамейку. Мальчик вертелся и мычал. Янкель сел на него верхом, вынул инструмент из какого-то

красного футляра и совершил обрезание, но при этом нечаянно порезал себе палец на левой руке – из пальца пошла кровь. Мальчика после обрезания повернули и, сделав раны на спине, или на шее дали крови стекать в медный таз. Затем кто-то нанес мальчику сильный удар в висок, и тот перестал шевелиться. С полной точностью и отчетливостью Богданов всего происшедшего вспомнить не может, потому что находился тогда под влиянием сильного испуга и выпитой водки. Он даже хотел убежать, но Юрлов принудил его остаться, после чего жида стали настаивать, чтобы он вынес труп мальчика из подвала и выбросил куда-нибудь подальше. Богданов, в испуге, отказался, но, под влиянием просьб и угроз, обещал это сделать через несколько дней. Тогда его снова начали напавать водкой.

Спустя некоторое время Богданов, опять отлучась из караула самовольно, пришел к Янкелю и с Юрловым, Берлинским и Зайдманом спустились в подвал. Там связали труп мальчика подтяжками, сложили в сани и повезли на Волгу. У берега Богданов взвалил мертвое тело себе на спину и стал спускаться, но было круто, и он сорвался с своей ношей вниз. Помочь ему подоспел Юрлов. Вдвоем они стали искать проруби, но не нашли, а потому переправились по льду на остров и спрятали труп в кустарник, где Богданов второпях потерял фуражку. Тогда Берлинский дал ему свою, так как, живя на вольной квартире, мог незаметно вернуться и без форменной фуражки – в шапке. За свое участие в вывозе трупа он, Богданов, получил от Янкеля плату.

В феврале Берлинский и Зайдман снова позвали Богданова к Юшкевичеру. По дороге оба еврея заглядывали в несколько кабаков, видимо, что-то отыскивая. Наконец, в одном кабаке они увидели Федора Юрлова в штатском платье. Зашли туда и угостили Богданова водкой, а потом продолжали путь уже вчетвером. На Сергиевской улице Зайдман зашел в какой-то дом и вернулся из ворот на улицу в сопровождении незнакомой Богданову женщины, не жидовки. Богданов обратил внимание, что она говорила по-русски чисто, но скороговоркой и, прощаясь, сказала: «Бог с вами».

Придя к Юшкевичеру, Богданов выпил еще водки, а потом, около полуночи, увидел во дворе сани, на которых лежал труп мальчика, чем-то покрытый. В санях расположились Юрлов, Берлинский, Зайдман. Он, Богданов, стал на запятки и поехал к Волге. На повороте у взвоза Богданов, охмелев, сорвался с запяток. Жида уехали без него и что они дальше делали – ему неизвестно. Не остановились они, вероятно, потому, что на взвозе было очень круто и скользко – трудно удержать лошадь, а кроме того, вблизи стоял будочник.

Он, Богданов, вернулся в город. Найденные в его вещах при арестовании фальшивая борода и парик были доставлены ему Юрловым после того, как вывезли на Волгу первого мальчика, Шерстобитова. Уже тогда Юрлов подговаривал его бежать из батальона и, принеся бороду, парик, обещал также достать фальшивый паспорт.

Оказавшаяся у него, Богданова, за обшлагом рукава пятирублевая ассигнация представляет ту часть платы за вывоз трупа, которую он, Богданов, еще не успел истратить.

Таково вкратце показание Богданова, послужившее ключом для раскрытия дела. Но естественно возникает вопрос, насколько оно достоверно? Разве можно верить пьянице, вору, бродяге, человеку самого низкого нравственного уровня? Разумеется, нет. Слова такого человека, сами по себе, ни малейшего доверия не заслуживают. Вообще, оговор – это такой вид судебного доказательства, к которому надо относиться с наибольшей осторожностью. Но, тем не менее, это есть доказательство и, в иных случаях, доказательство неотразимое. Прежде всего, если оговаривающий не только оговаривает других, но, в то же время, и сам сознается в тяжком преступлении, сознается добровольно, еще никем не заподозренный, сознается, не имея никакой выгоды, никакого расчета сознаваться – то много вероятно, что в его рассказе есть значительная доля правды. Во всяком случае, здесь уже огромная разница по сравнению с тем положением, когда изобличенный преступник просто старается путем оговора свалить часть своей вины на другого, затянуть дело, отомстить или пошантажировать.

Внутренний порыв, элемент раскаяния, хотя бы неполного, хотя бы преходящего, надлежит серьезно учитывать даже и в самом порочном человеке.

Но кроме этой субъективной стороны, все же несколько шаткой, есть еще и объективная, уже совершенно незыблемая. Если рассказ преступника, сознающегося и в то же время оговаривающего других, охватывает целый ряд взаимно связанных, переплетенных событий, фактов и при проверке такого рассказа следствием начинает подтверждаться один факт за другим – оговор вырастает в грозную улику, хотя он и сделан человеком, не заслуживающим никакого доверия.

Придумать, измыслить длинный, подробный рассказ так, чтобы он совпал с обстоятельствами большого, сложного дела, тщательно исследуемого – совершенно невозможно. Совпасть может только правда.

Посмотрим, насколько совпал с обстоятельствами дела ужасный рассказ Антона Богданова, за кутеж которого так беспрекословно и кротко расплачивался Янкель Юшкевичер в гостинице.

Глава III

Как Михель Шлиферман учинил полное заперительство по поводу того, что показал о нем мальчик Степан Капни, так Юрлов, Юшкевичер, Зайдман, Берлинский и Фогельфельд стали совершенно отрицать все, что рассказал о них Богданов. Юрлов заявил, что познакомился с Богдановым лишь после того, как попал в одну с ним роту. Остальные евреи показали, что вовсе Богданова не знают.

Однако солдаты-христиане удостоверили, что Юрлов и Богданов были дружны между собой, что Юрлов еще до поступления своего на военную службу приходил в 1 роту, где служил Богданов; что поздно осенью 1852 г. он явился к Богданову в караул при рабочем доме и оба вместе куда то ушли.

Описывая убийство первого мальчика, свезенного на Волгу, Шерстобитова, Богданов между прочим указал, что Янкель Юшкевичер, совершая обрезание вертевшейся под ним жертвы, порезал себе палец левой руки.

Следователь Дурново произвел немедленно судебно-медицинское освидетельствование Юшкевичера и, действительно, на безымянном пальце левой руки свидетельствуемого был обнаружен рубец, по поводу которого Юшкевичер объяснил, что порезался щучьим зубом. Однако, врач-эксперт удостоверил, что тогда края рубца были бы иные, менее гладкие, здесь же ровность краев указывает, что рана причинена не зубом, а более острым орудием.

На это Янкель Юшкевичер дополнительно объяснил, что он заметил порез, когда чистил рыбу накануне еврейской пасхи (т.е. по справке 10 апреля 1853 г.) – но, может быть, таковой причинен и не зубом, а ножом.

Однако, врач удостоверил, что и это объяснение невероятно, ибо белизна рубца указывает, что рана причинена не раньше⁴¹, как месяца за четыре до освидетельствования, происходившего 13 мая 1853 года.

Далее, следствием была отыскана свидетельница Чернышева, которая показала, что в декабре 1852 г. вечером, проходя около дома «Петербургской» гостиницы, она встретила жида Янкеля, державшего за руку мальчика лет десяти. Янкель говорил ему: «иди», а мальчик, пираясь, хотел освободиться.

Другая свидетельница, Ирина Попова, показала, что, служа стряпухой у цехового Цыганова, квартирующего рядом с Янкелем Юшкевичером, она незадолго до масленицы 1853 года услышала донесшийся из квартиры жалобный детский крик. Начав прислушиваться, она различила слова: «отпустите, лучше тятенька вам денег даст». Потом послышался какой-то шорох и все затихло. Попова прошла на квартиру Юшкевичера узнать, кто кричал, но в дверях ее остановила старшая дочь Янкеля и не пустила в квартиру, а на вопрос о странном крике ответила: «это дети играют». Попова тогда же рассказала о случившемся Цыганову, который ее ссылку впоследствии и подтвердил.

Спустя довольно много времени после ареста Юшкевичера, от ремесленников-христиан, поселившихся на его бывшей квартире, стало известным, что в темной комнате, где была раньше спальня Юшкевичера и его жены, замечены на полу какие-то странные пятна, которые не смываются даже горячей водой. Приступив к проверке этих сведений, следственная власть, действительно, обнаружила в указанном месте мало заметные на глаз, но довольно большие темно-бурые пятна, которые, однако, выступили гораздо явственнее, когда доски были смочены теплой водой, и снова сделались мало заметными по мере высыхания досок. Новые обитатели квартиры Юшкевичера объяснили, что в то время, когда они туда переехали – в июле 1853 г. – пятна были гораздо более красного цвета и очень походили на кровавые, а потом, после неоднократного мытья, потемнели.

Врачебная управа и медицинский совет высказались, что, при таких условиях, определить свойства и происхождение пятен не представляется возможным.

⁴¹ В.Э.: Не позже.

Над пятнами, на потолке, штукатурка оказалась гораздо более свежей, чем остальная. Заинтересовавшись сим обстоятельством, следственная власть выяснила, что как раз в этом месте у Юшкевичеров были вбиты в потолок большие гвозди, которые испортили штукатурку, впоследствии отремонтированную заново.

Когда спросили мужа и жену Юшкевичеров, зачем понадобилось вбивать в потолок гвозди и почему под гвоздями образовались такие странные пятна, спрошенные дали противоречивые показания. Жена Юшкевичера, Ита, сначала объяснила, что ни гвоздей в потолке, ни пятен на полу не замечала, а потом добавила, что уже после ареста ее мужа в этом месте были вбиты гвозди, чтобы повесить люльку для ее внука.

Янкель Юшкевичер, по ремеслу меховщик, как было упомянуто выше, заявил, что гвозди были вбиты давно – на них вешали меха, которые потом окрашивали: вероятно, от стекшей краски и образовались под гвоздями пятна.

Однако, два эксперта-меховщика удостоверили, что употребляемые в их ремесле краски отмываются горячей водой и не могут оставить таких пятен, какие обнаружены в квартире Юшкевичера.

Свидетель Иван Кадомцев, служивший у содержателя С.-Петербургской гостиницы кучером, показал, что в 1853 г., перед масленой, он поздно вечером запрягал хозяйскую лошадь для жидов. Потом Янкель закричал: «отворите ворота», а так как ворота были тяжелы, то дворник Михайлов (умерший до допроса) попросил его, Кадомцева, помочь. Он видел, что выехали сани, в которых сидело несколько человек, а один стоял на запятках. Лиц не разглядел, но говор был жидовский. На санях лежал прикрытый чем-то, по-видимому дубленой шубой, предмет, который судя по очертанию, мог быть трупом ребенка. Ночью его, Кадомцева, разбудил повар Иван и сказал, что надо убрать вернувшуюся лошадь. В предыдущие две ночи Кадомцев спал в конюшне и заметил, что в выход под гостиницей (т.е. подвал) ходили какие-то люди, с фонарем.

Повар Иван сначала, как и многие служащие гостиницы, говорил, что ничего не знает, но потом подтвердил, что как-то ночью, перед масленой, Янкель зашел на кухню и сказал ему, чтобы разбудил Кадомцева, потому что вернулась лошадь.

Любовница Федора Юрлова, мещанка Горохова, сначала долго говорила, что ничего по делу не знает, но затем показала, что, узнав об аресте Янкеля Юшкевичера, поспешила в казарму, предупредить об этом Юрлова. Он пришел в сильное волнение и, заплакав, сказал: «наш грех, верно мы все погибли». На вопрос Гороховой, кто же убивал, Юрлов ответил: «кого арестовали, те и убили».

Во время содержания под стражей Янкеля Юшкевичера удалось перехватить письмо, где он обожженную лучиной написал по-еврейски: «Уведоми иудеев, чтобы они молились. Стойте крепко. Крепись, дорогая моя дочь, об этом я прошу тебя и брата».

Еще до оговора, хотя и незадолго, у Берлинского был произведен обыск (в апреле 1853 г., а оговор в мае) по другому делу, хотя и довольно сходному: «о сманивании мальчика Никифорова». Среди отобранных по обыску предметов оказался кусок синей клетчатой сарпинки в аршин длины и в пол-аршина ширины.

Отец Шерстобитова заявил, что лоскут этот от той рубашки, в которой пропал его сын. В доказательство он предъявил свою рубашку – такого же узора и доброты. Это же подтвердили его жена, брат и сосед.

Берлинские – муж и жена – сначала не могли объяснить, откуда взялся у них лоскуток, и лишь через некоторое время Ицка Берлинский заявил, что это остаток от сношенной уже им рубашки, которую четыре или пять лет тому назад сшила ему Фрейда Фогельфельд – жена того рядового-еврея, который также был оговорен Богдановым и, будучи взят под стражу, удавился в тюрьме.

Фрейда Фогельфельд в подтверждение слов Ицки Берлинского заявила, что у ней даже остался лоскуток той же сарпинки, вшитый в большое одеяло. По осмотре одеяла оказалось, что туда вшит, действительно, кусок такой же сарпинки, но совершенно новый и даже не мытый.

Кроме дела о неудавшейся попытке сманить мальчика Никифорова, где девятилетний Иван Никифоров прямо признал в сманивателе Ицку Берлинского, сулившего ему моток ниток, весьма интересны показания мальчиков Александра Андреева и Алексея Константинова.

Они удостоверили, что в том же Саратове, зимою 1852–1853 года, шли из училищ домой обедать. Им встретился незнакомый солдат, говоривший «с жидовским выговором», и стал их зазывать к себе, обещая по колоде карт и аспидной доске. Они согласились и пошли, но так как солдат стал их заводить слишком далеко, то побоялись и вернулись.

Наконец, мальчик Константин Крохин рассказал, что тою же зимою хозяин послал его в лавку, на верхний базар. По дороге какой-то незнакомый человек в дубленом тулупе начал звать его с собою, суля гривенник, но Крохин отказался. На третий день он видел на улице этого человека в компании с каким-то солдатом и с Янкелем Юшкевичером, которого знал раньше.

До мальчиков этих, однако, так же как и до многих других улик, следствие добралось не сразу и опознать тех, кто их сманивал, Андреев, Константинов и Крохин уже не могли.

Глава IV

Из повинной, принесенной Богдановым, видно достаточно ясно, зачем понадобилось евреям участие его в преступлении. Богданов был нанят и несомненно, за довольно крупные деньги, чтобы выбросить на Волгу трупы христианских мальчиков после убийства. Не говоря об опасности, о риске, сопряженном с таким выбрасыванием, оно – и это, я полагаю, главное – оскверняло еврея с точки зрения его верований, а потому, раз из побуждений религиозного изуверства было совершено само убийство, то, естественно, для выполнения этой последней части преступления тот же фанатизм требовал, чтобы еврей, не оскверняя себя, нанял христианина. Правда, среди евреев был перекрест – Юрлов, но не подлежит сомнению, что в то время он только числился православным, а исповедовал иудейство. Под влиянием каких обстоятельств Юрлов крестился – в деле нет указаний. Может быть и связь с Гороховой была тому причиной. Возможно, что он принял крещение против воли родичей, решив отдалиться от них, но во всяком случае, если даже крещение Юрлова вызвало сначала с их стороны остуду, раздраженье, ссору – то ко времени убийств мы застаем Юрлова в прекрасных отношениях с отцом и с другими евреями, а потому: нет сомнения, что сии последние к этому периоду времени смотрели на него опять как на иудея, а не как на христианина и, конечно, взгляд их был в существе своем правильным.

Впрочем, когда понадобилось помочь тащившему труп Богданову, то сделал это именно Юрлов, а не другие его спутники.

Благодаря его помощи с первой жертвой, Шерстобитовым, дело довели до конца и затащили мертвое тело на остров, в тальник.

Но с трупом Маслова вышло иначе. Богданов, по его словам, на крутом взвозе сорвался с саней, везших мертвое тело, вернулся в город и оставил, таким образом, евреев без своей помощи.

Им оставалось одно из двух: или выбрасывать труп самим, или, на этот раз вовсе отказаться от выбрасывания, отложить его.

Здесь-то и приходится вернуться к тому несовершеннолетнему бродяге, Авксентию Локоткову, о котором упоминалось в самом начале изложения.

Там было сказано, что 5 марта (на другой день после обнаружения трупа Маслова) Локотков явился в полицию, и «учинил в убийстве сознание», которому не придали значения как потому, что оно показалось невероятным, так и потому, что на другой же день Локотков от него отказался.

Однако, когда за следствие взялся Дурново, на сидевшего под стражей за бродяжничество Локоткова было обращено более серьезное внимание, он был снова допрошен и рассказал следующее: с шарманщиком Юрловым и цирюльником Михелем (Шлиферманом) знаком довольно давно – с 1851 г., когда был сидельцем в кабаке, куда они приходили неоднократно. Затем Локоткова, как просрочившего паспорт, выслали из Саратова в Пензенскую губернию. Оттуда он опять самовольно вернулся в Саратов перед масленицей 1853 года, несколько ночей ночевал в ночлежном доме, а затем, оставшись окончательно без денег, присмотрел еще с утра для ночевки старый, заброшенный каменный амбар, стоявший на берегу Волги, как раз около взвоза. Локотков влез туда через окно – единственное отверстие – и увидел на куче сора и щепы труп мальчика. Локотков вылез из амбара и через некоторое время, стоя невдалеке, обнаружил, что туда подошел Михель Шлиферман, однако не в солдатской одежде, а в штатской. Заметил ли Шлиферман, что его выследили или нет, но только когда Локотков, не подавая вида, пошел в сторону, «цирюльник Михель» догнал его и позвал угостить в столбовскую гостиницу, куда вскоре явился Юрлов. Из гостиницы они отправились в соседний кабак, оттуда опять в гостиницу и, когда к вечеру Локотков достаточно наугощался и опьянел, предложили ему вытащить труп из лабаза на Волгу, посулив 15 рублей. Локотков согласился, пошел вместе с Юрловым к лабазу, влез туда и, обхватив труп поперек, высунул его в окно, головой вперед, а Юрлов принял. Затем они взяли тело за голову и за ноги, снесли на Волгу и бросили под дощаник.

Когда через некоторое время труп мальчика Маслова был неожиданно найден под дощаником и в городе пошло волнение, Шлиферман с Юрловым снова зазвали Локоткова в гостиницу и, угостив, стали уговаривать, чтобы он пошел в полицию и принял все преступление на себя, ибо, хотя доказать и ничего нельзя, по городу ходят слухи, что убийство совершено жидами. Если Локотков сознается, то Юрлов и Шлиферман обещали немедленно принести ему в полицию же сто рублей. Убеждая, они говорили, что Локоткову, как беспаспортному бродяге, тюрьмы все равно не миновать, судить же его за убийство станут как несовершеннолетнего, в совестном суде, и ничего не будет, а деньги останутся.

Локотков соблазнился, пошел на другой день в полицию и заявил, что убил Маслова, но потом «одумался» и взял заявление обратно.

Для такого «одумыванья» были, по-видимому, соображения не только духовного, но и материального порядка.

Следствием установлено, что после признания Локотков был отправлен из первой полицейской части в третью. Ночью туда явился доставивший Локоткова полицейский стражник, пьяный, и настаивал, чтобы ему сдали Локоткова обратно и тогда, через несколько времени, он снова его приведет из первой части в третью уже с надлежащей бумагой. Однако, дежурный на это не согласился и Локоткова не отпустил.

Было замечено, что стражника дожидаются внизу у крыльца два солдата, про которых у него даже в части спросили, и он ответил, что это его знакомые. Квартальный надзиратель Минервин категорически, под присягой, удостоверил, что в этих солдатах он тогда же узнал известных ему Федора Юрлова и Михеля Шлифермана.

Нужно ли добавлять, что Юрлов и Шлиферман учинили и здесь полное заперительство, отвергая не только свои сношения с Локотковым, но и установленный ничем не заподозренным свидетелем приход свой в полицейскую часть.

Глава V

В мае 1853 г., когда уже расследование дела находилось в руках Дурново, к нему явился мелкий чиновник, коллежский регистратор Вырыпаев, и сообщил, что ему, Вырыпаеву, и писцу Кудрявцеву их знакомый, отставной губернский секретарь Крюгер сообщал очень важные по делу сведения, но сам он объявить о них следственной власти не решается, боясь ответственности.

Узнав, о чем Крюгер рассказывал Вырыпаеву и Кудрявцеву, Дурново через этих лиц добился того, что Крюгер все это подтвердил и ему, следователю.

Таким путем удалось выяснить, что Иван Крюгер уже давно питал склонность к иудеям и иудаизму, учился еврейскому языку, интересовался иудейской верой.

Он находился в любовной связи с некоею Олимпиадою Белошапченковой, проживавшей в том же доме, где жил Эзра Зайдман – один из солдат-евреев, принимавших, согласно показанию Богданова, участие в убийстве мальчиков.

С Зайдманом Белошапченкова имела постоянные денежные дела: перезакладывала ему то, что принимала в заклад сама.

Под влиянием Зайдмана Крюгер стал все более и более сближаться с евреями, и на вопросы своих знакомых, не обратился ли он уже в иудейство, отвечал: «Да, я иудей», сознаваясь также, что получает от евреев по 25 рублей в месяц.

Впрочем, по поводу двух последних обстоятельств, удостоверенных свидетелями, сам Крюгер заявил на следствии, что 25 рублей от евреев не получал и свидетелям этого не говорил, а называл ли себя иудеем – не помнит.

Далее, он объяснил следователю, что хотел жениться на Белошапченковой, но препятствием к этому служил бывший при ней малолетний сын. Тогда Белошапченкова сказала, что Зайдман предлагал ее сына взять к себе и отправить далеко от Саратова, а за это даже дал деньги «в задаток» – сто или полтора-ста рублей.

Крюгер вступил по сему поводу в разговор с Зайдманом, который пояснил, что намерен сына Белошапченковой сделать иудеем. Разговор у них перешел на то, можно ли во всяком возрасте перенести обрезание, и Зайдман стал приглашать Крюгера посмотреть на этот обряд и вообще побывать у них в моленной.

Крюгер согласился, был в моленной и, после службы, когда большинство уже разошлось, остался поговорить с Янкелем Юшкевичером о догматах иудейской веры, причем Юшкевичер утверждал, что для умилоствления Бога необходимо приносить даже кровавые жертвы.

Через некоторое время, когда Крюгер еще ближе сошелся с евреями, ему в половине февраля 1853 года Белошапченкова передала от имени Зайдмана записку от Шлифермана, писанную по-еврейски, где просили «прийти в моленную с приглашенным».

Крюгер отправился, нашел двери запертыми, произнес по-еврейски условленную фразу, заблаговременно сообщенную ему Зайдманом. Его впустили. В моленной было пять человек: Юшкевичер, Зайдман, Шлиферман, Фогельфельд и сторож Берман, – тот самый, о котором говорилось в начале изложения по поводу показания мальчика Канина и желтого дубленого тулупа, одетого на «сманивателе».

Жида толпились посередине моленной, вокруг скамейки, перед которой стоял мальчик, лет одиннадцати. Юшкевичер читал молитвы, после которых мальчика положили на скамейку и Шлиферман совершил над ним обрезание особым ножом дугообразной формы – на конце он несколько толще.

Когда мальчик пробовал кричать, державшие за руки жида зажимали ему рот.

После обрезания Шлиферман уже другим ножом сделал мальчику надрез на плече и дал крови стечь в сосуд, но несколько капель, вероятно, по неосторожности, попали на пол и образовали пятно. Затем мальчика, который держался на ногах и даже мог ходить перевязали и отвели в сторожку, под присмотром Бермана. Был разговор, что оттуда его отправят на квартиру Юшкевичера.

Из сопоставления с последующими событиями для Крюгера ясно, что мальчик этот был Маслов.

Возвратись к Белошапченковой, Крюгер от сильного душевного потрясения заболел и пролежал дня четыре, а когда ему стало полегче, то решил сообщить о виденном по начальству. Однако, Белошапченкова, узнав о таком его намерении, принялась всячески возражать ему, а потом даже грозить и не пускать с квартиры. Тем временем явился к ней сначала Зайдман, а потом Шлиферман и Фогельфельд. Узнав, в чем дело, они пришли в ярость и принялись бить Крюгера. Лишь с большим трудом он вырвался и, окровавленный, избитый, бросился бежать к себе домой, где заболел настолько серьезно, что две недели пролежал без памяти, а когда стал выздоравливать, то решил, что заявлять о случившемся саратовскому начальству нет никакого смысла, так как ходили повсеместные слухи, будто оно взяло с жидов хорошие деньги.

Кухарка Крюгера подтвердила, что на Масленой (конец февраля 1853 г.) он вернулся домой сильно побитый и прохворал почти до Пасхи.

В том доме, где была раньше еврейская моленная, следователь Дурново застал уже частных жильцов-христиан. Он произвел осмотр пола и установил, что в том месте, где, по указанию Крюгера, образовалось пятно от пролившейся крови, доски оказались в нескольких местах довольно глубоко прожженными. Новые жильцы удостоверили, что застали пол в таком виде уже при самом въезде своем в дом после евреев.

Оговоренные Крюгером жида отрицали даже какое-либо свое с ним знакомство, а Белошапченкова признала лишь, что Крюгер бывал у нее довольно часто.

Это полное заpiresательство представляется не лишним сопоставить с фактом, о котором упомянуто в предшествующем изложении:

Антон Богданов описывая в своем показании, как вывозили со двора Юшкевичера труп Маслова, рассказал, что водивший его в тот день предварительно по кабакам Зайдман зашел, между прочим, в дом по Сергиевской улице, а когда вышел, то его провожала какая-то женщина, говорившая скороговоркой и прощаясь, сказала: «Бог с вами».

Эту женщину Богданов признал в предъявленной ему Белошапченковой. Она, как оказалось, действительно говорила скороговоркой.

Глава VI

Вся обстановка, в коей совершались саратовские убийства: большое количество участников; значительное число мальчиков, пропадавших в тех же местах за прежние годы, до того, как случайно и неожиданно были найдены трупы Шерстобитова и Маслова; большие денежные средства, которыми, видимо, евреи не стеснялись; вся постановка дела «на широкую ногу», породившая «повсеместные слухи, что саратовское начальство взяло деньги от жидов»; изумительный образ действий «градской» саратовской полиции, послуживший предметом особого расследования; чрезвычайная дерзость и наглость, до которых дошли убийцы – все это, весь, так сказать, «масштаб» – ясно свидетельствовал, что преступления, совершаемые в Саратове, нужны

были не для одних только саратовских жидов – немногочисленных и небогатых, что корни, нити злодеяний раскинулись шире и глубже.

Однако, разумеется, эти общие, так сказать «априорные» соображения, надлежит, с точки зрения судебных доказательств признать неустановленными, а потому перейдем все к тем же отдельным уликам, разбором которых мы занимались до сих пор, и посмотрим, какой материал дают они для выяснения того, что творилось вне Саратова, но в связи с Саратовом.

На очень большие денежные суммы, полученные Янкелем Юшкевичером из какого-то неизвестного источника – есть в деле прямые указания.

Далее, собранные сведения о какой-то странной переписке и таинственных посылках, предназначавшихся на Волынь, «любовичскому ходоку Таупкину, для передачи любовичскому раввину».

В показании своем о тех лицах, которые были на квартире Юшкевичера перед обрезанием Шерстобитова, Богданов указал, между прочим, на еврея в халате и высокой грузинской шапке.

Следствием было установлено, что в это время в Саратов, действительно, приезжали на короткое время два еврея с Кавказа и виделись с Юшкевичером.

У евреев этих – Ильягу-Назар-оглы и Бениля-Евда-оглы – были произведены на Кавказе обыски, причем, в числе религиозных книг, оказавшихся у Бениля, обратило внимание редкое в России и не имевшее цензурного пропуска, изданное в Антверпене иудейское сочинение: «Чин устного предания о пасхе», где, в числе гравюр, изображен фараон, ищущий кровью еврейских детей получить исцеление от проказы.

Таково, впрочем, еврейское объяснение гравюры. А изображает она голого человека в венце, простирающего руку на кровь, текущую из закалываемого перед ним младенца.

Гораздо более определенные сведения о внесаратовских сношениях Юшкевичера удалось почерпнуть из показании некоей Марии Ивановны, по отцу Безверховой, по мужу Слюняевой.

Она, несомненно, принадлежала к числу таких же людей «со дна», как и Богданов, и Локотков – такая же бездомная бродяга, как и последний.

Показание ее настолько характерно, что надлежит привести его подробно. Начинается оно с событий, происшедших года за три до убийства Шерстобитова и Маслова.

Выданная в очень молодом возрасте замуж и весьма быстро убежавшая от мужа, крестьянина Пензенской губернии, Слюняева начала «шататься по разным селеньям» и, таким образом, добралась до Тамбова. В этом городе, выйдя на базар, она встретила какого-то плотника, который искал нанять женщину в стряпухи. Сойдясь с ним в цене, она в тот же день отправилась в местечко Ляды, на винокуренный завод Чичерина, в артель работавших на заводе плотников.

Отсюда сманил ее к себе в услужение живший при заводе князя Гагарина еврей-винокур, называвшийся Александр Григорьевич (а по следствию Хацкель Ариев) Коникив.

У Коникива и жены его «Арины» Моисеевны Слюняева была в услужении с перерывами три года.

Во время еврейской пасхи съезжалось к «Александру Григорьевичу» много евреев из разных мест. Собирались жида, служившие на заводе, которых было до 15 человек.

В их числе Мария Слюняева напоминает двух старых евреев, как их зовут не знает, но слышала, что одного прозывали «Реби», то есть учитель, а другого – «Пчельник».

Вскоре после ее поступления, на самую еврейскую пасху, Александр Григорьевич и старый раввин, при других еще евреях, застав Марью в их моленной, стали требовать, дабы она поклялась исполнить все, что они от нее потребуют, и никому не говорить о том, что она у них увидит.

Жида говорили такими словами: «не возьмешься ли сделать, что мы прикажем? Поедешь ли с нами и не будешь ли болтать? Если ты нам вверишься, мы тебя так устроим, что век будешь счастлива и обеспечена.»

Она, Марья, клялась исполнить все. Но жида, не веря христианской божбе, требовали, чтобы она позволила выпустить себе кровь из пальца. Согласясь, она дала левую руку. Ей сделали на безымянном пальце почти нечувствительный надрез и выпустили немного крови. Александр Григорьевич и старый раввин уверяли ее, что если она не сдержит обещания, то сейчас умрет.

Скоро после еврейской пасхи жида отправили ее с работником Моисеем Леонтьевым (по следствию Мовша Шая) в г. Кирсанов, где Леонтьев взял еще другого работника, жида «Бориса»,

за кучера и втроем они поехали в Саратов на зеленой, крашеной бричке, принадлежавшей Пчельнику.

Приехав в Саратов, остановились поблизости Волги. Моисей Леонтьев и Борис тотчас же куда-то ушли, а часа через два вернулись и принесли стеганный на вате баул, вроде чемодана, завязанный шнурком, припечатанный, и какую-то записку.

Что в этом бауле находилось, она тогда не знала.

Возвратясь в Ляды, отдали баул и записку старому раввину. Вскоре он уехал и больше Марья его не видала. Одновременно уехали из Ляд и старый «Пчельник» и Моисей Леонтьев.

На следующий год (1852 г.), около Крещения, Марья опять поехала из Тамбова в Саратов с молодым раввином. Остановились в Саратове на постоялом дворе. Раввин куда-то ушел, но скоро возвратился с другим жидом, молодым, курчавым, которого раввин назвал ей сыном красильщика, Александром (впоследствии Слюняева признала в этом «Александре» сына Янкеля Юшкевичера, Файвиша, о котором было упомянуто в начале изложения). На сей раз она вообще пользовалась уже большим доверием, чем год назад: ей отдали баул и записку, которые она и доставила в Ляды.

На следующий год, к весне, Александр Григорьевич сказал Марье, что надо опять ехать в Саратов, и, наняв кучера, уже не жида, а русского, велел разыскать в Саратове солдата Шварца, который готовит кушанье саратовским евреям во время их праздников – и отдать ему записку.

Вместе с запискою «Александр Григорьевич» дал Марье (доверие к ней, видимо, все увеличивалось) особую печать в футляре, чтобы при розыскании Шварца и при расспросах о нем могущих ей встретиться в Саратове евреев они имели бы возможность узнать, для чего Марья отыскивает этого солдата.

Печать была трехугольная; по углам – три шпенька, в середине – еврейская надпись.

По приезде Марья нашла Шварца в гарнизонном батальоне. Он взял привезенный ею баул и ушел, но вскоре вернулся с женщиною, возвратившею Марье баул, с которым Марья в тот же день уехала в Ляды. Впоследствии в этой женщине она признала прислугу Янкеля Юшкевичера.

В первые два раза Марья полагала, что в бауле краска, как о том ей говорили жида, но в этот раз она открыла баул, откупорила находившуюся там бутылку и убедилась, что содержащаяся там жидкость – не краска, потому что на руке скоро сохла. Тогда Марья вновь закупорила бутылку и припечатала имевшуюся у нее жидовской печатью.

Приехав в Ляды, баул, печать и записку она отдала молодому раввину.

Показание это Слюняева дала в саратовской тюрьме, куда ее препроводили, задержав «за бесписьменность». Находясь в заключении, она начала обнаруживать признаки сильного душевного волнения, много плакала. На расспросы выразила желание поговорить со священником и, уже после беседы с ним, дала показания следователю.

На безымянном пальце у нее обнаружен рубец от надреза, сделанного довольно острым орудием.

Следователь, взяв с собой Слюняеву, немедленно отправился для проверки ее показания в Ляды.

При обыске на квартире Хацкеля Арнева (Александра Григорьевича) Коникова вместе с разными предметами, необходимыми для иудейского богослужения, под шкафом или кивотом, в котором хранилась сейферторе (библия на пергаменте), в особом выдвижном ящике оказался лоскут холста, пропитанный, по-видимому, кровью и завернутый в три полулиста печатной по-еврейски бумаги. Тут же был найден другой лоскут в вершок шириною и пять вершков длиною, красного цвета и в отдельном конверте небольшой кривой нож, с пуговкою на конце.

Слюняева называла безошибочно каждого из членов семьи Коникова и выказала совершенное знание местности на заводе.

Хацкель Коников объяснил, что Марья Слюняевой не знает вовсе, и никогда она у него не проживала; не знает, кому принадлежат найденные у него на квартире лоскуты, пропитанные, по-видимому, кровью. Кривой нож есть фруктовый.

В Саратове он, Хацкель Коников, был в октябре или ноябре 1852 года, чтобы закупить лесной материал (брусья) для лядинского завода. Купил их у саратовского купца Артамонова. При сем видели с Никелем Юшкевичером, был у него на квартире и в еврейской моленной.

Работник Коникова, Мовша Шая (Моисей Леонтьев) заявил первоначально, что видал Марью в Лядах, в доме Коникова, но потом, на очной с ней ставке, лишь только она начала рассказывать о поездке в Саратов, но еще не дошла до объяснений, зачем туда ездила, Мовша Шая, как удостоверяет следственный протокол, резко изменился в лице и решительно отказался

от того, что он знает Марью и где либо ее видел, утверждая, что показал сначала другое с испуга. Тряпка, найденная в ящике под кивотом, как Мовша полагает, запачкана детьми во время резанья гусей, дня за три до обыска.

Далее, Хацкель Коников заявил, что никакого работника Бориса не знает и такого у него не было. Однако, стараниями следственной власти был разыскан и работник Борис, который оказался Оршанским мещанином Беркою Бокштейном. Он, в противоречие с показанием Коникова, признал, что проживал на лядинском винокуренном заводе, но знакомство свое с Марьей Слюняевой и он отрицал вовсе.

По рассмотрении в медицинском совете холщовых лоскутов, взятых у Коникова, найдено, что они пропитаны кровью млекопитающего (человека или животного – различать в то время не умели).

По переводе с еврейского в азиатском департаменте трех печатных листков, в которые была завернута одна из этих тряпок, оказалось, что листки содержат: 1) отрывок из мистического еврейского сочинения под заглавием: «Летопись блаженного Моисея, основателя нашей веры», с повествованием об избиении Господом первенцев у египтян на пользу еврейского народа: 2) отрывок из книги Левит (гл. 6, ст. 7.), где заключаются законы и обряды, данные Богом Моисею о принесении жертв и 3) отрывок из пророка Исаяи, осуждающий язычников и прославляющий Израиля.

Ножик – по объяснению Коникова, «фруктовый» – врачебная управа признала хирургическим инструментом, который называется «Поттовым бистуреом» и употребляется для свищевых ходов, для вырезания миндалевидных желез и при операции грыжесечения.

Купец Артамонов удостоверил, что Коникова не знает и никаких брусьев ему не продавал.

Таким образом, с показаньем Слюняевой повторилось то же, что я своевременно отмечал в отношении и Богданова, и Локоткова, и Крюгера – люди эти сами по себе доверия не заслуживали, но с одной стороны показанья их, представляющие длинный и сложный рассказ, начинали при проверке подтверждаться такими чисто объективными данными, оспаривать кои невозможно.

С другой стороны, чрезвычайно знаменательно отношение к этим показаниям иудеев: они с необычайным упорством и озлоблением, вопреки очевидности, отрицали все от начала до конца: я, мол, не только ничего преступного не делал, но и с человеком, меня оговаривающим, знаком не был, да и не видал его никогда. Именно то «арестантское» поведение, которое охарактеризовано меткой по обыкновению русской поговорки: «я – не я, и лошадь не моя».

«И как попал холст, пропитанный кровью, в ящик под моим кивотом – не знаю; и Марьи Слюняевой – не знаю, никогда не видал; и работника Бориса – тоже не знаю, первый раз слышу». Это говорит уже не какой-нибудь русский бродяга, а солидный, зажиточный еврей, пользующийся большим уважением среди единоверцев, успевший отъесться на винокуренном заводе русского барина.

Своему хозяину вторит застигнутый врасплох и не успевший с ним столкнуться работник. Только услышав, что речь идет о поездке в Саратов, он меняется в лице и твердит: не знаю! Про Саратов? Ничего не знаю! Пропитанные кровью лоскуты? Не знаю!

«А ты только что сказал, что знаешь?»

«Это я с испугу!»

Только перекрест из евреев, но и тот всего лишь один раз и всего на один момент, под влиянием ужасного, неожиданного известия не выдержал и сказал своей любовнице-христианке: «Наш грех. Должно быть, мы все погибли!»

Столь же типичным для еврейской среды является стремление переложить на христиан всю ту часть опасного и неприятного дела, какую только возможно.

Разве эта черта не проходит красной нитью и по сие время через целый ряд еврейских уголовных дел не ритуального, а уже совершенно иного характера – хотя бы, например, революционного?

В том лишь разница, что там действуют убеждением, экзальтацией, гипнозом, а здесь просто наймом, грубым подкупом – поэтому и среда совершителей другая, поэтому вместо «сознательных юношей» и «передовых девиц» саратовское дело, в части, касающейся христианского элемента, дает такое обилие людей «неодобрительного поведения» – пьяниц и бродяг.

На роли наемных участников преступления это был самый подходящий элемент и одно из драгоценных его качеств было именно то, что в глазах и суда, и властей, и «общества» показания этих «бывших» людей, как таковые, не могли внушать ни малейшего доверия.

А кто же мог предполагать, что и трупы, выброшенные на Волгу, найдутся перед самым половодьем, и служащие владельца С.-Петербургской гостиницы Гильгенберга нарушат обет молчания, и даже «градская» саратовская полиция будет устранена от «обнаружения» дела?

А если бы не случилось рокового сцепления всех этих совершенно непредвиденных обстоятельств, то и Богданов, и Локотков, и Слюняева, и даже Крюгер могли бы разоблачать сколько угодно – их откровения серьезной опасности не представили бы.

В Саратове, повторяю, было дело, «широко поставленное», своего рода «оптовое производство», и туда, на запах свежей христианской крови, потянулись всякие «ходоки «Таупкины» с Волыни, столь интересующийся «чином устного предания о пасхе» Бениль-Евдаоглы с Кавказа и, наконец, из Тамбова – сам «Александр Григорьевич», у которого, в свою очередь, на еврейскую пасху бывал съезд всех окрестных иудеев.

Глава VII

Согласно особому Высочайшему повелению, следствие по саратовскому делу должно было поступить в Правительствующий Сенат, а оттуда, независимо от вопроса о каких-либо жалобах или разномыслиях, в Государственный Совет для окончательного разрешения.

Приговор, постановленный Государственным Советом огромным большинством 22 голосов против трех утвердил то решение, которое уже в общем собрании Сената было принято большинством.

Изменения последовали сравнительно маловажные и не касались подсудимых-евреев.

Юшкевичер, Шлиферман и Юрлов были сосланы в каторжные работы на рудниках, первые два на двадцать лет каждый, а Юрлов на 18, «за убийство в г. Саратове двух христианских мальчиков через истязания и мучения».

Богданов и Локотков признаны укрывателями этого преступления. По закону – находит Государственный Совет – они должны подлежать строгому наказанию: ссылке в каторжные работы, но, принимая во внимание их чистосердечное раскаяние и сознание, Государственный Совет повергает на Высочайшее благоволение, чтобы Богданова отдать на два года в исправительные арестантские отделения, а Локоткова на такой же срок в рабочий дом.

Относительно Ивана Крюгера, виновного в недонесении, просит по тем же основаниям о замене полагающегося ему по закону наказания высылкой на жительство в одну из отдаленных губерний, с подверженном строгому полицейскому надзору.

Ицку Берлинскаго, Эздру Зайдмана и Янкеля Бермана оставить в подозрении по участию в убийстве.

Приговор этот, или, правильнее, «мнение Государственного Совета», был утвержден Государем.

Следует помнить, что в то время, в дореформенном процессе, приговоры постановлялись на основании так называемых «формальных доказательств», которые требовали «прямых» улик – собственного сознания, поличного, показаний свидетелей-очевидцев преступления (свидетелей, а не обвиняемых). Если такие «формальные» и «прямые» доказательства отсутствовали, то постановление обвинительного приговора чрезвычайно затруднялось, ибо одного внутреннего убеждения в виновности (теперешний суд присяжных) было мало – надлежало подкрепить его рядом формальных доводов. Одновременно в законе указывался и весьма благовидный выход – «оставление в подозрении».

Таким образом, недостатки дореформенного процесса – которые несомненны и на которые так любят указывать – были в данном случае к выгоде осужденных иудеев, а не ко вреду, ибо, при отсутствии их сознания, поличного и свидетелей-очевидцев преступления, для Юшкевичера, Шлифермана и Юрлова не была потеряна возможность по формальным, казуистическим основаниям избежать обвинительного приговора и, подобно Берлинскому, Зайдману, Берману, «остаться в подозрении», несмотря на неотразимые косвенные улики и на полное внутреннее убеждение судей.

Существование ритуальных убийств, совершаемых евреями, признано Церковью, и Православною, и римско-католическою, ибо Церковь, канонизируя некоторых святых, удостоверяла, что они замучены иудеями. Признано народными массами: спросите об этом в черте оседлости любого простолюдина. Признано, по саратовскому делу, и русским судом, и высшими государственными установлениями Империи. Признано Монархом.

Но саратовское дело поучительно и во многих других отношениях.

Какая выпуклая картина того, чем занимались и как вели себя жида в армии – еще в те, строгие, времена!

Какие типичные примеры иудейской солидарности, непроницаемости и жидовского «почкования»!..

Какие неопровержимые доказательства разлагающего влияния, немедленно оказываемого иудеями на ту христианскую среду, с которой они приходят в соприкосновение, какого бы общественного положения эта среда ни была!

Скажем шире – сколько ценных, поучительных страниц дает саратовское дело для изучения еврейства вообще, – оттого это дело так тщательно до сих пор замалчивалось.

Зверское умерщвление в Киеве мальчика Андрея Ющинского, замученного, обескровленного, снова выдвинуло и обострило так называемый «вопрос о ритуальных убийствах, вопрос об употреблении иудеями христианской крови для религиозных целей».

Прежде, всего, в какой мере это «вопрос»?

Па протяжении длинного ряда веков, с изумительной последовательностью, в самых разнообразных странах возникали обвинения, подобные настоящему, и всегда в их справедливости и достоверности все окружающее население – и христианское, и мусульманское – было вполне убеждено.

«Умучен от жидов» – гласит надгробок над мощами святого младенца Гавриила в Слуцке. Для стекающихся ежегодно толпами на поклонение мощам богомольней не только православных, но и католиков здесь нет вопроса.

С не меньшею последовательностью еврейство, как таковое, совершенно отрицало, с пеною у рта, употребление крови для религиозных целей. И теперь, по поводу дела Ющинского, еврейская печать полна истерическими выкриками, что все ритуальные убийства – сказка, что все сведения об этих убийствах – или бред сумасшедших, или злостные измышления заведомых клеветников.

Отрицали и будут отрицать, ибо, само собою понятно, каково бы ни было истинное положение вещей, каковы бы ни были доказательства, признаваться – невозможно.

Жидам вторят все «жидовствующие», все те иудейские подголоски, которые или попали в материальную зависимость, в кабалу к иудеям, или находятся под гипнозом жидовской печати.

И в этой среде, по самому ее составу, ни о каком «вопросе» не может быть речи.

Остаются те, кто мало знаком с еврейством, не интересовался им, не жил в местностях, переполненных жидами, вроде нашей «черты оседлости», не входил с ними в соприкосновение.

Однако, помимо желанья и возможности кого-либо убеждать, каждый, кто предьявляет обвинение, тем самым обязуется представить доказательства.

В данном случае они чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Исчерпать их трудно, да и не входит в мою задачу: вдаваться в область исторического или догматического исследования я не собираюсь. С меня достаточно заняться разбором, чисто документальным, фактическим, только одного судебного дела, изученного зато мною в подлиннике, и, на мой взгляд, наиболее яркого из тех дел о совершенных иудеями ритуальных убийствах, которые, в довольно большом количестве, были на рассмотрении русских уголовных судов.

Правда, когда приходишь к явлению, раскинувшемуся на протяжении многих стран и многих веков, то одно судебное дело – лишь «черточка, самая махочкая черточка».

Из: <http://www.rus-sky.org/history/library/zamysl.html>

Даль В.И. Записка о ритуальных убийствах

Предисловие

В 1890–1900 годах⁴² в лавочках и магазинах московских букинистов и книжных торговцев часто можно было встретить благообразного старичка среднего роста, рывшегося в книжном хламе с целью отыскания каких-либо редкостей. То был – начальник московского врачебного управления В.М. Остроглазов. Оставшиеся у него случайно после его брата, известного библиографа И.М. Остроглазова, некоторые редкие издания заронили и в нем любовь к собиранию книжной старины; он пристрастился к этому делу и свой досуг от служебных занятий посвящал ему. Он собирал книги по разным вопросам, и между прочим и по еврейскому. По оставлении службы, располагая еще более свободным временем, он стал заниматься библиографическими исследованиями, помещая их в издававшемся П.И. Бартеневым «Русском Архиве». Смерть застала его над работой о редких книгах по еврейскому вопросу, переданной в «Русский Архив» для напечатания, но доселе еще не появившейся в свет. Все его книжное собрание после его смерти вдовой его Т.И. Остроглазовой пожертвовано Московскому университету, в библиотеке коего, в особой комнате, и находится ныне.

В собрании много редкостей, и в том числе **редчайшая** книжка по еврейскому вопросу – записка В.И. Даля. Это – книжка в небольшую восьмушку, на 153 страницах, озаглавленная: «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Напечатано по приказанию г. Министра Внутренних Дел. 1844». При книге имеется и следующее собственноручно писанное В.М. Остроглазовым розыскание о ней:

«Эта книжка **чрезвычайно редкая**. Геннади, известный библиограф, говорит, что во «Всемирной Иллюстрации» 1872 г., стр. 207, сказано, что В.И. Даль, служа в министерстве внутренних дел, напечатал брошюру об убиении евреями христианских младенцев (1844 году). Она напечатана в незначительном количестве экземпляров («Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях». Берлин, 1876 г., т. I, стр. 277). Во «Всеобщей библиотеке России» или каталоге книг, собранных А.Д. Чертковым» (Москва 1863 года, страница 743, № 3631) сказано, что эту книжку написал В.И. Даль по поручению графа Л.А. Перовского. Она напечатана в самом ограниченном количестве экземпляров, которые раздавались весьма немногим служебным лицам. В «Русских книжных редкостях», изданных Н. Березиным, М. 1903 года, часть 2-я, на странице 19, № 77, напечатано: «эта книжка *редчайшая*» и на экземпляре этой книжки, им виденном, была следующая современная изданию ее надпись: «печатать десять экземпляров».

Эта книжка настолько редка, что ее, насколько известно мне, нет ни в одной из московских библиотек. Мой покойный брат Иван Мих. Остроглазов не имел ее в своем замечательном собрании редких книг. Я, на своем веку пересмотревший несколько сот каталогов русских и иностранных букинистов, а равно перечитавший описания всех библиотек известных библиофилов, – никогда не встречал ее названия. **Цены на нее нет.** Но если книжка того же В.И. Даля: «Исследование о скопческой ереси», напечатанная в числе менее двадцати экземпляров, как сказано в «Книжных Редкостях» И.М. Остроглазова, М. 1892 г., стр. 45, № 101, – оценилась, как это видно из каталога, за № 339, 1903 года, известного с.-петербургского букиниста Клочкова, в двести рублей серебром, то цена этой книжки В.И. Даля, т.е. «Розыскания об убиении евреями христианских младенцев», которая никогда не встречалась в продаже, конечно, несравненно дороже».

Но независимо от вышеизложенного мой экземпляр этой книжки представляет собою еще и в другом отношении замечательную редкость. Он несомненно доказывает, что евреи всеми силами и средствами стараются уничтожить эти книжки, где говорится об их деяниях, возмущающих совесть. Так, например, «Книга кагала», составленная Яковом Брафманом и напечатанная в Вильне в 1869 году, была разом во всех экземплярах, находившихся в книжной лавке Белого, в Одессе, скуплена одним богатым евреем, чтобы прекратить обращение ее в публике, о чем и напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1870 года, № 286, на 2-й стр. в статье «Евреи в Одессе». О том же

⁴² В.Э.: Это «Предисловие», видимо, представляет собой Предисловие к изданию 1913 года книги Даля.

самом можно читать и в книжке: «Записки о евреях в Западном крае России». М. 1882 г., изд. 3-е, стр. 165.

Но в «Книге кагала» нет того, что так всеми силами и средствами отрицают евреи: в ней нет указаний, что среди евреев существует секта (хасиды), которая действительно употребляет христианскую кровь. В книжке Даля это несомненно доказывается. Поэтому, конечно, евреи особенно ревниво за нею следили и старались уничтожить ее. Известный публицист и ученый Никита Петрович Гиляров в своей газете «Современные Известия» от 13-го июня 1875 года, № 160, пишет следующее: «Кто из образованных не знает и не слышал о знаменитом Велижском деле (по обвинению евреев в убиении христианского мальчика в 1823 году), бывшем сорок лет назад? Мы и читали о нем и между прочим слышали от покойного В.И. Даля, человека в высокой степени беспристрастного и уже далеко не суеверного: он был убежден, что в этом приснопамятном деле упомянутое зверское детоубийство есть факт; он, Даль, изучавший дело, просматривавший все документы и составивший для правительства записку. Кстати, что сделалось с этою самою запискою? Где она? Напечатана она была в многих, может быть, семи, восьми, более десяти экземплярах, и о удивление! Экземпляры, к которым могла иметь публика доступ, под наитием какой-то неведомой силы, стали исчезать один за другим. Мало того: года два тому назад исчез из одной типографии даже оригинал, предназначавшийся к перепечатанию этой записки. Достопочтенного издателя, которого назвать мы не смеем без его позволения, просим откликнуться и подтвердить наши слова о пропаже упомянутого оригинала.

В нашем экземпляре есть ответ на сей вызов, предложенный покойным П.П. Гиляровым-Платоновым. Вот что написано рукою известного писателя «Русского Архива» П.И. Бартенева на нашем экземпляре: «Книжка эта написана В.И. Далем, по поручению Л.А. Перовского, по бумагам министерства внутренних дел (в 1862 году истребленным в большом пожаре) и отпечатана чуть ли не в десяти только экземплярах. Возвратившись осенью 1869 года из первой моей поездки в Одессу, я передавал В.И. Далю об ужасах еврейского усиления в тамошнем краю, сообщенных мне там архиепископом Димитрием (Муретовым). По соглашению с Далем вздумал я перепечатать эту книжку в «Русском Архиве» с моим предисловием. Шло печатание ее в типографии Мамонтова (в Москве), как оттуда пришли мне объявить, что еврей-наборщик похитил несколько листов и скрылся из Москвы. А.И. Мамонтов нарочно ездил в С.-Петербург, чтобы достать похищенное по другому экземпляру, но не мог найти его. Позднее я списал похищенное из экземпляра князя А.Б. Лобанова-Ростовского.

В книге Лютостанского «Об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей», Спб., 1880 г., изд. 2-е, во 2-й части, на странице 32-й, напечатано следующее: «В первом издании нашей книги многих фактов мы были лишены, которые были украдены жидами. Сочинение Даля по вопросу крови – в Москве, находилось только в Чертковской библиотеке и *единственный* экземпляр. Управляющий библиотекой П.И. Бартенев вздумал перепечатать это сочинение и дал в типографию Мамонтова. Когда приступили набирать и разрезали книгу на части, тогда жид, бывший наборщиком в типографии, дал знать своему кагалу и, по общему совету, тот же наборщик ночью выбил стекло в типографии, влез туда, рассыпал весь набранный шрифт, находившуюся там часть разрезанных листов сочинения Даля хапнул и канул в неизвестность, как и постоянно делается у жидов. Полиция разыскивала в обеих столицах, – но все напрасно. Затем печатание прекратилось, – г. Бартенев уцелевшую книжку Даля взял обратно и уже ее в библиотеке хранит очень строго под наблюдением собственного глаза. Но тут жидовская пронырливость опять понадеялась, чтобы стянуть оставшееся сочинение от их всеобъемлющих щупальцев. В Москве есть играющий роль ученого, казенный раввин Минор и в подобной претензии, как и профессор рабби Хвольсон. Бедняга Минорчик посвятил себя, помимо желания, литературе и около двух лет ходил заниматься в Чертковскую библиотеку – приходил раньше всех и уходил позже всех, однако в продолжение этого времени не мог достигнуть, чтобы хоть взглянуть на желаемое сочинение Даля. Наконец рабби решил сойти вниз к самому г. Бартеневу (ныне издателю «Русского Архива») и просил его, чтобы Бартенев был так добр – дать Минору почитать сочинение Даля, – но на это получил ответ, что этого ни за какие блага сделать не может. С этой минуты рабби Минор оставил навсегда Чертковскую библиотеку.

В моем экземпляре, в конце его, в виде приложения, вклеено восемь печатных страниц из «Русского Архива», издания 1870 года, на которых перепечатаны первые страницы из книжки В.И. Даля «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», и, кроме того, предпослано к ним (страницам) предисловие П.И. Бартенева, о котором он упоминает выше.

В.М. Остроглазов 1906 г. сентября 15 дня».

«Этой книжки, – как Ю.И. Гессен пишет в своем труде «Евреи в России», Спб. 1906 г., на странице 406, – нет ни в Чертковской библиотеке, ни в С.-Петербургской императорской Публичной библиотеке, по любезному сообщению ему библиотекаря А.И. Браудо. Голицын Н.Н.,

князь, пишет, что записку Даля ему не случилось видеть. (Употребляют ли евреи христианскую кровь. Варшава, 1879, стр. 131.)»

Таковы результаты расследования о сей книжке В.М. Остроглазова, произведенного им тотчас по поступлении ее к нему. Он продолжал ею заниматься до своей смерти и нужно желать, чтобы поскорее увидела свет его работа, переданная редакции «Русского Архива».

Эта «редчайшая» книжка к В.М. Остроглазову поступила от П.И. Бартенева: «Куплена сия книга, – написал В.М. Остроглазов на переплете ее, – у Петра Ивановича Бартенева, который продал ее мне по моим усиленным просьбам. Книга эта подарена Бартеневу Далем. В. Остроглазов. 1906 г.»

К книге приложен один печатный лист набора ее, долженствовавшего войти в состав шестой книги «Русского Архива» за 1870 год (лист 35-й, стр. (coll.) 1105–1136 и содержащего текст первых 38 страниц книги). Тексту книги предпослано было П.И. Бартеневым следующее предисловие:

«Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Перепечатывая на страницах «Русского Архива» это интересное исследование, составляющее величайшую библиографическую редкость, не можем не обратить внимания читателей на то обстоятельство, что оно имеет значение не только историческое, но и современное. Не далее, как в 1852–1853 годах в Саратове возникло дело об умерщвлении евреями двух христианских мальчиков при обстоятельствах, совершенно схожих с теми, на которые указывает автор «Розыскания». Никто не может поручиться за то, чтобы подобные дела не возникали и впредь.

Не оглашаемые официально, но оглашающиеся народною молвою и лицами, вовлеченными в исследование преступления, они оставляют по себе смутное впечатление отвращения и ужаса, питающее и укрепляющее сильные и без того народные предрассудки против евреев. Евреи, со своей стороны, упорным отрицанием всех фактов, обнаруживаемых делами подобного рода, усиливают это впечатление, и в глазах народа становятся все как бы причастными безумному злодейству некоторых крайних фанатиков.

О несправедливости подобного мнения распространяться совершенно излишне; но здравый смысл и история религиозных преследований показывает нам, каким страшным орудием оно может служить для возбуждения народного фанатизма. Единственным путем для прекращения и предотвращения неисчислимых зол, проистекающих от подобных таинственных огульных обвинений, может служить полное и строгое разъяснение фактов, подавших к ним повод. Чудовищная секта, которая, смеем надеяться, замирает в настоящее время в каких-нибудь захолустьях нашего Западного края (этих притонах еврейского фанатизма и невежества), во всех отношениях заслуживает внимательного изучения и точного описания. В оглашении ее истории, ее особенностей всего более заинтересованы сами евреи. Для них же несравненно легче, чем для писателей-христиан, собрать нужный для того материал. Будем же надеяться, что именно между евреями найдутся люди, которые окажут своим соплеменникам эту важную услугу и вместе с тем присовокупят новую поучительную главу в истории человеческих заблуждений. Гласность отымет у зла фантастические размеры, придаваемые ему таинственным полумраком, до сих пор его прикрывавшим, и, конечно, обнаружит и в самой среде еврейства энергическое противодействие учениям, не имеющим ничего общего с верою, послужившей преддверием христианству.

«Розыскание о убиении евреями христианских младенцев» было составлено по поручению Министра Внутренних Дел (графа) Л.А. Перовского В.И. Далем и в 1844 году напечатано в немногих оттисках, из коих один подарен самим достоуважаемым сочинителем в Чертковскую библиотеку, а ныне перепечатывается с его же обязательного дозволения».

Экземпляр этой книжки В.И. Даля, находящийся ныне в собрании В.М. Остроглазова, очевидно, тот самый, по которому производился набор в 1870 году. На 1-й странице рукою П.И. Бартенева помечено: «NB. Эти заголовки набирать круп. курс. и поместить в начале абзаца» (так и сделано в наборе 1870 г.). На экземпляре имеются отметки фамилий наборщиков, между коими были распределены разные отделы книги (Матюшкин, стр. 1–17, 51–62; Шибаев, стр. 17–50, Пахомов, стр. 63–72, 106; Бахар... стр. 83–93, Пашков, стр. 93–106). Страницы 73–82 вырваны и заменены листками, писанными: 5 – рукою П.И. Бартенева, остальные – писцами.

Датчанин родом, сын доктора, служившего в Лугани Екатеринославской губ. на заводе, В.И. Даль родился 10 ноября 1801 г. Окончив курс в морском корпусе, он первоначально служил в Черноморском флоте; но вскоре оставил эту службу и поступил в 1821 г. в Дерптский университет, где и получил степень доктора медицины. Несколько лет он был затем военным врачом (в армии и военном госпитале) вплоть до знакомства с Л.А. Перовским, который убедил

его перейти к нему на службу в Оренбург. Здесь он пробыл 7 лет, а в 1841 г. вследствие назначения Перовского Министром Внутренних Дел, переехал в С.-Петербург, будучи определен чиновником особых поручений при нем. В 1849–1859 гг. был управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде, а по выходе в отставку жил в Москве и занимался окончанием и изданием своего «Толкового словаря великорусского наречия». Умер 22 сентября 1872 г. (См. Словарь Геннади, т. I, стр. 276).

В 1844 году, когда была написана им издаваемая далее «Записка», ему было 43 года от роду, следовательно он находился в полном расцвете своих физических и умственных сил. Записка эта, составленная для министра внутренних дел, вскоре получила еще другое назначение. Почти **без всяких изменений** она в том же 1844 году появилась под другим названием: «Сведения о убийствах евреями христиан для добывания крови». Сочинение ее приписывалось тайному советнику Скрипицыну (директору департамента иностранных исповеданий), исполнявшему эту работу *«по распоряжению Министра Внутренних Дел графа Перовского, для представления Государю Императору Николаю I, наследнику цесаревичу, великим князьям и членам Государственного Совета»*. (Перепечатана была в 1878 г. в «Гражданине», №№ 23–25, стр. 485–495; № 26, стр. 513–522; № 27–28, стр. 546–556. Продолжение исторических сведений после 1844 г. см. там же №№ 35–37, стр. 638–640; №№ 38–40, стр. 649–655. См. также за 1879 г. №№ 23–28, 35–37).

В.И. Даль после вступления и обзора литературы по вопросу об употреблении евреями христианской крови (стр. 1–40) переходит *«к исчислению бывших случаев злодейского изуверства евреев и к разбирательству важнейших из них, или по крайней мере ближайших к нам и посему более достоверных, взятых из подлинных делопроизводств и из разных книг, писанных об этом предмете»* (стр. 40–86). В хронологическом порядке он приводит известия обо всех этих случаях, начиная с IV столетия: в IV веке – 1, V веке – 1, VII веке – 1, XI веке – 3, XII веке – 11, XIII веке – 10, XIV веке – 5, XV веке – 12, XVI веке – 24, XVII веке – 39, XVIII веке – 7, XIX веке – 20, всего 134 случая, и затем переходит к разбору Велижского дела: *«для положительного удостоверения, что обвинение это не есть клевета или вымысел, и что не одна пытка средних веков вымогала из жидов это ужаснее сознание, остается разобрать несколько ближе одно из новейших дел этого рода, например: дело Велижское, начавшееся 24-го апреля 1823 года в Велижской городской полиции и конченное 18-го января 1835 года, через двенадцать лет, в общем собрании Государственного Совета»*. Разбор этого дела занимает 87–145 страницы книжки. На последних 145–153 страницах находится «заключение» В.И. Дала:

«Рассмотрев весь этот ряд ужасных случаев и возмущающих душу происшествий, частично доказанных исторически и юридически, обвинение жидов в мученическом умерщвлении к Пасхе христианских младенцев невозможно считать призраком и суеверием, а должно убедиться, что обвинение это основательно, как равно и общее мнение о употреблении ими крови сих мучеников для каких-то таинственных чар... Никто, конечно, не будет оспаривать, что в странах, где евреи терпимы, время от времени находимы были трупы младенцев, всегда в одном и том же искаженном виде, или по крайней мере с подобными знаками насилия и смерти... Тут не одно убийство, а преднамеренное мученическое истязание невинного младенца и, следовательно, или наслаждение этими муками, или особенная цель, с ними соединенная... Откуда эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы невинных ребят? Почему находят их там только, где есть жида? Почему это всегда дети христиан? И наконец, почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около самой Пасхи?.. Изуверный обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидов или хасидым – как это объяснено выше – секте самой упорной, фанатической, признающей один только Талмуд и раввинские книги и отрешившейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут составляет он большую тайну, может быть, не всем им известен и по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется; не подлежит, однако же, никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе со времени распространения христианства, и что поныне появляются от времени до времени между жидами фанатики и каббалистические знахари, которые с этою двойною целью, посягают на мученическое убиение христианского младенца и употребляют кровь его с мистически-религиозною и мнимо-волшебною целью. Польша и Западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства, представляют и поныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась».

«Розыскание» В.И. Даля перепечатывается ниже по экземпляру собрания В.М. Остроглазова, причем в примечаниях отмечаются разногласия со 2-м ее изданием – «Сведениями» Скрипицына.

Вступление

У всех народов, где только проживают евреи, существует с незапамятных времен поверье или предание, что жида умерщвляют мученически христианских младенцев, нуждаясь для каких-то таинственных обрядов в невинной христианской крови. Только в новейшее время чувства человечества до того стали возмущаться против подобного обвинения, что в Европе начали решительно отвергать его, как бессмысленную сказку и клевету. Обвинение, конечно, ужасное, но между тем не беспрецедентное в летописях религиозного⁴³ изуверства: не только индийские идолопоклонники подвергают сами себя и других ужасным мучениям, в чаянии будущих благ, – и не только между ними есть секты, постоянно занимающиеся убийством для спасения души, – но и в Европе, между христианами, возникала секта ассасинов, воздвигались в течение двух или трёх веков инквизиционные костры, и в самой России появились в прошедшем столетии самосжигатели, тюкальщики и сократилычики: первые сжигались сами, целыми деревнями; вторые убивали друг друга, – те и другие для спасения души.

Не один только глас народа обвиняет евреев в таком ужасном деле; они многократно обвинялись в том перед судом. Большею частью собственного их признания не было, несмотря ни на какие улики; но были и такие примеры, где жида были изобличены и сами сознались. Один подобный случай был бы, по-видимому, достаточен для того, чтобы признать действительное существование такого злодейского изуверства; но заступники евреев говорят: признание было вынуждено пыткой и потому ничего не доказывает. Допустив, однако же, и это оправдание, и все то, что когда-либо было говорено и писано по сему поводу в пользу жидов, все еще останется одно обстоятельство, на которое никогда не было обращено надлежащего внимания, и которое не только остается не разъясненным, но даже почти получает качество и степень полной улики; а именно: не подлежит никакому сомнению, что время от времени находимы были трупы без вести пропавших младенцев, в таком искаженном виде и с такими признаками наружных насилий, кои вполне согласуются с образом мученической смерти и того рода убийства, в коем обвиняются евреи; во-вторых, происшествия эти были исключительно в таких только местах, где живут евреи; спрашивается затем, какому же обстоятельству приписать возобновляющиеся по временам случаи мученической смерти младенца, рассудительно и осторожно замученного до смерти, – если обвинение несправедливо⁴⁴? Какую можно придумать причину или повод для такого злодейского истязания ребенка, если это не изуверство? Наружные признаки трупа показывали каждый раз положительно, что смерть никак не могла быть случайная, а умышленная; и притом обдуманная и продолжительная: все тело истыкано или исколото, иногда клочки кожи вырезаны, язык и детородные части отрезаны, или сделано у мальчиков еврейское обрезание; иногда некоторые члены обрезаны, или ладони проколоты насквозь; нередко знаки и синяки от тугих перевязок, наложенных и опять снятых; вся кожа в ссадинах, будто обожжена или сильно терта; наконец, труп даже обмыт, на нем нет крови, равно как и на белье, и на платье, которое было снято на время убийства и после опять надето. Чем ребенок или родители его могут подать повод к такому злодейству? Без цели это не могло быть сделано нигде никогда, а тем менее еще повторяться в разных местах почти одинаково. Простой убийца во всяком случае довольствовался бы одним убийством, и какая-то таинственная, важная в глазах преступников цель не может быть здесь отринута.

Владимир Даль (1801.11.22 – 1872.10.04 н.с.; Луганск – Москва)

⁴³ Человеческого.

⁴⁴ «Если обвинение несправедливо» нет.

Слабое, неудовлетворительное розыскание следователей, разные ухищрения и уловки жидов, наглое и упорное запирательство их, нередко подкуп, уверенность большей части образованных людей, что обвинение это есть гнусная клевета и, наконец, человеколюбие уголовных законов наших не только спасали евреев доселе каждый раз от заслуженной казни, но они, происками своими и клятвенными уверениями в невинности и в совершенной несправедливости возводимой на них клеветы, всегда почти успевали обвинять уличителей своих, кои были наказываемы за них, и успели исходатайствовать в 1817 году Высочайшее повеление (от 28-го февраля, объявленное 6 марта), коим запрещено было даже подозревать жидов в подобном преступлении, а мнение, будто жида нуждаются в крови христианской, названо предрассудком. Между тем, рассмотрение некоторых мест тайного учения талмудистов обнаруживает сбыточность сего изуверства, а беспристрастный взгляд на самые делопроизводства, бывшие в подобных случаях, убеждает несомненно в истине действительности их.

Талмуд

Хотя евреи, с давних времен уже, Талмуд свой ставят несравненно выше Ветхого Завета, не менее того они умели исказить самым нелепым образом смысл одного стиха Св. Писания и основать на нем чудовищный обряд, о коем здесь говорится. Пророк Валаам, призванный для проклятия еврейского народа, отказывается от этого и воздаст ему, напротив, вдохновенную похвалу, употребляя несколько иносказаний. Он говорит, между прочим:

«Се люди яко левчища⁴⁵ восстанут и яко лев вознесется (Иаков); не уснет, дондеже снет лов и кровь посеченных испиет (Книга Числ, глава 23)»⁴⁶. Вот, как говорят⁴⁷, источник бесчеловечного обряда. Толковники приняли это иносказание в прямом смысле и объясняют, что кровью врага⁴⁸, – а христианина евреи считают первым врагом своим, – должно насыщаться.

Талмуд, составленный из разных преданий и дополненный в первые века христианства, дышит такую злобою против всех иноверцев, и в особенности против христиан, что нет злодейства, которого бы он относительно их не допускал. Написанный едва объяснимую смесь еврейского, халдейского, сирийского, партского, греческого, латинского и других языков, вавилонский Талмуд,⁴⁹ оконченный в V столетии, состоит из 36 томов в листе и содержит неимоверно бессмысленное, безобразное и безнравственное сплетение сумасбродных исчадий фанатизма. Посему язык Талмуда нельзя назвать собственно еврейским; это особый талмудический язык, самый трудный из всех живых и мертвых языков, не исключая даже китайского. Талмуд не только написан мистически, таинственно и неудобопонятно для непосвященных, он даже и вообще по сию пору остался недоступным для нас, потому что не переведен, кроме некоторых отрывков, ни на один язык. Но этого мало: в печатных талмудах на еврейском языке сделаны пропуски, означенные иногда пробелами, скобками или словом: *ведаль*, т.е. догадывайся, доискивайся смысла. Венецианское издание Талмуда 1520 года, как говорят, полно и содержит много, хотя и темных, но явно к сему предмету относящихся мест, впоследствии евреи остерегались и пополняли пропуски записками или словесным изучением. В еврейской книге **Сейдер-Годайдоис** объяснены и причины этих пропусков: там сказано, что частый переход евреев к христианству, в течение первых веков его, заставил раввинов принять и включить в

⁴⁵ Левица.

⁴⁶ 25.

⁴⁷ Говорит.

⁴⁸ И христианина кровью.

⁴⁹ Евреи верят в закон письменный и словесный; первый есть **Тора**, Ветхий Завет, второй **Талмуд**. Сей последний разделяется на **нерусалимский**, оконченный уже во II веке и составляющий небольшую книгу, и на **вавилонский**, или собственно **Талмуд**, который окончен раввинами и принят соборами евреев в V веке. Он состоит из двух главных частей **Мишна** и **Гемарра**; первая составляет текст, до того темный, что он вовсе непонятен без объяснений; вторая* состоит собственно из сих объяснений, коим дано совершенно произвольное и в высшей степени безумное, безрассудное и чудовищное значение. Одного примера довольно, чтобы показать дух и направление Гемарры. В Ветхом Завете сказано: *«чтобы человек сохранял заповеди Мои и жил с ними»* (Моисея кн. 3, гл. 18, ст. 5; Езекииля, гл. 20, ст. 11). Талмуд толкует это так: *«дабы жил человек с заповедями Моими, а не дабы умер за них, почему и дозволяется, в случае нужды**, нарушать сии заповеди»*. (Талмуд, кн. Аведозоры, разд. 4, лист 55).

* Вторая... объяснения нет.

** Надобности.

Талмуд особенно строгие и жестокие меры против назарян; постановления эти обратили, однако, на себя в IX веке внимание правительств, последовало гонение евреев почти во всей Европе, почему места эти и были частью исключены из Талмуда, а частью отнесены не к христианам (гой), а к идолопоклонникам (акум), хотя евреи в этом отношении не делают никакого различия и подразумевают и тут, и там, даже преимущественно, христиан. Во времена папы Григория действительно гонения на евреев сделались общими почти во всей Европе, и поводом к этому были неистовства и злодейства их против христиан, хотя наш человеколюбивый век и приписывает гонения сии большею частью одному только изуверству и нетерпимости католицизма. Раввины принуждены были защищать гласно раскрытые тайны и, несмотря на огромные суммы, употребленные ими для подкупов, они принуждены были исключить из книг своих все, что относилось ко вреду и поруганию христиан. Полные талмуды, без пробелов, искали убежище в польских владениях, где жида вообще жили свободнее и надзор за ними был слабее. Сюда же скрылись и более изуверные, упорные жида, и в сих краях гнездятся они еще поныне, тогда как просвещение и надзор значительно изменили прочих европейских жидов и смягчили их нравы. Независимо от этого, есть множество толковых книг раввинских, как говорят, до 50 т., содержащихся в большой тайне, и существуют между раввинами, особые, так называемые каббалистические науки, служащие для объяснения, по произволу, темных мест Талмуда. Вот почему Талмуд недоступен даже ученым филологам нашим, коих свидетельства о том, что есть и чего нет в нем, вовсе не надежны. Есть, наконец, у евреев и словесные предания и учения, сохраняемые в тайне, но обнаруживаемые изредка обратившимися евреями.

Обратившиеся евреи и писатели

К числу последних принадлежит, например, бывший раввин, монах Неофит, написавший в 1803 г. на молдавском языке книгу **«Опровержение еврейской веры»**; жида, как говорят, склонили господаря Молдавии, за большие деньги, уничтожить книгу эту; несмотря на то, однако же, перевод ее на новогреческом языке появился в Яссах же в печати в 1818 году. Тут говорится, между прочим, «о крови, похищаемой жидами от христиан, и о употреблении ее»; описав все подробности этого чудовищного обряда, монах Неофит заключает так:

«Когда я достиг тринадцатилетнего возраста (совершеннолетие у жидов), то отец открыл мне таинство крови, угрожая страшными проклятиями, если я кому-нибудь, даже братьям моим, обнаружу эту тайну; если же у меня будут со временем дети, то я могу открыть то, что узнал, только одному из них, самому надежному, умному и более твердому в вере своей. Я был, и теперь нахожусь, в великой опасности за открытие сей тайны; но, познав истинную веру и обратившись к Спасителю моему, на Него полагаю мою надежду».

Неофит объясняет следующее:

«Об этом обряде писано в книгах не ясно, а только загадочно; тайна известна не всем, а только раввинам, хакамам и фарисеям, кои называются у них хасидым.⁵⁰ Сии изуверы еврейские полагают, во-первых, что, убивая христианина, делают угодное Богу; во-вторых, они употребляют кровь для чар, по суеверным обрядам. Для сего, в день свадьбы, раввин подает новобрачным печеное яйцо, посыпанное, вместо соли, золою из куска полотна, обмоченного⁵¹ в крови христианского мученика».

Обстоятельство это чрезвычайно замечательно, потому что в следственных делах по подозрению евреев в убийстве обнаруживалось именно, что они мочили холст в крови и делили его между собою на лоскутья. *«Молодые едят яйцо, – продолжает Неофит: – а раввин читает молитву, в которой желает им обманывать христиан и питаться трудами их. Евреи, изуверы, употребляют также кровь убитого христианина при обрезании, пуская в чашу с вином каплю крови от обрезанного ребенка и другую каплю от христианского младенца».* И это сведение не менее замечательно, потому что повторяется в разных других показаниях, как изложено ниже, а равно обнаруживается и по случаю уголовных по сему предмету дел; так, по Велижскому делу

⁵⁰ По Велижскому делу 1823 года открыто, что посягнувшие на сей чудовищный обряд евреи были также хасиды.

⁵¹ Обмытого.

солдатка Максимова, показала, что кровь нужна была евреям, по их словам, для еврейки-роженицы; подобное показание сделала и Фекла Селезнева, по другому, Минскому делу, в 1833 г.

Неофит говорит еще, что евреи, когда едят на Пасху опресноки свои, изрыгая все возможные хулы на христиан, пекут один опреснок особо, посыпая его золою с христианскою кровью; собственно этот опреснок называется **ефикоимон**. И это обстоятельство подтверждается следствиями по подобным делам, а также по помянутому Велижскому делу; там три христианки, работницы жидов, показали, каждая порознь, что сами месили тесто на мацу (опресноки), положив туда немного из добытой евреями крови. Всякому, кто жил между евреями, известно, что они действительно пекут один какой-то особый, священный для них, опреснок, не только отдельно от прочих и в другое время, ночью накануне своей Пасхи, – но что при изготовлении этого таинственного опреснока все дети, бабы и домочадцы высылаются из комнаты и дверь запирается. В этот-то опреснок евреи секты **хасидым** кладут, если могут достать, христианскую кровь. Замечание некоторых заступников за евреев, что если бы это и было справедливо, то жидам не нужно бы посягать на убийство, а можно бы всегда достать крови в любой цирульне, вовсе неосновательно: таинство сего исступленного обряда требует именно мученической христианской крови от невинного младенца, а не крови от больного, коему сделано в цирульне кровопускание. Даже и в тех случаях, где жида действительно довольствовались добытием крови, не убивая человека, кровопускание все-таки всегда сопровождалось насилием, как это усматривается ниже из бывших случаев: отрезания крестьянину кончика языка на Волыни в 1833 году и насильственного кровопускания девочке в Луцке, в 1843 году.

Неофит говорит далее, что евреи мажутся также христианскою кровью, дабы исцелиться от разных недугов; что при похоронах таких изуверных евреев употребляется также белок яичный с христианскою кровью; что в праздник **Пурим**, в феврале, на память Мордохея и Эсфири, фанатические евреи убивают христианина вместо Амана, пекут треугольные медовые пряники с частицею крови его и рассылают повсюду. В то же время, говорит Неофит, евреи крадут, если можно, христианских детей, держат их взаперти до Пасхи и тогда совершают над ними свое ужасное убийство, мучат их, как Христос был мучим, и предпочитают для этого детей, вероятно, потому, что их легче можно добыть и что с ними легче и безопаснее управиться, а равно и ради их непорочности. Неофит заключает вышеприведенным признанием о сообщении ему отцом его тайны этой, о закланиях и угрозах отца не обнаруживать ее никогда; *«но, – говорит он: – признав Господа нашего Иисуса Христа отцом моим, а церковь святую матерью, объявляю теперь всю истину»*.⁵²

По показанию других обратившихся, евреи употребляют три средства для облегчения родов женщины: муж становится у дверей и читает 54-ю главу пророка Исаи; потом приносит пять книг Моисеевых из синагоги; и, наконец, **дают роженице высушенную кровь**. Многие уверяют, что это есть кровь от христианского младенца, что подтверждается ниже приведенными выписками из еврейских книг, где именно говорится, что кровь человеческую **для пользы нашей** (от недугов) употреблять в пищу дозволяется, а равно и уголовным делом в Минской губернии 1833 года, где, как упомянуто выше, Фекла Селезнева показала, что еврей Сабуня просил ее достать крови, хоть несколько капель, из мизинца девочки для роженицы-еврейки.

Вот еще изуверная причина употребления евреями христианской крови: Спаситель сказал ученикам своим: *«Се есть тело Мое и кровь Моя»*, на чем и основано у нас причащение св. тайнами, как телом и кровью Христа. В поругание этому святому действию, жида фанатической секты хасидым мешают кровь христианскую, мученически добытую, в свои опресноки, и говорят: так будем же есть тело и кровь их, как повелел и пророк Валаам.⁵³ Много писателей двух прошедших столетий писали об этом предмете и положительно обличали евреев в мученическом убийстве христианских младенцев и употреблении крови их. Из этих, поименованных за сим, сочинений выбрана большая часть нижепомещенных случаев и примеров, за исключением взятых из подлинных делопроизводств в России и Польше.

Итак, более тридцати писателей говорили об этом предмете в различные времена; они свидетельствуются множеством примеров, бывших в разное время и в разных государствах, разбирают тайное учение евреев, смысл и значение этого бесчеловечного обряда и доказывают действительное его существование. Бренц, например, будучи сам обращенным из евреев, говорит

⁵² Тайну.

⁵³ О пророке Валааме объяснено было выше.

весьма положительно, что зверский обряд этот существует, хотя и содержится в большой тайне, даже между жидами.

В изданной Пикульским в 1760 году в Лемберге книге о жидях (*Ziosc Zydowska*) говорится: в 15 день месяца Шайвата старшина рассчитывает, сколько собрано синагогой денег на христианскую кровь, за которую все евреи, с тринадцатилетнего возраста, вносят плату; потом нанимаются особые евреи, чтобы поймать при случае ребенка, которого держат в погребке, кормят сорок дней хорошо и предают мученической смерти. В то же время они стараются достать частицу Св. Тайн (*Hostye Konsecrowana*), для поругания над ними по особому обряду. Все это подтверждается до некоторой степени Велижским и другими уголовными производствами: в первом видно из перехваченной переписки задержанных жидов, что они напоминают каким-то выборным о их обязанности стараться и ходатайствовать по сему делу; и тут же видно, что евреи подкупили, между прочим, женщину, чтобы она украла для них из церкви антиминос и, не проглотив Св. Тайн во время приобщения, выплюнула их в платок и принесла им, что и было ею исполнено. Подобные же случаи встречаются неоднократно у византийских историков, и то же подтверждает бывший в начале прошлого века в Бресте раввин Серафинович, крестившийся и описавший впоследствии злодеяния жидов. Он говорит, между прочим, что сам покупал у святотатных христиан для помянутого поругания Святые Тайны.

Пикульский утверждает далее, что тайная еврейская книга Зевхелев объясняет варварский обряд убийства младенцев таким образом: через несколько десятилетий после распятия Спасителя жида увидели с ужасом, что вера Христова начала сильно распространяться; они обратились к старейшему талмудисту, иерусалимскому раввину Раваше,⁵⁴ который нашел средство против угрожающей им опасности в еврейской книге Рамбам., где сказано: *«всякая зловерная вещь не иначе может быть уничтожена, как чрез сочувственное приложение другой вещи того же рода»*. В доказательство сего книга Рамбам рассказывает, что после убийства пророка Захария во храме кровь кипела на этом месте и ничем не могла быть стерта. Князь Набузардан, увидав это, спросил о причине такого явления и, получив в ответ, что это кровь заклятых животных, приказал сделать при себе опыт, будет ли кровь животных кипеть таким образом. Удостоверившись в обмане, он пыткой вынудил сознание первосвященников о убийстве Захария и, желая отомстить евреям за смерть пророка и успокоить кровь его, приказал резать на том же месте множество еврейских младенцев, до утоления кипящей крови, и действительно достиг этим средством цели своей. Из этого Раваше заключил, что не иначе можно погасить пламя упорной вражды и мести христиан, как собственно их кровью, тайным жертвоприношением невинных младенцев.

Серафинович рассказывает весь порядок этого гнусного бесчеловечного обряда, не только как свидетель, но как действовавшее лицо; он говорит именно: *«одного ребенка я велел привязать ко кресту, и он долго жил; другого велел привоздить, и он вскоре умер»*. Он также говорит, что младенца катают предварительно в бочке, – обстоятельство, подтверждавшееся во всех почти уголовных делах сего рода, а также что для заклятия младенца держится особый нож с золотою рукояткою и серебряный сосуд, а в деле о Велижском происшествии говорится о ноже в серебряной оправе, который даже был отыскан, хотя назначение его и не было положительно открыто; Серафинович уверяет, что в еврейской книге *Гулен* говорится об этой бочке; что раввин приговаривает при этом действии: *«проливаем кровь сего незаконнорожденного, как мы уже пролили кровь Бога их, также незаконнорожденного»*. В полных экземплярах книги Талмуда **Сенхедрин**, по уверению Серафиновича, в главе 7-й сказано: *«дети христиан суть незаконнорожденные, а писание повелевает мучить и убивать незаконнорожденных»*. Талмуд мертвых христиан называет падалью, дохлыми и вследствие того не велит их хоронить; Пикульский говорит именно, что замученного ребенка не зарывают, а выбрасывают куда-нибудь, или кидают в воду: между тем почти все подобные злодеяния действительно обнаруживались оттого только, что искаженное тело младенца было случайно находимо в поле, в лесу, или всплывшим на воде; и если бы евреи не были обязаны поверьем своим выбрасывать просто искаженный труп мученика, то было бы трудно понять, для чего они не стараются зарыть его и скрыть таким образом, чтобы оно по крайней мере не бросалось в глаза первому прохожему.

Пикульский объясняет далее, для⁵⁵ чего жидам нужна кровь христианского младенца: в известный день изуверы обмазывают ею двери какого-либо христианина; новобранцам дают

⁵⁴ Раваме.

⁵⁵ Что.

яйцо с этой кровью; при⁵⁶ похоронах мажут глаза покойника яичным белком с кровью; в мацу или опресноки кладут немного этой крови и сохраняют часть опресноков в синагоге, до добытия свежей крови, размачивая их в воде и употребляя вместо крови, когда не удастся достать младенца. Благословляя еврея на счастливую торговлю и обманы, раввин также дает ему яйцо с этой кровью. В праздник **Пурим** (Амана) евреи пересылают друг другу гостинцы, также с кровью. Еще, говорит Пикульский, употребляют кровь эту на разные чары, о чем будто бы намекается в книге Талмуда **Хохмес Ныстерь**, хотя и не говорится ясно. Все это довольно согласно с помещенным выше показанием Неофита и со многими уголовными делами.

Далее, говорит Пикульский, в книге **Сенхедрин**, гл. 6 и 7, сказано: *«Если дитя твое расположено к христианам, то убей его; убить христианина есть богоугодное дело. Если жид убьет жида, то да накажется смертью; если убьет христианина, то не подлежит наказанию.»*⁵⁷ Если христианин принесет Богу в жертву дитя свое, имеет большую заслугу». Последнее евреи толкуют так: тут написано христианин, чтобы скрыть настоящий смысл, но это значит, что евреи должны приносить в жертву детей христианских. Но главное толкование этого гнусного обряда, говорит Пикульский, состоит в том, что, убивая детей христианских, евреи, как полагают, **убивают в них Христа и что ожесточение евреев против христиан может насытиться только христианской кровью.**

Пикульский говорит далее, что евреи, в случае неудачи, стараются купить младенца невольника в Царе-граде; что отроку должно быть не более тринадцати лет, и что евреи берут для сего вообще одних мальчиков, потому что Иисус Христос был мужчина. Помещенные ниже примеры доказывают, что еврейские изуверы иногда также убивают девочек, и даже взрослых мужчин и женщин. Для некоторых чар, говорит Пикульский, евреи употребляют и выпущенную из руки христианина кровь, что действительно подтверждается бывшим в 1843 г. в Луцке случаем, о коем будет говорится ниже, где евреи сделали христианской девке насильственное из руки кровопускание.

На прении, которое держали в 1759 году во Львове талмудисты с противниками своими, евреями, не признающими Талмуда, также были рассуждения о том, что **кто верит в Талмуд, тот верит и в употребление крови христианской**; слова: **Яинудым** красное вино и **Яин-Эдым**⁵⁸ – христианское вино пишутся по-еврейски одними буквами, и вся разница заключается в знаках, заменяющих гласные буквы; посеми и утверждают, что тут подразумевается не вино, а христианская кровь.

В книге **Басни Талмудовы**, напечатанной сперва на польском языке в Кракове, а потом, в 1794 году, на русском в Почаевском монастыре, также утверждается, что в месяц несен (апрель) жиды распинают и мучают христианского младенца, если могут достать его, и что об этом говорится в книгах Талмуда **Зихфелеф**, **Хохмес** и **Наискобес**, хотя смысл скрыт и темен. Сочинитель говорит, что евреям нужна кровь этого младенца: 1) для чарования против христиан; 2) для свадебного обряда; 3) для обряда при похоронах; 4) для опресноков или мацы; 5) для счастливых оборотов по торговле; 6) для праздника Амана, где раввины кровь сию кладут в брашна и рассылают в виде гостинца. Эйзенменгер⁵⁹ также говорит, что жиды, по уверению многих писателей, употребляют кровь замученных ими младенцев в виде колдовства, для удержания кровотечения при обрезании; для половых возбуждений, для женских болезней и наконец, вообще для жертвенного примирения с Богом. Выше объяснено было, почему Талмуд все еще составляет недоступную для нас тайну, объяснено, что все нынешние экземпляры его неполны и смысл опасных мест затемнен с намерением чрезвычайно хитро и загадочно, так, например, что иногда, по известному одним только посвященным в таинства эти каббалистическому правилу, должно читать не те слова, кои написаны, хотя в них и есть смысл, а переставить буквы, и тогда выйдет совсем иное; в других же местах вставлены слова, коих каждая буква означает целое слово, и, следовательно, мнимое слово содержит в себе целое изречение. Несмотря на это, однако же, Талмуд все еще так богат бессмысленным и противным человечеству изуверством, что, конечно, нет злодейства, которое он не разрешал бы жидам против христианина. Какую бы ни заставить еврея произнести клятву, относящуюся до

⁵⁶ «При похоронах... кровью» *нет*.

⁵⁷ Убивать христиан, где можно, Талмуд повелевает неоднократно. См. кн. Сенхедрин, гл. 6, стр. 48 и гл. 7, стр. 2 и 508; книг. Аведозора, гл. 1, стр. 3, гл. 2, стр. 13, ст. 15; кн. Макег, гл. 2, стр. 9, ст. 3, там же, гл. 71 и проч.

⁵⁸ «Яин Эдым – христианское вино» *нет*.

⁵⁹ Entdecktes Judenthum, 1700.

христианина, она во всяком случае будет ничтожна и никогда ни одного талмудиста не свяжет. Все, что говорится в Ветхом Завете о людях, о человеке и человечестве, евреи относят собственно и исключительно к себе только, потому что они одни люди, а прочие народы, на основании Гемары, скоты или животные. Приведем, для примера, несколько выписок из Талмуда, сделанных крещенным евреем Поздерским по поводу Велижского дела, «*Вы, евреи, люди, а не прочие народы света*» (Талмуд, кн. Бове-меце, разд. 9). Посему Талмуд разрешает всякую обиду, насилие и воровство еврея у иноверца: «*От ближнего не отымай ничего, как гласит заповедь; но ближний твой еврей, а не прочие народы света*». (Талмуд, кн. Сенхедрин, разд. 7, лист 59). Таким образом, Талмуд толкует Ветхий Завет от точки до точки и всюду делает это различие, называя человеком и ближним еврея, израильянина, но отнюдь не иноверца.

«*Благословляй покойника, если встретишь гроб еврея, и проклинай умерших другого народа и говори: обещана мать ваша, краснеет родившая вас, и проч.*» (Талмуд, кн. Брехес, разд. 9, лист 58).

«*Если кто скажет, что Бог принял на себя плоть человеческую, то он лжец (эпикоюрес) и достоин смерти; посему на такого человека еврейю дозволяется свидетельствовать ложно*». (Талмуд, кн. Сенхедрин).

«*Иноверец, убивший, иноверца, равно и еврей, убивший еврея, – наказывается смертью; но еврей, убивший иноверца, не подлежит наказанию*». (Кн. Сенхедрин, разд. 7, лист 59).

«*Если иноверец читает Талмуд, то он достоин смерти, потому что в Ветхом Завете сказано: «Моисей дал нам в достояние закон; т.е. дал нам, но не прочим народам»*». (Там же). Остается опровергнуть еще одно доказательство, приводимое в пользу евреев, т.е. что закон Моисеев запрещает им, как известно, – употребление в пищу крови. На это отвечаем: во-первых, по учению Талмуда и раввинов, **военная служба и болезни** освобождают от закона вообще и от запрещения на известную пищу; во-вторых, Талмуд же именно разрешает, в известных случаях, употреблять в смеси с явствами **кровь рыбно и человечью** (Талмуд, кн. ЙореДео, разд. 66, лист 53), и говорит по сему поводу так: «*кровь скотская, звериная и птичья запрещается; рыба кровь не запрещена, если только по положительным признакам, например, по чешуе, можно узнать, что она действительно рыба*».

Человеческая кровь запрещена также по виду своему, потому что не может быть отличена от скотской; посему кровь человеческая, оставшаяся от зубов на корке хлеба, должна быть отскребена; но случившуюся во рту кровь проглотить можно.

Вообще же, рыба и человеческая кровь, как по закону не запрещенная, во всякой смеси с яствами разрешается. В книге Сулхан Орух, стр. 42, ст. 67, это сказано также ясно: «*кровь скота и зверя употреблять в пищу нельзя, а кровь человеческую, для пользы нашей, можно*». Евреи уверяют, что это относится до болезней, где кровь употреблялась в древности, как лекарство; но в толковании на приведенное место говорится именно: «*Христиане давно уже предостережены, но нам нельзя обойтись без крови, для того, о чем пишет книга Тойсвюс*». Далее, стр. 119, стр. 193: «*не дружись с христианином там, где тебе нужно... для того, чтобы не узнали о пролитии крови*». И вот образчик пропуска в Талмуде, конечно, более чем только подозрительного.

Есть также и словесные показания крещенных евреев о их таинстве крови. Так, например, унтер-офицер Савицкий, крещенный еврей, показал, по случаю бывшего в Гродненской губернии в 1816 году происшествия, что евреи действительно употребляют кровь христианскую и для этого истязают младенцев. По словам его, обряд этот исполняется в половине апреля, к празднику **Пейсах**, т.е. к Пасхе; в память заклания агнца притолока обрызгивается кровью младенца, или к ней прикасаются ниткой, намоченной в этой крови. Все это вполне согласно с помещенными выше сведениями и показаниями, а равно и с обстоятельствами бывших случаев. Савицкий далее показал: младенцев берут преимущественно, потому что с ними легче справиться и легче их достать; каждому еврейю, успешшему в этом, дается отпущение грехов; на истязание младенца, распятие его и проч. есть подробные правила, и всё это должно быть исполнено в синагоге; но когда есть опасность, что дело могло бы чрез это огласиться, то дозволяется убить христианина, где и как можно, не соблюдая никаких особых обрядов; посему и бочка, в которой велено катать жертву, для привлечения подкожной крови, в новейшее время отменена – и именно сделал это бывший в Вильне раввин Илия, хасид. Савицкий просил только оградить его от весьма опасного преследования евреев и в таком случае брался обнаружить все; но предложение его не было принято. Он показал, между прочим, что жиды читают во время

истязания младенца следующую молитву, из книги **Мангогима**:⁶⁰ *«радуйтесь и веселитесь, да извлечется кровь сия в память вечную, не яко отрока сего, но яко падшаго Кудра (Спасителя)»*. Потом из книги **Сейдер**, молитва Олейна: *«Христиане поклоняются кумирам, камню или дереву, изображая на оных Христа, но не получают от Него никакой помощи. Да исчезнет имя Его и да погибнут верующие в Него, яко трава иссыхающая и яко воск тающий»*. Помянутый хасид написал об этом весьма редкую и содержимую в большой тайне книгу под названием **Цивуй**.

Лейб-гвардии Финляндского полка рядовой Федоров, крещенный еврей, по поводу разбирательства по Велижскому делу, показал в 1830 г., что по общеизвестному и втайне сохраняемому между евреями учению, им действительно нужна кровь христианская к празднику **Пейсах** (Пасхе), в опресноки; что отец его, Федорова, ему об этом сказывал, что он сам, как уверен, употреблял опресноки с этою кровью. Федоров изобличен был в некоторых ложных показаниях, когда вздумал выслужиться и объяснить подробности Велижского дела, известного ему только поверхностно; это, однако же не доказывает еще, что общее показание его было также неосновательно, особенно если оно согласно со всеми прочими сведениями о сем предмете.

Крещенный еврей Грудинский по поводу того же дела показал то же. Многие из показаний его оказались ложными; не менее того он, однако же, с большого подробностью и согласно с прочими сведениями описал порядок и цель этого фанатического обряда. Он утверждал, что есть содержащаяся в большой тайне книга **Рамбам** (Гандома церихен дмей Акумь сельмйцвес), в которой обряд описан во всей подробности; что сам он видел и читал эту книгу и что на том экземпляре нарисованы были, в виде арматуры или виньетки, все снаряды, необходимые для совершения сего бесчеловечного обряда; что для этого содержатся при синагоге железная корона, два железных копьеца, нож для обрезания, полукруглое долото для желобковатой раны в боку младенца; бочка, в которой катают его для привлечения подкожной крови, и описывает со всею мелочною точностью вид и особенное устройство этой бочки, как может ее описать только человек, тщательно рассматривавший предмет. Он же говорит о том, что варварский обряд этот несколько изменяется, когда истязают, из-за недостатка мальчика, девочку; и это также согласно с показаниями солдатки Терентьевой по Велижскому делу. Грудинский говорит, между прочим, что девочек должно катать в другой бочке, чем мальчиков, что бочка эта иначе устроена; а Терентьева, бывшая сама соучастницей нескольких подобных злодейств, показывает именно, что девочку замучили жида таким же образом, обрезав ей предварительно ногти и сосочки на груди, тогда как над мальчиком совершили, еврейское обрезание, но что **девочку качали в другой, иначе устроенной бочке**. Грудинский присовокупил еще одно, по-видимому, незначительное, но в сущности чрезвычайно важное, обстоятельство: а именно, что в воспоминание предательства Иудею Искаротским Спасителя **младенец, должен быть куплен у какого-либо христианина за 30 сребрвнников**; но в случае нужды дозволяется самим евреям похищать детей и за то передать христианам под каким-либо предлогом, хотя в разное время и в разные руки, 30 монет.

Показание это важно потому, что почти во всех подобных делах, где совращенные христиане сознавались впоследствии сами, что доставили жидам ребенка за деньги, говорится именно о **тридцати** монетах. Так, по Минскому делу 1833 года, Фекла Селезнева показала, что еврей Орко Сабуня обещал ей 30 целковых за христианского ребѣнка; Никульский (Złosc Zydowska, 1760, Лемберг) говорит, что евреи вносят за кровь эту и на приобретение младенцев каждый по два злотых, или 30 копеек серебром; Серафинович, о коем говорено выше, сам сознается, что платил по 30 червонцев, и проч.

Грудинский и другие объясняют неистовый обряд этот таким образом: Спаситель наш, по мнению жидов, был не сын Божий, а человек и творил чудеса чернокнужием. Этим средством он и обратил израильтян назвав их беснующимися, в стадо свиней, утопив их в озере; затем христиане едят свиней, хотя и знают, что это кровь обращенных израильтян; а жида, коим Бог повелел распять и истязать Христа, повторяют это теперь над последователями Его, утоляя месть свою кровью их и предавая младенцев их заклятию, вместо агнца пасхального.

Одна из самых замечательных книг об этом предмете есть, без сомнения, сочинение аббата Киарини, напечатанная в Париже в 1830 году и посвященная Государю Императору. Киарини с примерным беспристрастием разбирает основное учение евреев, доказывает, что все правила Талмуда содержат учение разрушительное, не признающее ни обществ, кроме еврейского, ни даже самого человечества или человека, кроме собственно еврейского и еврея. Киарини разоблачает всю лжемудрость, злобное изуверство и нетерпимость содержимых в тайне учений;

⁶⁰ Манхошма.

он написал книгу свою с высокою и благородною целью: исследовать во всей подробности настоящий быт и отношения евреев и указать на средства, каким образом вывести несчастный народ этот из гибельного его положения. Посему Киарини не обнаруживает ни малейшей ненависти к жидам, а, ограничиваясь одними учеными разысканиями, смотрит на народ этот с христианским смирением. Не менее того, однако же, коснувшись предмета записки сей, он говорит:

«Кровавый, суеверный обряд, который, вероятно, находит последователей только в небольшом числе изуверов низшего сословия евреев, состоит в том, чтобы завлекать разными средствами христианских детей и приносить их в жертву во время израильского праздника Пасхи. Может быть, этим возобновляется память богоубийства, совершенного прародителями их, или кровь младенцев употребляется для изуверных целей, а, вероятно, и то, и другое вместе. Раймонд Мартин утверждает, что обычай этот основывается на изречении Талмуда; но я нахожу в приводимых им словах одно только разрешение скрытно убивать христиан, разрешение, которое изуверный народ, конечно, мог объяснить по-своему. Мы видим, также в слове скрытно оговорку или оправдание, если злодеяние это не будет исполнено; мы видим также, что Талмуд в ясных словах повелевает жидам стараться сокрушать, огорчать чем-нибудь христиан, перед их торжественными праздниками, чтобы отвлечь их, христиан, от исполнения обрядов церкви и не дать им спокойно наслаждаться священным для них торжеством. Такое учение, конечно, может быть истолковано жидами по произволу».

Это место Талмуда, как замечает Киарини, искажено с намерением в новейших изданиях, чтобы не подать христианам подозрения. Затем он продолжает:

«Оспаривать, что жиды во многих европейских землях, в иступлении своем, совершали этот бесчеловечный обряд (*убиение христианских младенцев*), значило бы вычеркнуть из страниц летописей несколько десятков событий или случаев, во всей подробности описанных и со всею основательностью доказанных; это значило бы разрушить и уничтожить несколько памятников, сохраняемых некоторыми городами, вместе с преданием об этом ужасном преступлении; это значило бы, наконец, признать, без всякого к тому основания, лжесвидетелями людей, которые еще живы и видели своими глазами, если не самое исполнение злодеяния, то по крайней мере несомненные к тому попытки. В течение настоящего года (1827) жиды в Варшаве, для шутки, как они говорят, поймали христианского ребенка и заперли в сундук,⁶¹ где он был отыскан. Но если рассудить, что это сделалось, как обыкновенно, день или два перед Пасхой и что жиды при этом окружили и обеспечили себя всеми предосторожностями, по учению талмудистов, то будет слишком трудно прикрыть такое действие личиною вовсе неуместной шутки».

В министерстве внутренних дел есть при делах доставленная одним известным крещеным евреем выписка из еврейской книги *Эц-Хаим* (древо жизни), писанной в XVII веке раввином Хаим Вытал, который жил в Польше. Переводчик при сем случае объявил письменно, что обычай истязать христианских детей, по уверенности его, действительно у евреев существует. Выписка эта или перевод в самой вещи служит полным доказательством оспариваемого вопроса; если уже раввин решился написать подобную вещь, не обинуясь, в изданной им книге, то нельзя сомневаться, чтобы не нашлись изуверы, которые бы в ослеплении своем не были готовы посягнуть на такое бесчеловечное злодеяние.

Вот перевод этой выписки:

«Всякое животное сохраняет посредством жизни известную частицу святости Всевышнего».

«Человек, кто бы ни был, сохраняет этой святости при жизни более, нежели животное».

«Когда заколем⁶² животное, тогда отходит от него тень жизни вместе с известною частицею святости и обращается в пользу того, кто в снесь сие животное употребляет; но пока тень жизни от животного еще не совсем отошла, то сохраняющаяся в нем известная частица святости запрещает нам употреблять его в пищу. Так сказано в св. писании и о человеке, кн. Числ, гл. 14, ст. 9: «Они нам в снесь, отошла от них тень их». Сие показывает нам намеками, что так как в них нет уже более той частицы святости, то они, как заколотые животные или хлеб, в снесь нам предоставлены; посему и сказано кн. Числ, гл. 23, ст. 23: – **Сие люди (народ израильский) не уснет, дондеже мечь лавь и кровь посеченных испиет**; и сие намекает на людей, не сохраняющих в себе святости свыше».

⁶¹ Из Велижского дела 1823 года также видно, что жиды спрятали и заперли пойманного ими ребенка в сундук.

⁶² Заколешь.

«Из всего оного мы заключаем, что **убиением и питием крови гоя** (неверного) **умножается святость Израиля или евреев**».

Вот что написано в книге Эц-Хаим; а после такого разительного и неоспоримого доказательства в существовании между евреями такого иступленного обряда можно только утверждать, что евреи большею частью не следует сим наставлениям, но отрицать самое существование их невозможно.

Таким образом, мы видим, что, все писатели и крещённые евреи, утверждающие существование этого обряда, согласно говорят о цели, значении и порядке исполнения его; а если еще откроется ниже, что во всех случаях, где злодеяние обнаружилось и пытка или очевидные улики и совесть вынудили сознание, сие последнее также вполне согласуется с помянутыми писателями и со всеобщим народным преданием, – то, кажется, дело можно будет считать решенным. Что значат в сравнении с сими доказательствами и с неоспоримыми событиями риторические возгласы филантропов и космополитов, или свидетельства нескольких образованных и честных евреев, вовсе не посвященных в сии таинства, или же удостоверение ученых что это было бы противно коренным законам Моисея? В этом духе было опровержение или отречение, сделанное гласно английскими евреями в парламенте; в этом же духе торжественная клятва нескольких крещенных германских евреев и, наконец, тем же оружием некоторые писатели жарко защищали жидов, как, например, ученый Гитциг⁶³ с товарищами в новейшем юридическом сочинении своем: «Der neu Pitaval». Все это может сбить с пути того только, кто не знаком коротко ни с изуверством закоснелых жидов, ни с событиями и судебным по ним производством; но все это не может сделать черное белым, а бывшее небывалым.

Бывшие случаи злодейского изуверства евреев

Переходя затем к исчислению бывших случаев злодейского изуверства евреев и к разбирательству важнейших из них, или, по крайней мере, ближайших к нам и посему более достоверных, взятых из подлинных делопроизводств и из разных книг, писанных об этом предмете, – должно наперед всего упомянуть, что уже в первые века христианства евреи носили по улицам изображение Амана на кресте в поругание христиан и неоднократно убивали, по злобе, где могли, христиан (Церк. Ист. Шрекка, т. VII), и что в законах польских и литовских 1529 года мы находим особый, на подобный случай закон: «*При обвинении жида в убийстве христианского младенца должно представить трех свидетелей из христиан; а кто не докажет обвинения, тот сам подлежит казни*». (Чацкий, О литовск. и польск. законах, т. I, о привилегиях жидов). Затем:

В IV столетии

1) При кесаре Константине жиды были изгнаны из некоторых провинций за то, что распяли христианского ребенка на кресте в Страстную пятницу.

В V столетии

2) В уложении императора Феодосия запрещается евреям праздновать воспоминания свои поруганием над подобием креста, которое ими торжественно сжигалось; Феодосий же запретил строить синагоги в уединенных местах, в предупреждение разных, неоднократно случавшихся, неистовств; но евреи, несмотря на это, распинали тайно христианских младенцев, и несколько человек их было за это казнено, что случилось в 419 году, в Сирии, между Антиохиею и Халкидоном, в Пиместаре (Eisenmenger. Т. II. p. 220).

В VII столетии

3) В царствование Фоки, жиды были изгнаны из Антиохии за то, что умертвили, по изуверству, поносною смертью⁶⁴ епископа Анастасия и убили многих христиан.

⁶³ Гатцик.

⁶⁴ «Поносною смертью» *нет*.

В XI столетии

4) В 1067 году в Праге (в Богемии) шесть евреев зашиты в мешки и утоплены в реке за то, что выпустили из трехлетнего младенца кровь и переслали ее другим евреям, в Тревизу (Мосцкий, гл. 25).

5) В киевских пещерах почивают донныне мощи преподобного Евстратия, коего память празднуется 28-го марта. В Патерике находится житие его и говорится, что святой угодник был киевлянин, взят в плен половцами, при нашествии хана Боняка 1096 г., продан в Корсунь жида, который подверг его разным мукам и, наконец, к празднику Пасхи своей распял его на кресте, а потом бросил в море. Тут нашли тело его русские христиане и привезли в Киев (печ. Пат. л. 169).

6) Между Кобленцем и Бингеном, на Рейне, есть донныне часовня с мощами ребенка, замученного в XI веке жидами; местные католики почитают его святым.

В XII столетии

7) В 1172 году, в Блуа, во Франции, евреи распяли ребенка, положили труп в мешок и бросили в реку Луару (Centur, Magdeb. XII, Cap. XIV).

8) То же случилось там в 1177 году, в самый день Пасхи, и несколько евреев сожжены за это на костре. (Там же и Шлешек, гл. 9).

9) В 1179 году в Германии казнены были евреи за распятие ими на кресте ребенка (Дубравиус, кн. 18).

10) В 1146 году в Норвиче (в Англии) евреи были казнены за распятие младенца Вильгельма в Страстную пятницу. Случай этот описан со всею подробностью (там же; Винценций, кн. 27).

11) В Брае (во Франции) жида подкупом получили позволение казнить христианина, под предлогом, что он разбойник и убийца; они надели на него железную корону, секли его розгами и распяли. (Там же.)

12) Писатели прежних времен, **Гегин**⁶⁵ и **Наудер**, свидетельствуют в общих словах, что парижские жида в XII веке похищали к Пасхе младенцев и предавали их в подвалах мученической смерти.

13) В Глостере в царствование Генриха II жида распяли христианского младенца во время Пасхи. (Там же, гл. XI, XIV.)

14) В 1179 году в Праге (в Богемии) казнено много евреев за измученного и распятого ими ребенка. (Гагель, лист 304.)

15) Близ Орлеана (во Франции), в 1175 г. сожжено несколько раввинов за умерщвление ребенка, брошенного ими после в воду. В 1180 р. жида были изгнаны за подобные злодеяния из Франции. (Твер⁶⁶ кн. 4).

16) Около того же времени то же случилось в Аугсбурге (в Германии), за что все евреи были оттуда высланы.

17) В 1183 году жида, судившиеся за подобное злодеяние, совершенное в Великий пяток, сознались в нем, а равно и в том, что обязаны делать это по своей вере. (Винценциус, кн. 29, гл. 25.)

В XIII столетии

18) В 1288 году в Бехараце (в Германии) евреи замучили ребенка и положили под гнет, чтобы выжать из него кровь. (Шлешек, гл. 9).

19) В 1228 году евреи в Аугсбурге распяли ребенка. (Там же).

20) В 1234 году в Норвиче евреи похитили ребенка, держали его втайне несколько месяцев, до Пасхи, – но не успели совершить злодеяния своего; ребенок отыскан, а они казнены.

21) В 1250 году в Арагонии жида распяли во время Пасхи своей семилетнего ребенка. (Eisenm. T. II. p. 220).

22) В 1255 году в Линкольне (в Англии) евреи похитили восьмилетнего отрока, секли его бичами, увенчали терновым венцом и распяли на кресте. Мать нашла труп в колодце; евреи изобличены и сознались; один из них на месте растерзан лошадьми, а девяносто отведены в Лондон и казнены там.

⁶⁵ Гейм.

⁶⁶ Тьер.

23) В 1257 году в Лондоне жида принесли в жертву на празднике Пасхи христианского младенца (Eisenm. Т. II, p. 220).

24) В деревне Торхан (в Германии) в 1261 году евреи выпустили из семилетней девочки кровь из всех жил, а труп бросили в реку, где он был найден рыбаками. Евреи были изобличены и частью колесованы, частью повешены. (Шлешек, гл. 9).

25) В 1282 году женщина продала жидам украденного ею ребенка, а они замучили его, исколов по всему телу. Когда та же женщина хотела передать им еще другое дитя, то была поймана, созналась во всем под пыткой, указав место, где первый ребенок был брошен: он найден исколотым по всему телу; по этому поводу было в Мюнхене восстание, в коем убито много жидов. (Eisenm. Т. II, P. 220).

26) В 1287 году в Берне (в Швейцарии) несколько евреев колесованы за умерщвление младенца, а остальные высланы. (Книга уголовного производства над евреями).

27) В 1295 году евреи вторично высланы были из всей Франции за подобные преступления.

В XIV столетии

28) В Вейсензе, в Турингии, в 1303 году несколько евреев сожжено за умерщвление дворянского ребенка, найденного в воде (Eisenm. Т. II, p. 221).

29) В 1305 году в Праге жида умертвили в Пасху христианского ребенка. (Там же).

30) В Губерлине (в Германии) в 1331 году жида распяли на кресте ребенка, за что заперты были все в один жидовский дом и сожжены. (Шлешек, гл. 9).

31) В Мюнхене в 1345 году женщина продала ребенка Генриха евреям, кои нанесли ему до 60-ти ран и распяли его на кресте. (Eisenm. Т. II, p. 221).

32) В 1400 году в Турингии евреи купили у католика ребенка и замучили его. Маркграфы Фридрих и Вильгельм повелели за это колесовать и четвертовать католика и евреев. (Маемос, гл. 33).

В XV столетии

33) В 1401 году в Швабии народ восстал по поводу умерщвления жидами двух христианских детей, купленных у какой-то женщины, – запер всех жидов вместе с нею в синагогу и сжег их там живых. (Маемос, л. 33).

34) В 1407 году в Кракове, при короле Ягелле, народ возмутился по случаю умерщвления евреями ребенка, убил много жидов, опустошил и выжег дома их и выгнал всех из города. (Длугош, кн. X; Гембицкий, гл. 7).

35) В 1420 году в Венеции казнено несколько евреев за убиенного в Великую пятницу младенца. (Кн. уголов. производ. над евреями за убийство христиан).

36) В 1420 году, в Вене, при Фридрихе, сожжено 300 евреев за умерщвление ими трех детей. (Маемос).

37) В 1454 году в Вене казнено несколько евреев за то, что убили ребенка, вынули сердце, сожгли его в порошок и пили его в вине. Случай этот тем замечателен, что наши раскольники, толка детогубцев, делали то же, но пили порошок не сами, а опаивали им других для привлечения посредством чар сих к своему братству.

38) В 1456 году в Анконе крещенный раввин Эмануил объявил, что бывший там лекарь из евреев отрезал голову служившему у него мальчику христианину и собрал тщательно кровь.

39) Он же показал о другом подобном случае, где евреи распяли мальчика, кололи его и собирали кровь в сосуды.

40) В 1486 году в Регенсбурге найдено в одном жидовском погребке шесть трупов христианских младенцев; при исследовании открыт тут же камень, обмазанный глиной, под которою найдены на камне следы крови, потому что дети на нем были убиты. (Eisenm. Т. II, p. 222).

41) В 1475 году в Триенте, в Тироле.

42) В 1486 году во Вратиславле (Бреславле).

43) В 1494 году в Бранденбурге – казнены и частью сожжены были жида за убийство христианских младенцев.

Происшествие в Триенте описано во всей подробности.⁶⁷ Трехлетний ребенок Симеон убит был в четверток на Страстной неделе, и жители поклонялись ему, как мученику. Жид Товий, принес его в школу; тут зажали ему рот, держали за руки и за ноги, вырезали кусочек из правой щеки, кололи большими иглами по всему телу и, собрав кровь его, тотчас же положили в опресноки. Жиды ругались над ребенком, называя его Иисусом Христом, и бросили труп в воду. Родители нашли труп и донесли об этом властям (Иоанну⁶⁸ Салисскому и гражданину Бриксену), кои вынудили из евреев пытку сознание во всех подробностях этого злодейства. На могилу младенца ходили на поклонение, и мученик вскоре приобрел имя праведника. Впоследствии папа Сикст IV воспротивился этому и запретил даже преследование триентских жидов, потому, вероятно, что жиды успели склонить в пользу свою приближенных к папе людей. Происшествие это изображено было во Франкфурте⁶⁹ на картине, которая существовала еще в 1700 году, с подробною надписью, как рассказывает очевидец Эйзенменгер.

44) В 1492 году жиды, по подобным обвинениям, изгнаны были из Испании.

В XVI столетии

45) В 1502 году в Праге еврей сожжен на костре за убийство младенца и испущение из него крови. (Гагель, л. 122).

46) В 1509 году в Боссингене (в Венгрии), жиды замучили ребенка, украденного ими у одного колесника, и, исколов его по всему телу, выпустили кровь, а труп кинули за город. Виновные сознались под пыткой и казнены. (Eisenm. Т. II, р. 222).

47) В 1510 году жиды изгнаны были из Англии, по такому же обвинению.

48) Около того же времени в Данциге еврей украл сына одного мещанина.

49) В Глозаве, при короле Августе, шестилетний мальчик Донемат и семилетняя девочка Доротта замучены евреями.

50) В Раве два еврея украли ребенка у сапожника и лишили его жизни, за что были казнены.

51) В 1540 году в княжестве Нейбурге жиды зверским образом замучили христианского младенца, который жил еще трое суток. Дело обнаружилось тем, что еврейский мальчик, играя с другими на улице, сказал: «три дня выл этот щенок и насилу⁷⁰ издох». Это слышали посторонние люди; а потому, когда обезображенный труп был найден в лесу пастушьей собакой и народ сбежался, то уже знали, за кого взяться. Кровь этого мученика найдена была, между прочим, в другом городе, в Позингене. (Eisenm. Т. II, р. 223).

52 и 53) В 1566 году в Нарве и в Бельске жиды подозревались в том же преступлении и успели исходатайствовать особое по сему повеление польского короля Сигизмунда, коим опровергается подозрение это, как нелепое, и король предоставляет впредь подобные случаи своему собственному суду.⁷¹

54) В 1569 году в Ленчицах (в Польше), в Воловском монастыре, жиды замучили двоих младенцев.

55) В 1570 году жиды изгнаны из маркграфства Бранденбургского за то, что ругались над Св. Тайнами.

56) В 1571 году жиды в Германии содрали кожу с одного христианина, по имени Брагадин, и мученически его умертвили. (Eisenm. Т. II, р. 219).

57) В 1574 году в Литве, в местечке Поне, жиды замучили одного младенца.

58) В 1589 году в Вильне, на предместьи – пятерых.⁷²

59) В 1589 году в Тарнове, в Глобичах, одного, – за что виновные казнены были смертью.

60, 61 и 62) В 1590 году в Ольшовской Воле (в Польше), под Шидловцем, в Курозваках и Петеркове жиды замучили троих детей.

63) В 1593 году там же одна женщина продала евреям троих украденных ею детей.⁷³

64) В Красновоставцах замучен таким образом студент или ученик школы.

⁶⁷ Eisenmenger. Т. II, р. 221; Munster's Cosmographia, р. 342; Hoffmann, Schwer zu bekehrendes Judenthum, р. 115. Tentzel, Monatliche Unterredungen.

⁶⁸ Иониу.

⁶⁹ «Во Франкфурте» *нет*.

⁷⁰ Наконец.

⁷¹ *Вст.*: «Hoffmann, Schwer zu bekehrendes Judenthum, р. 115, Tentzel. Monatliche Unterredungen»

⁷² *Вст.*: «младенцев».

⁷³ *Нет этого §.*

65) В 1597 году в Шидловце, жида окропили школу свою кровью замученного ими ребенка, что и записано в судебных книгах. Это согласно с обрядом еврейским помазывать двери в домах своих кровью пасхального агнца, а равно и с вышепомещенными показаниями о сём предмете унтер-офицера из евреев Савицкого и свидетельством Пикульского, что евреи помазывают эту кровью двери в доме христианина. Также точно они не только едят сами опресноки с кровью и сладкие пирожки, изготовляемые к празднику Пурим, но охотно угощают ими и христиан.

66, 67 и 68) В 1598 году в Люблине, в Коле и Кутне (в Польше) замучены жидами три младенца, о чем существует печатное делопроизводство; в особенности замечателен декрет люблинского трибунала. Младенец Алберт найден в лесу при деревне Возники исколотый, изрезанный. Евреи были изобличены, но упорно запирались; под пытку все пять человек, допрошенные порознь, показали одно и то же, сознавшись во всем, и повторили гласно показания свои в суде, и в присутствии нарочно призванных для сего евреев. Это также было к Пасхе. Жид Яхим показал, что не участвовал в убийстве, а видел случайно кровь младенца в горшке, и даже отведал ее, обмакнув палец, полагая, что это мед. Марко, богатый арендатор, у которого жил Яхим, и жена Марка не велели ему никому сказывать о том, что видел, но не открыли ему тайны, для чего нужна эта кровь; Яхим, однако же, слышал давно от других жидов, что им кровь точно нужна.

Аарон сознался, что, он, вместе с Исааком, украли младенца, когда возили солод, и передали Зельману, который зарезал его, собрал кровь и нанял работницу Настасью, чтобы вынести труп в лес. Аарон впоследствии несколько раз повторил свое показание, не отрекаясь более от слов своих, – но не каялся, а показывал закоснелое изуверство, даже когда узнал о смертном приговоре.

Исаак также сознался, показал все мелочные обстоятельства, согласно с Аароном, и дополнил отвратительною, подробною картиною об истязании и смерти мученика. По словам его, кровь была роздана и употреблена в опресноки.

Мошко, из Медзержица, показал совершенно то же и объяснил причину, для чего жида замученных младенцев⁷⁴ не хоронят, сказав, что это противно вере их; его надо выкинуть, а не зарывать. Правило это вполне согласуется с тем, что сказано было об этом предмете выше, о показаниях крещенного раввина Серафиновича.

Работница Настасья, христианка, созналась во всем без пытки; она присовокупила, что еврейка, хозяйка ее, сказала ей, вынося вместе с нею труп, что если бы предать его земле, то все бы евреи погибли. Виновные были казнены.⁷⁵

В XVII столетии

69) В 1601 году в Чаграхе (в Польше) евреи умертвили девочку.

70) В 1606 году в Люблине мальчика.

71) В 1607 году в Зволыне (в Польше) мальчика, которого нашли в воде обезображенным с отрезанными членами.

72) В 1610 году в Сташеве (в Польше) еврей Шмуль украл младенца, продал его в Шидловец, где жида схвачены в то самое время, когда истязали жертву свою. Евреи четвергованы, а тело младенца положено в каплице с надписью: *Filius Joharinis Koval et Susannae Nierychotovskiae, civium Staszowiensium, cujus vox sanguinis vindictum clamat ut Judei nominis Christiani hostes pellantur Stasovie*; – То есть: сын Ивана Коваля и Сузанны Нерихотовской, граждан Сташевских, коего глас кровавой мести вызывает об изгнании из Сташева евреев, врагов христианского имени.

73) В 1616 году, апреля 24, в Вильне жид Бродавка умертвил младенца Яна, сына крестьянина помещика Олесницкого.

74) В 1617 году в Сельцах, под Луковым, замученный евреями младенец отыскан и положен в коллегiate, в Люблине.

75) В 1626 году в Сохачеве несколько христианских детей были украдены и убиты жидами.

76) В 1628 году в Сендомире жида замучили двоих детей аптекаря.

⁷⁴ Вст.: «Не зарывают».

⁷⁵ Eisenm. Т. II, p. 233. Tentzel, Monatl. Unterredungen, luli 1693; Papebroch. Т. II, April.

77) В 1636 году последовал декрет люблинского трибунала по подобному делу: жида пригласили под каким-то предлогом кармелитского лаика (послушника) и, кинувшись на него внезапно, выпустили из него много крови и, угрожая смертью обязали страшною клятвою не обнаруживать происшедшего. Но вследствие этого насилия послушник отчаянно занемог, сознался во всем настоятелю, а сам вскоре скончался, приняв, однако же, присягу в справедливости его показания. На этом основании евреи были казнены.

78) В Калишской губернии, в городе Ленчицах, в костеле бернардинов, находится поныне труп замученного евреями младенца. Потомки виновных долгое время обязаны были носить по городу, ежегодно в день преступления, картину, изображавшую участвовавших в этом жидов, кои были казнены. Впоследствии обычай этот вывелся, а на евреев наложена была вместо того, в пользу монастыря, денежная пеня.

79) В 1639 году ребенок замучен жидами в Комошицах.

80) В 1639 году в Ленчицах случилось подобное происшествие, коего подлинные акты недавно еще были сохранены,⁷⁶ и из них сделана выписка: крестьянин Мендык был обольщен жидами и продал ребенка крестьянина Михалковича раввину Мейеру. Собравшись ночью, жида замучили ребенка точно таким образом, как бывало во всех подобных случаях: они искололи его по всему телу и выпустили из него кровь, а труп возвратили тому же крестьянину Мендыку. Укор совести заставил этого человека донести на себя и на жидов, причем он показал, что прежде того продал им еще двух ребят. Мендык подтвердил то же под присягой и на **двукратной пытке огнем, равно на лобном месте, перед казнию**. Таким образом Мендыка за сознание четвертовали; а жида, которые упорно ни в чем не сознались, **были высшим судом оправданы**. Это был один из первых и самых замечательных уроков христианам не сознаться и не уличать жидов в таком ужасном злодействе.

81) В 1648 году в Иванишках жида замучили и искололи ребенка, а раны залили воском.

82) В 1650 году, марта 21-го, в Кадене колесован один жид за то, что умертвил ребенка, нанеся ему восемь ран и обрезав пальцы на руках. (Eisenm. Т. II, p. 223).

В 1649 году жида истязали и умертвили младенцев:

83) в Хвостове;

84) в Киях, неподалеку Пинчова;

85) в Негословицах, под Вацановым;

86) в Сецимине;

87) в Опатове – и виновные казнены.

88) В 1655 году случилось то же в Брежнице, под Сендомиром, где обвинен арендатор Цико,

89) в Острове, под Люблиным,

90) в Праще.

91) В 1660 году в Тунгухе (Tunguch, в Германии) жида на Пасху зарезали христианского ребенка, за что были сожжены до 45 человек. (Eisenm. Т. II, p. 223).

92) В 1669 году около Меца (во Франции) жид Леви украл ребенка, который найден был мертвым в лесу; виновный был сожжен. Подробности этого дела описаны в книжечке: *Abrege du proces fait; aux Juifs de Mets, 1670.*

93) В 1665 году 12-го мая еврей в Вене мученически умертвил женщину, которую нашли, изрезанную на части, в озере. Так как подобные злодеяния **повторялись** и впоследствии, то жида и были изгнаны императором в 1701 году из Вены. (Eisenm. – Т. II, p. 220).

В 1689 году были подобные происшествия и виновные наказаны:

94) в Жулкове;

95) в Лемберге (Львове);

96) в Цеханове;

97) в Дрогобецке. Судьи, собравшиеся в сем последнем месте по этому делу, **все были отравлены**.

98) В Минской губернии, у Слуцка, в Свято-троицком монастыре, почиют мощи младенца Гавриила, замученного в 1690 году жидами. В надписи рассказаны все подробности этого происшествия; злодейство совершено в Белостоке, труп найден в густом хлебе, с обычными в сих случаях знаками. Собаки открыли лаем своим тело младенца, признанного впоследствии местным угодником. В честь ему сложены молебные песни, известные под названием тропаря и

⁷⁶ Целы.

кондака. Еврей, арендатор Шутка, был главный убийца. О судебном производстве по сему делу памятников не осталось из-за пожаров.

99) В 1694 году умерщвлен ребенок жидами во Владимире на Волыни.

100) То же случилось в 1697 году в Новом Месте, под Равою, и

101) в Вильне, где несколько жидов, за мученическое убийство младенцев, были казнены.

В 1698 году:

102) в воеводстве Брестском, в Заблудове;

103) в Кодне, под Замостью;

104) в Сендомире;

105) в Рожанах, и

106) в Слониме – евреи замучили семерых детей; а в Бродах отравили епископа Цешейку.

107) В Цеханове и в Белой, в 1699 году, жида были казнены на площади, перед синагогою, за то, что, опоив молодого человека, христианина, выпустили из него кровь и уморили.⁷⁷

В XVIII столетии

108, 109 и 110) В 1705 году в Гродне, в Цеймейлеве и Ржешове жида замучили к Пасхе трех христианских детей.

111) В 1750 году жида, по такому же происшествию, изгнаны были из Каменца-Подольского.

112) В 1753 году в Житомире был случай, разысканный во всей подробности и доказанный следствием и судом; самое решение по сему делу отыскано было в архиве в 1831 году.

В Страстную пятницу 20-го апреля 1753 г. в деревне Маркова Вольница жида поймали вечером трехлетнего младенца Стефана Студзитского, унесли его в корчму, поили медом и кормили хлебом, размоченным в водке, отчего ребенок заснул и лежал спокойно за печкой. В ночь на Светлое Воскресенье жида собрались в корчме, завязали ребенку глаза, зажали рот клещами, и, держа над лоханью, кололи со всех сторон острыми гвоздями, качая и приподнимая, для лучшего истечения крови. Когда страдалец испустил дух, труп был отнесен в лесок, где был найден на другой же день. По очевидным уликам, еврейки Брейна и Фружа, без пытки, сознались в этом убийстве, а мужья их были ими уличены и также без пытки сознались. Затем прочие были преданы пытке и, повинившись, сделали столь подробное описание этого злодейского преступления, что уже, конечно, не могло оставаться никакого сомнения. Евреи были казнены жестокой смертью в Житомире: раввину Полодкому и пяти другим жидам сожжены под виселицею руки, обмотанные смолистой пенькой, вырезано по три ремня из спины, а потом они четвертованы, головы посажены на кол, а тела повешены; пятеро⁷⁸ других просто четвертованы, головы посажены на кол, тела повешены, один, принявший св. крещение, обезглавлен. В то время была написана картина, изображающая труп младенца Студзитского в том самом виде, как он был найден, исколотый по всему телу. Подлинная картина, вероятно, цела еще донныне; она хранилась у архиепископа львовского.

113 и 114) В 1799 году, как видно из дел департамента иностранных исповеданий,⁷⁹ было два подобных случая: 1) Около Режицы найден в лесу мертвый человек с необыкновенными знаками и ранами на теле: на кисти правой руки просечена как бы долотом, рана; другая повыше левого локтя; третья, подобная, под левой икрой и четвертая на спине. Раны явным образом были нанесены умышленно и в несколько приемов; человек этот ночевал в корчме у жида, коего работник вывез его, в этом положении, в лес. Но следствие ничего не открыло, потому что все взятые под стражу евреи бежали и не были отысканы. 2) В том же году, перед еврейской Пасхой, в Сеннинском уезде, близ жидовской корчмы найден труп женщины, исколотый в лицо, на руках и ногах, и по всему телу; но на платье не оказалось никакого следа крови, из чего видно, что она была раздета, исколото, лишена жизни, а потом обмыта и одета. По следствию ничего не открыто.

В XIX столетии

115) В 1805 году производилось дело в Велижском поветовом суде о найденном в реке Двине теле двенадцатилетнего мальчика Трофима Никитина; мальчик был зарезан и по всему

⁷⁷ Умертвили.

⁷⁸ «Пятеро... повешены», *нет*.

⁷⁹ Дело Державина.

телу исколот, в чем обвинялись три жида, и в том числе Хаим Черный, попавшийся вторично по такому же делу в 1823 году. По недостатку улик дело предано воле Божией; но впоследствии открылись важные упущения делопроизводителей, за что на земский и поветовый суды наложена была пеня, но дело не переследовано.

116) В 1811 году, перед Пасхой Витебской губернии в деревне помещицы Томашевской пропал у крестьянина из колыбели ребенок, и хотя многие обстоятельства наводили подозрение на жидов, но следствием ничего не открыто.

117) В 1816 году в Гродне, под Пасху найдена жертвою крестьянская девочка Адамовичева, у которой одна рука вырезана была из локтевого сустава, а тело исколото во многих местах. В этом злодействе подозревались евреи, и Первое исследование усилило подозрение; но евреи прислали депутатов в С.-Петербург, жалуюсь на такое оскорбительное для них подозрение и приписывая его, очень хитро, ненависти поляков за приверженность жидов к правительству. Вследствие сего и состоялось Высочайшее повеление от 28-го февраля (объявлено 6-го марта) 1817 года, *«чтобы евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей по одному предрассудку, будто они имеют нужду в христианской крови, а что если бы где случилось смертоубийство и подозрение падало на евреев, – без предубеждения, однако же, что они сделали сие для получения христианской крови, то было бы производимо следствие на законном основании и проч.»*. На сем основании гродненскому губернскому начальству сделано было Высочайшее замечание, и дело прекращено. Но по настоянию губернского прокурора, который нашел неправильности и неполноту в первоначальном следствии, оно было возобновлено через 10 лет: государственный совет, приняв в рассуждение десятилетнюю давность и Высочайшее повеление 1817 года, коим подобные подозрения на евреев запрещено принимать, – положил: предать дело это забвению. Крещенный еврей Савицкий явился при сем случае, вызвавшись изобличить жидов, если только его обеспечат от угрожающей ему в сем случае опасности; но государственный совет признал, что *«такого рода исследования возбранены помянутым Высочайшим повелением»*.

118)⁸⁰ В 1821 году, на берегу реки Двины найдено тело Христины Слеповронской и в убийстве ее подозревались жида, хотя и ничего не открыто.

119) В 1821 году, под Пасху, Могилевской губернии, Чаусовского уезда в селе Голенях найдено мертвое тело мальчика Лазарева, о коем по наружным признакам судили, что он должен быть умерщвлен изуверными евреями. Губернатор начал строгое следствие, но жида, прислав опять депутатов в С.-Петербург, с письмом уездного стряпчего, изобличающим его в намерении к злоупотреблениям, жаловались на такое оскорбительное для них подозрение, противное Высочайшему повелению 1817 года. Дело было прекращено, а губернскому правлению сделано замечание за то, что оно поступило вопреки помянутого Высочайшего повеления, приняв подобное подозрение на евреев.

120) В 1823 году пастор Эртель обнаружил подобный случай, бывший в Баварии. Это едва ли не последний пример в Западной Европе. С тех пор такие происшествия оглашались только в Польше, в наших западных губерниях и на Востоке, в Турции, Сирии и проч. (*Was glauben die Juden? vom Pfarrer Oertel, Bamberg, 1823*).

121) В 1823 году случилось подобное происшествие в Велиже, Витебской губернии, одно из самых замечательных дел по огромности производства, запутанности, большому числу прикосновенных, по обнаруженным при сем случае другим подобным злодеяниям, по продолжительности, а наконец и потому, что восходило на окончательное решение до государственного совета. О сем деле есть столь точные и полные сведения, что оно заслуживает особенного внимания, почему и будет об нем ниже говорить подробнее.

По поводу разбирательства Велижского дела открыто было еще несколько подобных злодейств, но по всем сим делам, решенным за один раз, улики и доказательства признаны недостаточными. Сюда принадлежали:

122) Убийство в Велиже двух мальчиков крестьянских в 1817 году. Первое показание об этом сделали: работница Терентьева, которая сама привела, за деньги, мальчиков в дом еврея Цетлина. Работницы Максимова и Ковалева, участвовавшие тоже в этом деле, сознались и подтвердили во всем показание первой; а Ковалева, будучи крепостной богатых евреев Берлиных, которые купили целое имение на имя уездного казначея Сушки, – до того испугалась своего признания, что, проплакав целую ночь и утверждая, что она теперь пропала, удавилась.

⁸⁰ Нет этого §.

Мальчикам, по показанию этих женщин, жида остригли ногти, потом сделали обрезание, качали их в бочке, перевязали ремнем ноги под коленями, кололи по всему телу, собирая вытекающую кровь, а мертвых бросили с пристани в реку Двину. Показания этих трех женщин, несмотря на запутанность их, носят на себе, в отвратительных подробностях своих, отпечаток неотвергаемой истины. Так, например, Ковалева, в слезах и в страхе, рассказывала, где и по какому случаю она видела, в особом ларце у Цеглиной, сухие кровавые лепешки из крови этих мальчиков, и – часть крови, собранной в серебряный стакан, присовокупляя, что кровь уже испортилась и пахла мертвечиной.

123) Она же, Ковалева, объявила при этом случае, что, по всей вероятности, те же самые жида сгубили родного ее брата, Якова, но что она не смела об этом говорить. По справке оказалось, что малолетний Яков в 1818 году умер, будто бы от нанесенной самим себе по неосторожности раны; дело это, за давностью, оставлено было без внимания.

124) По тому же делу обнаружилось, что те же велижские евреи в 1817 году истязали и умертвили шляхтянку Дворжицкую, взрослую женщину, коей останки найдены были в лесу на следующий год. И в этом злодействе участвовали те же две развратные русские бабы и открыли все мелочные подробности его. Дворжицкую напоили пьяною, качали в бочке, били по щекам, ругались над нею, положили на два стула, кололи в разных местах и собирали кровь в подставленную посуду; мертвую же обмыли, положили в пошевни и вывезли за город, в лес. Из этого происшествия, между прочим, видно, что жида, посягающие на подобное дело, не ограничиваются убийством одних только младенцев или мужчин, но готовы воспользоваться всяким удобным случаем, дабы⁸¹ убить христианина и взять кровь его для суеверных обрядов. Впрочем, Терентьева именно показала, что не знает, куда жида употребили кровь Дворжицкой; но заметила, что они, рассматривая эту кровь, находили ее черною и были ею недовольны.

125) По тому же делу обнаружилось такое же убийство жидами двух девочек, нищих, в 1819 году в Семичевокой корчме около Велижа. И здесь возмутительные подробности, во всем согласные с обстоятельствами и с другими сведениями о подобных делах, не оставляют никакого сомнения в истине происшествия. Многие жида, оговоренные по сему делу, изобличены были в совершенно ложных показаниях и дерзкой лжи; так, между прочим, они уверяли, что вовсе не знали и никогда не видали Терентьевой, тогда как доказано было, что они знали ее очень коротко и уже много лет, потому что она служила работницей у жидов в том же месте.

126) По тому же делу обнаружилось убийство в Брусовановской корчме еще четырех детей. Это случилось также перед Пасхой, в 1821 или 1822 году, в голодное время, когда дети ходили по миру, и жида, зазвав их в корчму, заперли порознь, а после поодиночке же умертвили, в присутствии множества других жидов, обыкновенным мученическим образом. Соучастницы жидов, Максимова и Терентьева, назвали поименно большую часть виновных, описав во всей подробности, как преступление было совершено, кто где стоял, что говорил и делал. Один жид доведен был уликами до того, что, мешаясь и теряясь, зарыдав, сказал в присутствии комиссии: «Если кто из семьи моей признается, или кто другой скажет все это, – тогда и я признаюсь». Другие жида или упорно молчали, или выходили из себя и неистово кричали и угрожали свидетелям.

Ко всему этому присоединилось еще особое дело о поругании евреями Св. Тайн, полученных подкупом, и антиминос, украденного нарочно для сего из церкви.

Розыскание показало справедливость этого доноса, раскрыв все подробности его; не менее того жида не сочли за нужное сознаться и действительно отделались голословным, упорным запирательством. Жида при допросах в присутствии выходили из себя, кричали и бранились до того, что их выводили вон, и комиссия не могла продолжать допросов. Об этом деле, впрочем, упоминается здесь только по связи его с предыдущими.

127) В 1827 году, перед Пасхой, Виленской губернии в Тельшевском уезде, деревни помещика, Дамми, пропал без вести семилетний ребенок Пиотрович. Пастух Жуковский объявил, что видел сам, как жида поймали ребенка в поле и увезли; труп найден впоследствии искаженный точно таким образом, как во всех подобных случаях; жида путались при допросах, делали ложные показания, снова их отменяли и наконец изобличены в злодеянии этом столько, сколько можно уличить людей, не имеющих в оправдание свое ничего, кроме голословного запираательства. Несмотря на то, что в этом случае был даже один посторонний свидетель, помянутый пастух, жида были оставлены только в подозрении. И это, конечно, уже доказывает,

⁸¹ Чтобы.

что все улики, кроме сознания, были налицо, ибо во всех других современных нам случаях, помещенных выше и ниже, евреи всегда были оправдываемы. К этому должно еще присовокупить, что два жида, кои начали было признаваться, найдены мертвыми: один убитым, под мостом, другой отравленным. Здесь будет кстати упомянуть, что по случаю подобного производства, которое теперь не могло быть отыскано, признавшийся в преступлении еврей был найден повешенным в школе жидовской, при замкнутых дверях; несмотря на это, показание жидов, что он сам удавился, было принято.

128) В 1827 году ребенок пропал в Варшаве за два дня до Пасхи; очевидно, подозрение пало на жидов, следы были открыты, и ребенок, вопреки уверениям и отрицательству хозяина дома жида, отыскан у него в сундуке. Несмотря на многие обстоятельства, обличавшие вопиющим образом виновных в том, что они намерены были принести ребенка обычным образом в жертву своему иступленному фанатизму, жида отделались уверением, что они сделали это для шутки. (Киарини, тл. II).

129) В книге **Путешествие по Турции англичанина Вальиа**, 1828 года, говорится следующее:

«Константинопольские христиане утверждают, что жида, похищая детей, приносят их в жертву Пасхе, вместо пасхального агнца. Я был свидетелем большого волнения между жителями. У греческого купца пропал ребенок, и думали, что он украден и продан в рабство. Но вскоре тело его нашли в Босфоре; руки и ноги были у него связаны, а особенные раны и знаки на теле показывали, что он был умерщвлен необыкновенным образом, с каким-то особым необъяснимым намерением. Гласные обвинения пали на жидов, потому что это случилось перед Пасхой; но ничего не было открыто».

130) В 1833 году Минской губернии Борисовского уезда живший в деревне Плитчанах еврей Орко заманил к себе ушедшую от помещика крестьянку Феклу Селезневу и бывшую с нею девочку 12 лет Ефросинью и, по показанию первой, уговорил ее, обещав за это 30 целковых,⁸² согласиться на убийство последней для того, чтобы добыть из неё кровь. Труп был найден, а на нем, кроме признаков удушения, рана на виске, откуда, по показанию Феклы, Орко выпустил кровь в бутылку. Он говорил ей, что кровь эта необходима ему для какой-то беременной родственницы, при родах коей нужна христианская кровь, для помазания глаз ребенка. Уговаривая Феклу, Орко сказал: «Хоть бы от мизинца достать крови, очень нужно, и без этого никак нельзя обойтись». В доме жида и частью даже на жене и дочери его найдено снятое с убитой платье; Фекла, после заперательства и противоречия, рассказала все подробности этого убийства и каким образом Орко нацедил крови в бутылочку. Впоследствии жида были уличены в подкупе подсудимой Феклы, чтобы она приняла все одна на себя, а жидов не выдавала. Орко уговаривал также мать убитой, чтобы она не искала дочери своей, которая живет на хорошем месте; он же силою и дракою не допускал к обыску сарая, где, по указанию Феклы, найден был труп. Жена и дочь Орки и сам он путались беспрестанно в ложных показаниях. Вследствие всего этого Орко был обвинен в убийстве; но, на основании Высочайшего повеления 1817 года, коим запрещено подозрение в употреблении евреями христианской крови, вопрос этот устранен.

131) Волынской губернии в Заславском уезде случилось в 1833 году следующее:

Крестьянин графа Грохольского Прокоп Казан явился 20-го марта в экономическое Правление и объявил знаками, что на пути в деревню Волковцы напали на него три жида и отрезали ему язык. Когда рана поджила, то он рассказал следующее:

«Я был настигнут евреями, когда перешел лес, на перекрестке между деревнями Городищем и Серединцами. Поровнявшись со мною, сначала подошел ко мне один жид и, разговаривая, шел рядом; потом присоединился к нам другой, а наконец и третий. Ничего не подозревая, я беспечно отвечал на вопросы их, как вдруг один, отстав немного, схватил меня сзади и повалил; другие бросились и начали давить мне грудь и душить за горло так сильно, что я пришел в беспамятство и, вероятно, высунул язык. Придя от боли в чувство, я увидел себя поставленным на колени с наклоненною головой; один еврей поддерживал мою голову, а другой подставлял под рот чашку, в которую кровь сильно лилась. В таком положении, беспрестанно подталкивая меня в бока и затылок, вероятно, для усиления кровотечения, держали они меня до тех пор, пока чашка не наполнилась кровью больше, чем до половины. Тогда, взяв миску с кровью и отняв у меня 12 рублей серебром, найденные мною на ярмарке, сели они в свою бричку и уехали. Это случилось около

⁸² предательства Иуды.

полудня. От истечения крови я опять обмер, а когда пришел в себя, то солнце было уже низко. Евреи уехали в бричке, запруженной тремя гнедыми и одной белой лошадыми».

Заславский городничий собрал немедленно всех тамошних евреев-фурманов, поставил их в два ряда и, призвав Казана, приказал ему узнавать между ними преступников. Казан, три раза прошел по рядам и, не могши еще говорить, показал знаками, что здесь их нет. Проверив наличных евреев по списку, городничий нашел, что в числе их недостает трех, именно: Ицка Малаха, Шая Щопника и Шлема Калия. Их призвали, поставили в ряды и снова позвали отпущенного уже Казана. Едва он подошел, как тотчас же указал на Ицку Малаха, стараясь всячески дать знать, что это тот самый, который отрезал ему язык; в Щопнике узнал он того, который его держал; в Калии нашел сходство с третьим участником преступления, не утверждая, однако же, положительно, что это он. Казан твердо стоял в своем показании, даже после духовного увещания.

Евреи запирались. Малах уверял, что он уже десять дней, как не выезжал из города; Щопник, что он ездил и воротился именно 20-го числа, но с евреем Резником, и на одной лошади; Калий, что также был в это время в городе. Каждый представил свидетелей.

Показание Калия, по-видимому, подтвердилось; слова Щопника отчасти также, но с некоторым разноречием относительно времени; из свидетелей же, представленных Малахом, двое евреев, и в том числе хозяин его Гириштель, вовсе от свидетельства отказались; а подтвердили показание его только один еврей, одна еврейка, дворник и отец его, рядовой инвалидной команды, человек, наказанный за дурное поведение шпицрутеном и переведенный в инвалиды и, сверх того, находившийся караульным при Малахе.

Между тем были расспрашиваемы жители селений, соседних с местом, где случилось происшествие. Из них многие показали, что видели в этот день трех евреев,⁸³ но куда они ехали, не заметили, равно не помнят ни масти, ни числа их лошадей; третьи показали, что действительно проезжали евреи на подобных лошадях, но не заметили, сколько человек, и куда поехали; один объявил, что он видел именно трех евреев, проезжавших через село Городище на трех гнедых и одной белой лошади; а заславский полицейский чиновник положительно удостоверял, что только еврей Малах выезжал из города на трех гнедых и одной белой лошадей, и что в это время ни брички, ни лошадей таких ни у кого другого из заславских евреев не было. Он не мог только сказать положительно, ездил ли Малах куда-нибудь в самый день происшествия.

Врачебная управа, свидетельствовавшая Казана, нашла, что язык отрезан действительно острым орудием, но чтобы это сделано было насильственно, управа признала невозможным; во-первых, по невозможности трем человекам совершить подобное насилие, а во-вторых, потому, что у Казана ни на теле, ни на платье, кроме нижнего, о которое, по словам его, он вытерся, придя в чувство, крови нигде не оказалось, чего при насилии избежать было бы невозможно.

Новоградволинский магистр решил: евреев оставить в сильном подозрении.

Уголовная палата постановила: оставить их свободными.

Губернатор дал мнение, что он считает еврея Малаха уличенным и полагает сослать его в Сибирь; Щопника оставить в подозрении и перевести на жительство в другой город; Калия подвергнуть полицейскому надзору на месте жительства.

Правительствующий сенат, основываясь: 1) на заключении врачебной управы; 2) на доказательствах евреев о бытности их во время происшествия безвыездно в городе, кроме Щопника, доказавшего, что он ездил с Резником; 3) на общем одобрении поведения евреев; 4) на том, что Казан а) не объявил немедленно о найденных им 12-ти рублях, б) бывал в корчмах и пил, в) обманул брата, скрыв настоящую причину своего ухода из дому, и потому, несмотря на одобрение посторонних, с дурной стороны выказал свое поведение, – постановил: 1) жидов признать к делу неприкосновенными, 2) Казана, за ложный оговор их, **наказать плетью двадцатью ударами** и оставить под надзором полиции, в подозрении, что он сам изуродовал себя из преступных видов.

Здесь невозможно удержаться от некоторых замечаний. И, во-первых, управа или сама, по простоте своей, была обманута, или же, что гораздо вероятнее, обманула других. Свидетельство ее во всяком случае, ложное, неосновательное. Если три человека повалят одного и будут душить его за горло, придавив грудь, до беспамятства, то у него не только рот откроется, но даже и язык

⁸³ *Вст.*: «ехавших по тому направлению, другие, что только видели евреев».

высунется, стоит только придавить кадык или гортань. Не менее ясно, отчего у Казана не было крови на одежде: он очнулся от первого обморока, стоя на коленях, с наклоненною вперед, над посудой, головою, и три⁸⁴ жиды держали его; вскоре он опять обмер и лежал, потеряв много крови, от полудня до вечера. Итак, сначала кровь бежала в подставленную вплоть ко рту чашку, потом, на все время обморока, остановилась, запеклась на языке, и когда он вторично пришел в себя, то уже кровотечения не было, а потому и платье не было окровавлено.

132) В 1840 году, во время Пасхи, католический священник отец Фома, живший в Дамаске, отправился со служителем своим в еврейский квартал, и оба пропали без вести. Обвинения пали на жидов; все христианское население Дамаска поднялось, и негодование воспламенило даже мусульман. Французский консул, вполне убежденный в том, что злодеяние совершено было евреями, разыскивал сам, побуждал всеми средствами турецкое правительство к действию и настаивал на обвинении и казни жидов; австрийский консул, к ведомству коего жиды от части принадлежали, противодействовал и отстаивал жидов. Ужасные пытки вынуждали из сих последних сознание во всех подробностях злодеяния; несколько человек даже не могли пережить бесчеловечных мучений, а потому теперь в Европе утверждают, что сознание их было вынужденное и ложное.⁸⁵ Но сознание это во всех подробностях своих одинаково, в допросах нескольких жидов, а притом останки изрубленного на куски мастера и служителя его найдены в разных местах, по указанию сих жидов, и, между прочим, найдена там же часть шапки или берета погибшего, и все знавшие его признали немедленно его лоскутья. Еврейские посольства с подарками, из Парижа и Лондона в Александрию, прекратили дело, и жиды, оставшиеся в живых, были освобождены.⁸⁶

133) В текущем 1844 году высшее судилище Порты произнесло решение по обвинению жидов, живущих на острове Мармаре, в мученическом убиении христианского младенца, который найден был истерзанным, как во всех подобных случаях. Жалоба принесена была греческим патриархом, но по настоятельному предстательству английского посланника, как именно сказано было в газетах,⁸⁷ Порты не признала жидов виновными, а приговорила еще патриарха к уплате проторей.

134) В апреле 1843 года, также перед Пасхой, был у нас в России опять замечательный случай в этом роде, хотя не столько злодейский, потому что обошелся без убийства. В Витебской губернии, в городе Луцке, два еврея, братья Берко и Шмария Клепачи, схватив пятнадцатилетнюю девушку Щербинскую, сделали ей насильственное кровопускание, собрав кровь в стакан. Несмотря на все улики, Берко и Шмария от всего отпирались и не могли быть ни уличены, потому что свидетелей не было, ни доведены до сознания. Генерал-губернатор старался собрать по сему поводу секретные сведения на месте и нашел, что хотя сведения сии недостаточны для положительного заключения, но что они подкрепляют издавна существующее поверье о употреблении жидами христианской крови для каких-то изуверных обрядов.

Дело Велижское

Оканчивая сим ряд выбранных из разных книг и дел примеров, служащих доказательством существования между евреями такого обряда, который нередко ведет к убийству христиан, и в особенности младенцев, должно еще принять в рассуждение, что приведенные примеры, хотя их и немало, конечно, составляют небольшую только часть действительно бывших случаев, потому что далеко не все они обнаружались, не все сохранились в письменных памятниках, и, наконец, далеко не все могли быть собраны: все подобные дела, оконченные производством в низших и средних местах, не могли быть включены, потому что об них не имелось здесь сведений; равно и те случаи, по коим вовсе ничего не открыто, а все сведения об них ограничиваются показанием в ведомостях⁸⁸ о происшествии, что там-то ребенок пропал без вести. Но для положительного удостоверения, что обвинение это не есть клевета или вымысел, и что не одна пытка средних веков вымогала из жидов это ужасное сознание, остается разобрать несколько ближе одно из новейших дел этого рода, например, дело Велижское, начавшееся 24-го апреля 1823 года в

⁸⁴ «И три жиды... обмер» *нет*.

⁸⁵ «И ложное» *нет*.

⁸⁶ Der neue Pitaval, Leipzig, 1812, T. I.

⁸⁷ Gazette des Eribunaux, 1844, le 13 mai.

⁸⁸ Вместо: «в ведомостях» читается: «свидетелей».

велижской городской полиции и конченное 18-го января 1835 года, через двенадцать лет, в общем собрании Государственного Совета. Дело это замечательно большими подробностями своими, многократно возобновленными розысканиями и ясностью всех улик, не исключая даже, и собственного сознания некоторых, хотя и не вполне выговоренного. Но что бы могло заставить евреев сознаться в подобном преступлении, составляющем религиозную, фанатическую тайну, а притом чего бы могли преступники ожидать от этого? Напротив, упорное, наглое, голословное запирательство спасало их всегда почти, и спасло также на этот раз.

22-го апреля 1823 года солдатский сын Федор Емельянов, 3,5 годов, пропал в Велиже без вести. Это было в самый день Светлого Христова Воскресения. Труп мальчика найден на Фоминой неделе за городом, в лесу, в таком виде, что уже никто из жителей не мог сомневаться в истине возникшего подозрения и распространившихся, через какую-то ворожею, глухих слухов, а именно, что мальчик был зверски замучен жидами. По всему телу были кожные ссадины, будто кожу сильно чем-нибудь терли; ногти были острижены вплоть до тела; по всему телу множество небольших ран, будто проткнутых гвоздем; синие, затекшие кровью ноги доказывали, что под коленами положена была крепкая повязка; нос и губы приплюснуты, также от бывшей повязки, которая оставила даже багровый знак на затылке, от узла; а, наконец, над мальчиком произведено было еврейское обрезание. Все это доказывало неоспоримо, как отозвался под присягою врач, что ребенок замучен с умыслом, рассудительно; из состояния же внутренностей видно было, что он содержался несколько дней без пищи. Злодеяние совершено было сверх того на обнаженном ребенке, а тело впоследствии обмыто и одето; ибо на белье и платье не было никакого признака крови. По следам и колеям около того места, где труп лежал, было видно, что парная повозка или бричка подъезжала с дороги к этому месту, а труп отнесен отсюда к болоту пешком. Подозрение объявлено было родителями и другими людьми на жидов, и другой причины мученической смерти невинного младенца никто не мог придумать.

Между тем обнаружилось, что солдатка Марья Терентьева еще прежде, чем труп был найден, ворожила и объявила матери, будто сын ее еще жив, сидит в погребке у евреев Берлиных⁸⁹ и ночью будет замучен; то же предсказала двенадцатилетняя девочка Анна Еремеева, больная, которая обмирала и славилась в народе тем, что предугадывает. У Берлиных сделан был в доме обыск, но ничего подозрительного не найдено; хозяин объявил, что погребка у него в доме нет; но их нашлось два, хотя находка эта и ничему не послужила; осмотр же делали один квартальный надзиратель с ратманом, во-первых, евреем, а, во-вторых, близким родственником Берлиных, у которого в доме мальчик был скрыт на время обыска.

Шмерка Берлин был купец, человек весьма зажиточный, почетный между евреями и жил хорошо; теща его Мирка также слыла богатою, и дом этот составлял большое, зажиточное семейство. Берлины владели даже населенным имением **Красным** и крепостными людьми, купленными на имя уездного казначея Сушки. Ближайшие родственники Берлиных были Аронсоновы и Цетлины, а затем еще множество других семей в Велиже, Витебске и других соседних городах.

Семь женщин показали под присягой, что рано утром в тот же день, когда найден труп, видели парную жидовскую бричку, проскакавшую во всю прыть по той дороге, где тело найдено, и возвратившуюся вскоре опять в город; а одна свидетельница утверждала положительно, что в бричке сидел Иосель, приказчик Берлина, с другим жидом. Берлины, приказчик их и кучер утверждали, что никуда не ездил и что у них даже кованной брички нет; а обнаружилось, что Иосель точно приезжал в это время сам к Берлину в кованной бричке, которая и стояла у последнего на дворе. Но два ратмана, евреи, и в том числе сам Цетлин, стараясь отвести подозрение, с огромною толпою жидов ворвались на двор, где пристал приезжий ксендз, стали обмерять ширину хода колес и утверждали, что он переехал мальчика, между тем как Орлик и другие жида распространяли слух, что ребенка точно переехали, или застрелили невзначай из ружья дробью, отчего и раночки по всему телу, а потом бросили, чтобы, навести подозрение на жидов.

Следователи ничего более не открыли, не обратили внимания на обстоятельство чрезвычайно важное; на предварительное объявление двух женщин, Терентьевой и Еремеевой,

⁸⁹ В.Э.: Интересно, что в «Велижском деле» 1817–1823 гг. как центральные фигурируют евреи Берлины, а через 30 лет в «Саратовском деле» 1853 года как одни из центральных будут фигурировать евреи Берлинские. Не из одного ли они рода? Оставшись не наказанными в Велиже, они через поколение совершали то же самое в Саратове? Возможно, все эти «ритуальные убийства» были делом не только не всех евреев, и даже не определенных их сект, а отдельных фамилий?

что мальчик в руках у евреев и даже именно у Берлиных и что он вскоре погибнет. Одна из них, Терентьева, была в самом Велиже, другая, Еремеева, в Сентюрах, в двенадцати верстах от города. Это таинственное предсказание неминуемо должно было дать ключ для всех розысканий, потому что оно явно и несомненно доказывало прикосновенность поименованных двух лиц к самому происшествию. Дело передано было в велижский поветовый суд, который 1824 года июня 16 заключил: *«по недостатку улик евреев освободить от обвинения в убийстве мальчика; но Ханну Цетлин и Иоселя оставить в подозрении, а Шмерку Берлина с товарищами обвинить в распространении ложных слухов о смерти мальчика, который, вероятно, погублен евреями!»*

Главный суд 22-го ноября согласился с решением этим, присовокупив, однако же, что как ребенок **явно умерщвлен умышленно**, то стараться раскрыть виновных. Губернатор утвердил решение, и дело закончено.

Но в 1825 году, во время проезда блаженной памяти Государя Императора Александра 1-го⁹⁰ через Велиж, солдатка Терентьева подала его величеству просьбу, в коей называла мальчика Федора Емельянова сыном своим и жаловалась, что он погублен жидами. По сему поводу дело было возобновлено, следствие поручено сначала особому чиновнику, под наблюдением генерал-губернатора; потом прислан по высочайшему повелению флигель-адъютант, после генерал-майор Шкурин, составлена целая следственная комиссия, под конец прислан еще от сената обер-прокурор и повелено внести дело прямо в Правительствующий Сенат. Будучи уже само по себе обширно и чрезвычайно запутано, оно сделалось еще более сложным, когда раскрылись при сем случае шесть или семь других подобных дел: о похищении антиминса; о поругании жидами над ним и над Св. Тайнами; о обращении трех христиан в еврейскую веру и о умерщвлении еще нескольких младенцев. Покрывало было сдернуто с целого ряда ужаснейших преступлений, исчадий неслыханного изуверства и последствий губительной безнаказанности. Но здесь предполагается проследить только одно из них, главное, о солдатском сыне Емельянове.

У Берлиных была работница **Прасковья Пиленкова** (впоследствии по мужу Козловская); у Цетлиных **Авдотья Максимова**, у Аронсоновых **Марья Ковалева**, все три христианки, но обжившиеся с жидами и привыкшие к быту их, обычаям и обрядам. Козловская была еще очень молода во время происшествия и вскоре потом вышла замуж за шляхтича; Ковалева была с детства безответная крепостная Аронсоновых, которая, как показала впоследствии, не смела даже объявить о весьма основательном подозрении своем, что господа ее умертвили родного ее брата. Максимова была решительная и развратная баба и верный слуга жидам за деньги и за вино. Марья Терентьева, крестьянка или солдатка, распутного поведения, также служила в Велиже, тут и там, у жидов, а частью только прислуживала по временам и, готовая на все, как Максимова, за деньги и за водку, издавна была главной их помощницей при всех мерзких и злодейских делах.

Терентьева при новом следствии сначала показала, что видела, как Ханна Цетлин в Светлое Христово Воскресение привела ребенка с улицы домой, что пошла следом за Ханной, которая напоила ее вином; что вечером велели ей отнести ребенка вместе с Максимовой к Берлиным, где Мирка посадила его в погреб; в четверг на Святой она видела мальчика уже мертвым, а кровь его стояла в новом корыте; жида обмыли и одели труп, а Ханна поручила ей, Терентьевой, в Фомин понедельник отнести мальчика, вместе с Максимовой, ночью в лес, что и было ими исполнено. Ее передопрашивали много раз в продолжение нескольких месяцев, уговаривали, увещевали, и она сперва призналась, что сама была у Берлиных, вместе с Максимовой и Козловской, когда истязали и замучили ребенка; потом, что сама привела его, по неотступной просьбе жидов, к Цетлиным; что после перенесли его к Берлиным, и там в понедельник замучили; его раздели, посадили в бочку, катали, положили на стол, остригли ногти, сделали обрезание, перевязали ремнями ноги под коленями; положили в корытце;⁹¹ все жида кололи мальчика гвоздем, выпустили кровь и передали его Терентьевой и Максимовой, чтобы закинуть его в лес; но, как страдалец дышал еще, то ему завязали рот и нос, а когда вынесли, то, сняв платок, увидели, что ребенок уже умер и положили его там, где он найден.

Потом Терентьева, как прошло уже три года со времени происшествия, и притом она часто пьянствовала, сказала, что ошиблась в некоторых подробностях, а теперь припомнила, что ногти остриг ребенку не еврей Поселенный, который сделал обрезание,⁹² а Шифра Берлин; что она сама

⁹⁰ Вст.: «Павловича».

⁹¹ Корыто.

⁹² «Который сделал обрезание» нет.

вынимала мальчика из бочки и понесла его в еврейскую школу; что ее же заставили перевязать ему ноги и уколоть его гвоздем; что, наконец, ее и Максимова одели в жидовское платье и велели вынести труп в болото. Затем она и на другой день была опять с жидами в школе, разбалтывала и разливала, по их приказанию, кровь мученика, а в остатке намочила кусок холста, который еврей Орлик изрезал в лоскутки и роздал всем по кусочку. Бочонок с кровью отнесла она в угловой дом с зеленой крышей. Опять в другой раз она показала, что ребенка принесла не к Мирке, а в комнату дочери ее, Славки, в том же доме; что его держали не в погребке, а в каморке; что все жида долго катали бочку, переменяясь попарно; что она, Терентьева, возила боченок с засохшею кровью, по настоянию жидов, в Витебск. С нею ехали жида, коих она назвала поименно и явно было, что они, следуя общему правилу своему во всех подобных случаях, употребили и на сей раз христианку и притом пьяную, распутную бабу, как подставную преступницу, навязав ей на руки бочонок с кровью, чтобы в случае беды отречься от него и оставить одну ее виноватою. В Витебске остановились у жидов таких-то лет и примет; они распустили кровь в воде и намочили холст, остальную же разлили в бутылки, одарили и напоили Терентьеву и отправили с нею одну бутылку с кровью в местечко Лезну. Тут также намочили холст, разрезали и разделили его. Терентьева добавила, что жида лестью и угрозами, что будет сослана в Сибирь за убийство мальчика, заставили ее принять еврейскую веру и описала весь обряд обращения в подробности; ее, между прочим, поставили на раскаленную сковороду, заставив клясться, зажимали рот, чтобы не кричала и держали; потом перевязали обожженные подошвы мазью.

Солдатка **Авдотья Максимова**, работница Цетлиных, в течение допроса, который продолжался почти целый год, в разное время показала: что видела ребенка в понедельник на Святой неделе у хозяйки своей в углу за кроватью; в среду видела его в каморке, в сундуке, из коего все съестное было для сего выставлено на пол; далее созналась, что Ханна Цетлин привела мальчика на двор, а она, Максимова, сама принесла его в комнату, потом Терентьева отнесла его к Мирке Берлин; таким образом переносили его, скрывая, несколько раз взад и вперед. В понедельник на Фоминой увидела она его в погребке Мирки мертвым; ночью Иосель с другим жидом отвезли его в бричке к Цетлиным; Максимова велели обмыть его, одеть и вместе с жидами отвезти за город. На очной ставке с Терентьевой Максимова созналась однако же во всем и подтвердила все подробности ее показаний. Явно было, что обе бабы, обнаруживая преступление и главных его виновников, хотели сначала сами остаться в стороне; вот из чего вышло разноречие их и первоначальные неполные показания. Она показала, что когда ратман Цетлин, муж Ханны, обыскивал с квартальным дом Берлина, то жида смеялись, потому что ребенок находился в это время в доме самого ратмана Цетлина; что и ее, Максимова, заставили принять жидовскую веру, напоив пьяною и проч. Она во всей подробности рассказала весь обряд этот в школе, где наименована Рисой, и прибавила, что со времени убийства мальчика имела полную власть в доме Цетлиных, которые боялись ее, угождали ей, поили и кормили хорошо и со слезами упрашивали, если она страдала, что хочет отойти на другое место. Это обстоятельство подтвердила и дочь Максимова, Меланья, сказав, что с 1823 г. не хозяйка, а мать Меланьи была старшей в доме. Это же подтвердили под присягой сторонние свидетели, слышавшие не раз, как Максимова, пьяная, хвалилась, что «Цетлина не смеет сослать ее со двора, хоть бы хотела, потому что она, Максимова, знает такое дело, которое Ханну погубит». Уличенная в этом, Ханна созналась, что Максимова точно говорила подобные речи, «хотя и не понимает, к чему она это говорила».

Прасковья Козловская (Пиленкова), работница Берлиных, показала: ночью на первый день Пасхи было тайное собрание жидов у Славки Берлин (дочери Мирки); в среду видела она в сенях какого-то мальчика, который плакал. На очной ставке с первыми созналась и показала, что мальчика носили взад и вперед к Берлиным и Цетлиным; что Терентьева и Максимова были при ночных сборищах, но ее, Козловской, не было; ее послали в понедельник вечером в питейную контору; подойдя к ставню, снаружи она видела в щель бочку, мальчика и жидов, видела, кто раздевал, укладывал его, остригал ногти и проч. Затем мальчика понесли в школу, а она спряталась, пошла следом и в окно школы видела, как его кололи, оборачивали в корытце, вынули, обмыли, одели; Терентьева и Максимова, одетые в жидовское платье, взяли мальчика и понесли из школы, а она, Козловская, убежала. Затем она созналась, что боялась говорить правду и хотела устранить себя, но что она точно, по приказанию Мирки, сама участвовала в этом злодеянии и была в той же комнате, а после в школе. Она подавала воду, катала, в свою очередь, бочку, переделалась с Терентьевой и Максимова; первая завязала мальчику рот, когда понесли его в школу, а ей Иосель дал нести бутылку и сам нес две; Терентьеву первую заставили уколоть

мальчика в висок, потом передали гвоздь Максимовой, за нею ей, Козловской, которая уколола ребенка в плечо и передала гвоздь Иоселю; этот, передав гвоздь далее, повел ее к шкапику, где хранятся заповеди, заставил клясться в верности, обратил в жидовскую веру и назвал ее **Лья**. Когда же обряд этот был кончен и Козловская воротилась к столу, то мальчик был уже не живой. Намочив холст в крови, Терентьева и Максимова обмыли труп, одели, Иосель привел всех трех баб по-еврейски к присяге, что будут хранить тайну; первые две понесли труп, а она бутылку с кровью к Славке, за прочими жидами. Когда те воротились, сказав, что бросили труп в болото, то Славка дала им денег, и все жиды остерегали их, чтобы они, поссорившись пьяные, не проговорились как-нибудь; если же это случится, то **сами останутся виновными и их высекут кнутом, а жиды все отопрутятся и будут правы**.

Наконец, после продолжительного увещевания и многих очных ставок, по разноречию, коему, три года спустя после происшествия в пьяных бабах нельзя и удивляться, Максимова сказала, что давно уже покаялась на духу названным ею трем униатским священникам в соучастии в этом преступлении; а затем все три – Терентьева, Максимова и Козловская – сделали **совершенно единогласное показание**, удостоверенное во всех подробностях взаимным подтверждением доказниц. Они с полною откровенностью рассказали все, напоминая друг другу разные обстоятельства и исправляя то, что, по забывчивости или по другим причинам, было сначала показано ими иначе. Вот общее единогласное и подробное их показание:

«1823 года, в Великий пост, за неделю до еврейского Пейсаха, шинкарка Ханна Цетлин напоила Терентьеву, дала ей денег и просила достать христианского мальчика. На первый день праздника Терентьева увидела мальчика Емельянова у моста⁹³ и сказала об этом Ханне. Эта, напоив ее, дала ей денег и кусок сахару, чтобы заманить ребенка, и Максимова была в это время тут же, видела и слышала это. Терентьева привела мальчика, Ханна встретила их на улице перед домом,⁹⁴ ввела на двор и передала Максимовой, которая внесла его в комнаты. Тут же были: муж Ханны Евзик, дочь Итка и работница Риса. Терентьеву и Максимова напоили, дали им денег, и они уснули. Вечером велели Терентьевой отнести ребенка к Мирке Берлин; она принесла его в комнату дочери ее Славки, где было много жидов; мальчика унесли в каморку и обеих баб напоили вином и дали денег. Во всю неделю Терентьева видела ребенка у Берлиных, кроме среды, когда обращали ее в жидовскую веру и обожгли ноги. Максимова носила его обратно к Цетлиным в понедельник на Святой, что видела и Козловская, а во вторник рано опять назад. Она заходила с ребенком на кухню спросить, встали ль Берлины, и там видела ее и ребенка Козловская, кухарка Бася и девка Генемихля – последние обе еврейки. Славка отперла дверь на стук Максимовой, взяла ребенка и велела приходить за ним вечером, когда опять понесли его к Цетлиным, где он остался в среду; Ханна приказала Максимовой выставить из сундука в светелке съестное, туда положили ребенка сонного и накрыли простыней.⁹⁵ Ханна велела неплотно закрывать крышку, а запереть ее на наметку, чтобы мальчик не задохся, и сказала, что в полдень, муж ее, ратман, с полицией будет обыскивать дом у Берлиных, а вечером говорила, смеясь, что там ничего не нашли. В четверг Максимова отнесла мальчика опять к Мирке, и Козловская видела его там и спросила у кухарки Баси: чей он? Максимова не видела, чтобы мальчика последние дни кормили.⁹⁶ В понедельник на Фоминой, вечером Ханна напоила обеих баб вином, отвела их к Берлиным, где у Славки было в сборе много жидов. Мирка также напоила их обеих и просила вперед, чтобы они ночью утопили труп мальчика в реке. Они принесли мальчика из каморки, раздели по приказанию жидов и положили на стол; еврей Поселенный сделал обрезание,⁹⁷ а Шифра Берлин остригла ему ногти вплоть к мясу. В это время Козловская возвратилась из питейной конторы; Славка вышла было к ней в сени, но, заметив, что она уже видела кое-что, позвала ее в комнату, где жиды стращали ее, что если она где-нибудь

⁹³ Сестра мальчика, вышедшая вместе с ним из дома, показала, что он не хотел с нею идти далее, а сел подле моста.

⁹⁴ Посторонние свидетели показали, что видели в это утро Ханну, стоявшую у калитки своего дома; а одна, Косачевская, что видела, как Ханна вела за руку мальчика.

⁹⁵ Дочь Максимовой, по мужу Желнова, приходившая в это время за чем-то к Цетлиным, видела ребенка в сундуке, в рубашке, или накрытым чем-то белым, но второпях хорошенько не рассмотрела.

⁹⁶ В лекарском свидетельстве сказано, что желудок и кишки у мальчика были пусты, хотя сам он хорошо кормлен, из чего и должно, заключить, что он последние дни перед смертью* ничего не ел.

* «Перед смертью» нет.

⁹⁷ Это также вполне согласно частью с врачебным свидетельством, а частью с показанием под присягой одиннадцати свидетелей.

проговорится, то с нею сделают то же, что с мальчиком; она поклялась, что будет молчать. Затем продолжали: Терентьева держала ребенка над тазом, Максимова обмывала его; положили головой вперед в бочку, в которой половина дна вынималась; Иосель заложил опять дно, стал катать бочку по полу с Терентьевой, потом все делали то же, сменяясь по двое, часа два; ребенка вынули красного, как обожженного;⁹⁸ Терентьева завернула его и положила на стол; все три бабы оделись в жидовское платье, понесли ребенка, завязав ему рот платком, в школу, а жида пошли за ними. В школе застали они толпу жидов, положили мальчика на стол в корыто, развязав ему рот; тут Орлик Девирц распоряжался; Поселенный подал ремни, Терентьева связала мальчику ноги, под коленями, но слабо, и Поселенный сам перетянул их потуже. Терентьевой велели ударить мальчика слегка по щекам, а за нею все прочие сделали то же; подали большой, острый и светлый гвоздь и велели ей же уколоть ребенка в висок и в бок; потом Максимова, Козловская, Иосель и один за другим все жида и жидовки делали то же.⁹⁹ Между тем Козловскую повели к заповедям в шкапик и обратили в жидовскую веру, назвав Льей. Орлик поворачивал в корытце младенца, который сперва кричал, а потом смолк,¹⁰⁰ смотрел на всех и тяжело вздыхал. Он вскоре истек кровью и испустил дух. Терентьева вынула его, развязала ему ноги, держала над другим корытцем, стоявшим на полу; Козловская подавала бутылки с водой, Иосель обливал мальчика, а Максимова обмывала. Когда крови ничего не было на теле, а только остались видны раночки, величиною с горошину,¹⁰¹ то велели одеть, и обуть труп и положить на стол. Иосель повел всех трех баб к шкапику и сказал: «как все они приняли еврейскую веру, то должны по ней клясться», и читал им большую жидовскую книгу.

Затем жида ругались над похищенным Терентьевой из Ильинской церкви антимином, плевали на него, топтали ногами и проч.¹⁰²

Между тем уже начинало светать; Терентьева с Максимовой боялись нести мальчика на реку, где иногда рано бывает народ, и потому понесли его в лес, на болото, у Гуторова Крыжа, где он и найден. По уходу их Иосель налил крови в одну бутылку и велел Козловской отнести к Славке; остальная кровь была оставлена в корытце, в школе; возвращаясь из леса, Терентьева и Максимова встретили самого Иоселя в парной бричке;¹⁰³ они поехали наблюдать за бабами, и Иосель сошел с брички и посмотрел, где был ими труп положен; потом жида опять ускакали в город.¹⁰⁴ Мирка напоила обеих баб вином, Славка дала денег и уговаривала, чтобы пьяные, поспорясь, не проговорились: **евреи все отпрутся**, сказала она, **а вы одни будете виноваты**. Обе сняли с себя жидовское платье и пошли домой.

Вечером Фратка, жена цирульника Орлика, напоила Терентьеву,¹⁰⁵ одела ее в жидовское платье и повела в школу. Все те же жида и жидовки были там, а притом и Козловская. Корытце с кровью стояло еще на столе, а подле две пустые бутылки, в коих накануне приносили воду для обмывки, отправив уже третью бутылку к Славке. Тут же лежал сверток холста. Пришла Ханна с Максимовой, которая принесла еще бутылку, чарку и воронку. Терентьева размешала кровь лопаточкой, а Иосель разлил ее чаркой, через воронку в бутылки и в небольшой в плоть сбитый обручами, бочонок, который был подан Орликом. В остатке крови намочили аршина два холста, велели Терентьевой выкрутить его, расправить и проветрить, Иосель искрошил его на маленькие лоскуты; Орлик макал гвоздь в остаток крови, капал на каждый лоскуток и разводил по нем разводы, и каждому дали по лоскутку, равно и трем русским бабам. Все разошлись: Максимова понесла за Цетлиными одну бутылку; Козловская за Берлиными две, а Терентьева за Орликом бочонок. Максимова отдала лоскуток своей впоследствии Ханне; Козловская потеряла его, а Терентьева сказала, что он должен быть у нее в китайчатом кармане, который передан ею на сохранение, с другими вещами, солдатке Ивановой, когда взята была под стражу. Следователи немедленно отправились туда и нашли в указанном месте треугольный лоскуток холста,

⁹⁸ Это также вполне согласно частью с судебным свидетельством, а частью с показанием свидетелей.

⁹⁹ *Вст.*: «Каждый по очереди всадил гвоздь в тело дитяти».

¹⁰⁰ *Вст.*: «медленно двигал ногами».

¹⁰¹ Это также согласно с судебным свидетельством и с показанием свидетелей.

¹⁰² По справке в церкви оказалось, что ветхий антиминос действительно был похищен, а Терентьева показала, со всею подробностью, каким образом она его украла.

¹⁰³ Семь свидетелей показали под присягой, что видели, как бричка эта на заре проскакала взад и вперед; а одна женщина, что в ней именно сидел еврей Иосель.

¹⁰⁴ «Потом жида... город» *нет*.

¹⁰⁵ *Вст.*: «водкою.»

красноватый и признанный всеми тремя раскаявшимися бабами за тот самый, о коем они говорили.

В доме Берлина, Цетлина и в школе все три женщины порознь показали вполне согласно со словами их, где, как и что делалось; подробности эти и местность, где совершено было ужасное преступление, смущали их сильно, и они едва могли говорить.

Фратка сказала Терентьевой, что кровавым лоскутком протирают глаза новорожденным, а кровь кладут в мацу (в опресноки). Это вполне согласно со многими помещенными выше сведениями и с показаниями по случаю подобных происшествий. На другой год после того сама Терентьева пекла с Фраткою и с другими жидовками мацу с этой кровью. Максимова подробно описывает, как делала то же у Ханны, размочив засохшую в бутылке кровь и смешав с шафранным настоем. Ханна положила также немного крови этой в мед, который пили. Козловская говорит, что то же делали у Берлиных: вытряхнули из бутылки сухую кровь, растерли и высыпали в шафранный настой, который вылили в тесто.

Генерал-майор Шкурин взял с собою Терентьеву и Максимова и поехал в Витебск и в Лезну, куда они возили кровь. Максимова указала в Витебске дом, куда привезла кровь, с Мовшей Беленицким, и узнала хозяина; Терентьева не могла на первый день опознать, просила дать ей время, а на другой день объявила, что далеко искать нечего. Комиссия остановилась в том самом доме и даже в той самой комнате, куда она в 1823 году привозила кровь. Она доказала это тем, что указала скрытый в стене камин, где в то время сожгли обручи и клепки бочонка; рассказала все расположение дома, хотя провела ночь под караулом и никуда не выходила, сказала, что тут должна быть еще другая дверь, ведущая прямо в кухню, и это оказалось справедливым. Она узнала всех хозяев, коих описала наперед при допросе еще в Велиже: Мовшу, его жену, Зелика, мать его Ривку, Арона, жену его Рису; Ривка в то время сама приняла у нее бочонок с кровью. Прочих домов, где угощали ее, она не могла припомнить. Могилевской губернии в местечке Лезне Терентьева не могла сделать положительных указаний, так как прошло уже пять лет и она более в Лезне не бывала.

Меланья Желнова, дочь Максимовой, показала, что, придя к матери на Святой, была послана еврейкой Рисой, служившей в доме вместе с Максимовой, – в особую светелку или каморку, где стоял сундук со съестным; заглянув в него мельком, она увидела в нем спящего мальчика в белой рубашке, или накрытого чем-то белым. Она же показала, что видела мальчика в спальне Цетлиной.

Мещанка Дарья Косачевская показала, что, ходив в первый день Святой за пивом, видела, как Ханна Цетлин вела за руку к своему дому трехлетнего мальчика в такой точно одежде, в какой был пропавший сын Емельянова. При очной ставке с Цетлиной Дарья подняла обе руки, обратясь к образу, и сказала: «помилуй, Ханна, ты мне никогда зла не сделала, сердиться мне на тебя не за что; убей меня Бог, если я сказала хоть одно слово неправды!»

Работница Марья Ковалева, на которую сослались Терентьева и Максимова по другому делу, где замешаны были те же самые жида, долго запиралась, наконец созналась во всем, рассказав все подробности, согласно с первыми; но потом, испугавшись этого, протосковав и проплакав несколько времени и сказав, что сама себя погубила, что ей нигде житья не будет, удавилась.

Затем обнаружено, что у Берлиных во время происшествия горел ночью огонь, что у них и у соседа их Нахимовского были в те ночи на дворе караульные жида, тогда как ни того, ни другого прежде и после происшествия не бывало. Берлин не мог дать никакого отчета в том, для чего у него были ночные сторожа, сказав только, наконец, что это было сделано из предосторожности, чтобы не вымазали у него ворота кровью, или не сделали другой пакости. Сторожа, будучи отысканы и уличены, после заперательства, уверяли, что были поставлены так, ни для чего, соглашаясь, что в то время не было в Велиже ни воровства, ни пожаров.

Ратманы Цетлин и Олейник, как упомянуто выше, ворвались насильно с толпою жидов на чужой двор и обмеряли ход брички ксендза, распространяя слух, что он переехал дорогой ребенка. Устраненный по сему поводу от дела, Цетлин всеми силами старался попасть опять депутатом в комиссию и требовал этого даже письменно. Берлин уверял, что мальчик был отдан на излечение лекарю Левину, который свидетельствовал труп, и что лекарь, уморив его, вывез в болото и бросил. Цирульник Орлик распускал слух, что ребенок убит нечаянно из ружья дробью, отчего и раночки по всему телу, а после закинут. Орлик забыл только объяснить,¹⁰⁶ как и для чего

¹⁰⁶ Вст.: «куда девалась из тела кровь».

ребенок был для этого предварительно раздет, потом обмыт и опять одет; потому что платье было цело и даже на белье не было ни капли крови. Относительно обрезания жида говорили, что это было сделано с намерением, дабы навести подозрение на жидов.

При повальном обыске двенадцать человек христиане ничего дурного о Берлиных не показали, но объявили под присягой уверенность свою, что мальчик погублен жидами и что по всеобщим слухам в этом участвовали Берлины и Цетлины, кои теперь чрезвычайно заботятся и хлопочут по сему делу.

Все три бабы, оговорив всего до пятидесяти жидов, как участников этого злодейства, узнавали их на очных ставках в лицо; они оговорили также какого-то Абрама, и Абрам Вазменский был взят по этому подозрению: но все три женщины, каждая порознь, объявили, что это не тот и что они этого не знают.

Униатский священник Мартусевич был увещателем трех доказчиц, и жида старались подкупить его, подослав к нему жида портного с тем, чтобы Мартусевич склонил женщин отречься от своих показаний; это доказано положительно показанием самого священника, жены его и еще третьего свидетеля. Терентьева и Максимова, черствые и развратные бабы, будучи приведены в школу и в дом Цетлиных, на место преступления, и обязанные рассказывать во всей подробности, где, что и как происходило, оглядывались со страхом, дрожали и плакали. Они же враждовали между собою, бранились в присутствии комиссии, укоряли друг друга, припоминали старое, и потому ни в каком случае не могли выдумать все, что показали, по взаимному согласию.

Выше было упомянуто, что все дело это началось вследствие ворожбы Терентьевой, по просьбе матери младенца, и вследствие предсказания девочки Еремеевой. Первое не удивительно, потому что Терентьева хорошо знала, где ребенок, но второе требует объяснения.

Анна Еремеева ходила по миру, была сирота, подверженная каким-то болезненным припадкам, обмерла, чуть не была похоронена, пришла опять в себя и, рассказав какой-то чудный сон или видение, прославилась этим и предсказывала левоверным за насущный хлеб. Она при допросе объяснила загадку и явилась, вместо предвещательницы, **свидетельницею**. Зашедши в Великий пост в сени Берлиных просить милостыню, она услышала, что Терентьева, смеючись, громко говорила: «как я дала вам клятву служить верно, то и уверяю, что в первый день праздника достану». Зная с малолетства, что жида мучают и убивают детей под Пасху, Еремеева тотчас поняла разговор этот, испугалась, тем более, что в то же время три жида вышли в сени, взглянули на нее и друг на друга и стали ее допрашивать, кто она. Во весь день она все думала о том, что слышала, и вечером опять подкралась к дому Берлиных и притаилась в сенях у дверей; евреев, по-видимому, на этой половине не было, а Терентьева разговаривала с Максимовой; последняя сказала: «наши жида хотели было заманить девочку, которая утром приходила, но я им отсоветовала, опасно». Первая отвечала: «я и сама видела, что они на нее острили зубы, – но точно опасно. Я обещала достать, так уж достану из солдатской слободы; пусть обождут; надо делать с толком, чтобы концы схоронить, как мы с тобой, Авдотьюшка, и прежде дельвали».¹⁰⁷ Еремеева испугалась, потихоньку ушла, хотела бродить на другой день близ дома, чтобы подсматривать, но заболела, едва дотащилась до деревни Сентюры, где мещанин Пестун, человек весьма набожный, призрел ее и взял в дом. Она все еще боялась жидов и опасалась сказать, что видела и слышала, а потому, когда впоследствии действительно ребенок пропал в Велиже и мать его пришла к ней за предсказаниями, – то она, Еремеева, сказала ей, что видела сон, в котором явился ей архангел Михаил; мальчик сидел в цветах, на него шипела змея, – то есть Терентьева, поясняет Еремеева, – архангел же сказал ей, что младенцу суждено быть страдальцем от жидов за христианство; далее она описала, по приметам, дом Берлиных и прибавила, что если не успеют спасти мальчика, то он погибнет. Еремеева не объясняет, почему она сказала матери, что она заходила в тот дом, где сын ее содержится; но можно полагать, что огорченная мать сама проговорилась и забыла об этом, а Еремеева сим воспользовалась.

Вот в чем состояли обвинения жидов; остается посмотреть, каковы были их оправдания.

Общее во всех ответах жидов – это было наглое и голословное запирательство во всем почти, о чем их спрашивали, почему большая часть из них были уличены в ложных отзывах и показаниях. Многие из них уверяли, что вовсе не знают Терентьевой и положительно уличены во лжи; Ханна Цетлин упорно утверждала, что была в то время больна и не выходила, но уличена в

¹⁰⁷ Терентьева и Максимова сознались впоследствии в нескольких подобных злодействах, совершенных вместе с жидами, – как о том упомянуто было выше.

противном. Общая и явным образом условная отговорка жидов была: «Коли доказчицы все это сами на себя принимают, так нечего и разыскивать, а, стало быть, они и делали это и виноваты». Самое происшествие известно было во всей губернии, занимало всех, а некоторые жида уверяли, что даже вовсе об нем не слыхали. Весь город ходил смотреть из сострадания тело мученика, но ни один жид не приходил за этим, тогда как народ этот, по крайнему любопытству своему, сходится толпою глазеть на всякий, самый простой случай и об нем толкует.

Подсудимые показали, что ни к какой секте не принадлежат, тогда как все велижские евреи делились на **миснагидов** и на **хасидов**, а подсудимые все принадлежали к сим последним. Это тем замечательнее, что обращенный еврей Неофит, о коем говорено в начале сей записки, объясняет в книге своей именно, что зверский¹⁰⁸ обычай, о коем здесь идет речь, принадлежит собственно одним **хасидам**.

Вообще жида ничем не могли опровергнуть обвинения, как только голословным запирательством, упорным, злобным молчанием, криком, неистовою бранью, или же, приходя в себя, рассуждениями, что этого быть не могло; на что жидам кровь? Им крови не нужно; мучить мальчика не нужно; этому даже верить запрещено повелениями разных королей, а также государя императора Александра I, и именно от 6 марта 1817 года. Комиссия постоянно при каждом допросе записывала в журналах, что допрашиваемый показал крайнее смущение, страх, дрожал, вздыхал, путался и заговаривался, отменял показания, не хотел их подписывать, уверял, что болен и не помнит сам, что говорит; многие выходили из себя и не только после самой низкой брани бросались в ярости на доказчиц, но кричали на членов, бранили их скверными словами, бросались на пол, кричали караул, тогда как их никто не трогал пальцем и проч. Это ли есть поведение невинных, оговариваемых в таком ужасном злодеянии? Иные прикидывались сумасшедшими, другие по несколько раз пытались бежать из-под караула, а некоторые бежали и не отысканы.

Между содержавшимися и свободными жидами перехвачена переписка на лоскутках, лучинах, на посуде, в которой есть носили, и проч. Несмотря на темноту смысла записок этих и на беспрестанно встречающееся слово **ведаль**, то есть смекай, догадывайся, – ясно и неоспоримо видно, что между жидами была стычка, что они условливались, как и что отвечать и уведомляти об этом друг друга. Так, Итка Цетлин в нескольких записках писала:

«Кого еще взяли?.. Еще многие будут задержаны. Худо будет, но можно жертвовать собою для прославления Божьего имени. Сделайте то, что знаете, ибо терять нечего. Очень худо; три бабы говорили до того, что у меня потемнело в глазах; сначала я держалась твердо, покуда не свалилась с ног. Коротко сказать, очень худо, старайтесь сделать это, для прославления Божьего имени и пожертвуйте собою; терять нечего. На нас на всех надежды мало, всем очень худо будет».

Хаим Хрипун писал:

«Если вы решите, чтобы жене моей не бежать, то, ради Бога, увещайте ее, чтобы она знала, как ей говорить, если будет взята. Уведомьте меня, хорошо ли я говорил при допросе. Дайте знать пальцами, сколько человек еще взято. Старайтесь все за нас, весь Израиль; не думай никто: если меня не трогают, так мне и нужды нет! – Мы содержимся, Боже сохрани, ради смертного приговора! На допросе я сказал, что не знаю и не слыхал, нашли ли мальчика живым, или мертвым. Бегите всюду, где рассеян Израиль, взывайте громко: Горе, горе! чтобы старались свидетельствовать за нас; у нас недостает более сил; напугайте доказчиц через сторожей, скажите им, что есть повеление государя такое: если они первые отступятся от слов своих, то будут прощены; а если нет, то будут наказаны» – и проч.

Неужели подобная переписка может сколько-нибудь расположить в пользу обвиняемых, а напротив того, не изобличает их в преступлении? Наконец некоторые из подсудимых, упав духом и не видя возможности запирается более, при стольких явных уликах, сознались, но опять отреклись, таковы Фейга Вульфсон, Нота Прудков, Зелик Брусованский, Фратка Девириц, Ицка Нахимовский; а между тем все общество жидов, оставшихся на свободе, старалось всеми возможными происками замедлять и путать дело; они подавали просьбы за подсудимых, требовали настоятельно допуска к ним, жаловались за них на пристрастие, объявляли их то больными, то помешанными, требовали устранения следователей и назначения новых и проч. Вся надежда жидов, которые несколько раз проговаривались об этом даже в комиссии, состояла в

¹⁰⁸ Чудовищный.

том, что дело не может быть здесь решено окончательно и что там, куда оно пойдет, они дадут ответ и оправдаются, а доказчицы будут одни виноваты.¹⁰⁹ Рассмотрим, для примера, некоторые ответы жидов.¹¹⁰

Шмерка Берлин дал хитрый, обдуманый ответ, доказывая, что все это несбыточно, невозможно, что таким сказкам и бредням давно уже запрещено верить. У него найден полный запас бумаг, относящихся до подобных случаев, копии с указов, переписка, где он требует сведений, чем кончилось подобное дело в Могилеве, и проч. Все это доказывает, что он, будучи задержан внезапно, приготовился, однако же, к тому и обдумывал свою защиту. Полагал, что мальчика переехали и искололи по злобе на евреев.¹¹¹ Но почему же белье и платье не исколоты, и если все это ложь, то почему же исколотый труп будет указывать именно на евреев, как на виновных? Уверяя, что Терентьевой не знает, закричал ей навстречу, лишь только она вошла: «это первая зараза: она, верно, станет говорить то же!»

Брат его **Носон Берлин** мешался, путался, не отвечал из упрямства по часу и более на вопросы, не хотел подписывать своих показаний без всякой причины; на очных ставках дрожал от злости и поносил всячески доказчиц. Он был так груб и нагл, что комиссия не могла с ним справиться. Неоднократно изобличен в явной лжи. После долгих убеждений, что он обязан подписать свои показания, подписал наконец, **что не утверждает их** – хотя в показаниях сих ничего не заключалось, как ответ его, что он **ни о чем не знает и не ведает**.

Гирш Берлин ломал отчаянно руки, не знал, что отвечать на улики, закричал на Терентьеву: «врешь, я тебя никогда не знал», – и, забывшись, прибавил тут же: «ты была нищая, ходила по миру».

Мейер Берлин неистово бросился на Терентьеву в присутствии комиссии; когда же его остановили, а Терентьева стала его уличать всеми подробностями происшествия, то он отчаянно ломал руки, молчал, дико оглядывался, вздыхал тяжело и утверждал, что бабы этой не знает.

Ривка Берлин (Сундулиха) до того нагло и голословно отпиралась, что сама себе беспрерывно противоречила и должна была сознаваться во лжи. Она утверждала, что еврейка Лья никогда у неё не служила, что Терентьевой не знает; Лья же сама уличала ее в том, что служила у неё несколько лет; а о Терентьевой Ривка, забывшись, сказала после, что она знала ее как негодную пьяницу давно, еще когда она жила у капитана Польского.

Славка Берлин, вошед в присутствие, стала сама с удивлением рассказывать, что встретила сейчас в передней какую-то бабу (Терентьеву), которая поклонилась ей и назвала ее по имени, тогда как она, Славка, вовсе ее не знает. Путала, говорила, опять отпиралась; она была в таком замешательстве, что, сказав слово, вслед затем уверяла целое присутствие в глаза, будто никогда этого не говорила, отпираясь таким образом беспрестанно от собственных своих слов, без всякой нужды и цели, отрекшись от всего и показав только, что ни о чем не знает и не ведает, – на другой день требовала уничтожения допроса, уверяя, что она вчера наговорила на себя от испуга. С трудом можно было кончить допрос в продолжении нескольких часов, потому что Славка каждый раз уверяла, что ее обманывают и пишут не то. Терентьева сказала ей, рыдая: «как тогда говорила, что ото всего отопрешься, так теперь и делаешь!» Когда ребенок пропал и никто еще не знал, куда он девался, то Терентьева и Еремеева сказали уже, что он содержится у Славки или у матери ее, Мирки. На дворе ее был поставлен ночной сторож, в продолжение нескольких ночей, тогда как ни прежде, ни после происшествия у нее ночного караула не бывало. Утверждала, что доказчицы во всяком случае одни виноваты, не объявив об этом происшествии, если оно было, в то же время, когда оно случилось.

Бася Аронсон сказала между прочим, путаясь в показаниях: «я не такая набожная, чтобы мне быть при таком деле». Следовательно, она смотрела на истязание христианского мальчика, как на богоугодное дело.

Евзик Цетлин, ратман, уведомлял своих о том, когда будет обыск в доме, а после о ходе дела; будучи устранен, домогался быть опять допущенным, как депутат; старался отвести подозрение на ксендза. На очных ставках выходил из себя: то кидался со злобою и с угрозами, то опять упрашивал доказчиц и увещал. Терялся, забывался, кричал и беспрестанно сам себе противоречил. Не подписал показаний своих, не объявив и причины на то; притворился сумасшедшим, бесновался, а после просил в том прощения. Сказал между прочим: «что вы меня

¹⁰⁹ Наказаны.

¹¹⁰ Вст.: «и вообще их поведение при допросах».

¹¹¹ Вст.: «как невиновных».

спрашиваете? в России всякая вера терпима». – Когда он ото всего отрекался, и Терентьева, уличая его, положила руку на сердце и сказала, глядя ему в глаза: «и ты правду говоришь?» – то Цетлин отвечал робко: «я не говорю, что правду говорю, а говорю только, что ничего не знаю и ничего не видал». Это ответ вполне достойный последователя талмудических уловок. Вместо того, чтобы оправдываться в убийстве, старался только убедить, что жидам кровь не нужна и что этому запрещено верить.

Ханна Цетлин, жена Евзика, утверждала, что во всю неделю не выходила со двора, по болезни своей и сына, а свидетели показали под присягой, что видели ее на улице; посторонняя женщина видела даже, как она вела погибшего ребенка за руку, близ своего дома, а Терентьева показала, что она тут передала ей мальчика. Уездный лекарь, на кого она сослалась относительно тяжкой болезни сына, показал, что ничего об этом не знает. Уверяла, что вовсе не слыхала о пропаже мальчика; что даже Терентьевой вовсе не знает, тогда как уже при первом следствии сказала, что нищую эту выгоняла неоднократно из своего дома. На очных ставках бледнела, дрожала, то почти лишалась чувств и падала, то вдруг выходила из себя и неистово кричала, бранилась, не давала ответов, кричала только: все это ложь, баб научили, они врут, пусть сами и отвечают. В присутствии комиссии страшила доказщиц кнутом и уговаривала их отречься от слов своих; наконец стала кричать и молотить вне себя, бессвязно, так что ничего нельзя было записывать. Максимова сказала ей в глаза, что после этого происшествия имела полную волю в доме и что Цетлина ее боялась. То же подтвердили дочь Максимовой, Желнова, еврейка Ривка, а сама Ханна, называя Максимову пьяною и буйною, призналась, что работница эта часто страшила ее, хотя и не понимает чем.

Риса Янкелева, работница Цетлиных, при каждом допросе говорила иное, путалась, отговариваясь слабою памятью; сама после допроса опять просилась в присутствие и, не показав ничего нового, отпиралась в прежнем, повторяя между тем опять то же.

Руман Нахимовский, стал при допросе в угол, схватился руками за живот и трясся, как в лихорадке, тяжело вздыхал, едва отвечал; но когда вошла Терентьева, то стал кричать на нее и браниться; Козловской сказал, что «она тогда была еще молода и ее бы в такое дело не пустили»; при сильных и подробных уликах доказщиц схватил себя обеими руками за голову, отвернулся от присутствия, оперся головою о печь, и молчал упорно, сказав только, что нездоров и говорить не может.

Ицка Нахимовский, брат его, сказал генералу Шкурину, что хочет объявить всю правду; будучи призван в комиссию, начал было: «Бог мучит меня уже другой год в неволе, а Бог знает правду: видно, для того мучит, чтобы Государь узнал правду», – но потом одумался и уверял, что по глупости сам не знал, что говорил, и настоятельно просил уничтожить первое показание. Затем он бежал, но, будучи пойман, стал на колени перед зеркалом и сказал: «самому государю открою всю правду о убийстве мальчика», и дал в том подписку; но после опять отрекся и притворился помешанным.

Иосель Мирлас, приказчик Берлина, ссылаясь на повеление польского короля Сигизмунда и на высочайшее повеление 1817 года, коими не велено верить таким изветам, был вне себя, дрожал, кричал: «ах Бог мой, что это будет!» – прислонился к стене, поддерживая живот руками, и говорил: «сам не знаю, что со мною делается; я тут совсем делаюсь болен; когда она (Терентьева) говорит это, так, стало быть, она и делала!» Потом молчал упорно и не отвечал.

Иосель Гликман полагал, что мальчика искололи евреям на шутку. При очных ставках кинулся в отчаянии на колени, кричал: «помилуйте, помилуйте!» – закрывал лицо руками, дрожал, отворачивался и объявил, что не хочет смотреть на уличительниц.

Орлик Девириц, еврейский цирульник, уверял, что мальчик убит дробью, но отпирался даже и от этого, противу пяти свидетелей. Отвечал робко, медленно, думал, после каждого, самого простого вопроса вздрагивая и посматривая на дверь, откуда ожидал уличительниц. Путался, уверял, что у него во рту засохло и он не может говорить; показав, что знает Терентьеву, когда она жила у купца Бабки, и что она таскалась по домам, отрекся опять от слов своих и уверял, что вовсе ее не знает. Кричал, что с бабами вовсе говорить не хочет, и не подписал показаний своих, потому что не помнит, что говорил. У него нашли заготовленные им свидетельства в том, что он искусный фельдшер; при спросе, для чего он заготовил их, Орлик отвечал: «когда пошлют меня в Сибирь, то я покажу их там, может быть, хоть не заставят землю копать».

Жена его, **Фратка**, объявила, вошедши в комиссию, что вовсе не станет отвечать и долго молчала; потом начала кричать, браниться, ходить взад и вперед, топтать, кричала в исступлении:

«Чего вы от меня хотите? Зачем не зовете других? Не один муж мой был, когда кололи мальчика. Все говорят, что Ханна Цетлин виновата, – ее и спрашивайте, а не меня». После сказала, что не была сама при убийстве, но будто Руман Нахимовский признался ей, что мальчик был умерщвлен при нем в школе Берлинами; что при этом были еще: Мирка, Славка, Шмерка, Гирш, Шифра, Янкель, Бася, Евзик, Ханна и проч. Что после этого происшествия эти евреи завели свою особую школу, потому что прочие боялись попасться – и по следствию обнаружено, что действительно в это время была заведена отдельная, небольшая школа. Это же повторяла она сторожам и караульным, била себя поленом, приговаривая: «так бы всех, кто колол мальчика». Потом прибавила: «я бы все рассказала, кто и как колол, да боюсь, затаскают меня, и боюсь своих евреев». То же подтвердила в комиссии, но более говорить не хотела и прибавила: «если евреи это узнают, то я пропала». По ее указанию отыскан особый нож. в серебряной оправе и сафьянных ножнах, коим, по ее словам, сделано было над мальчиком обрезание; доказчицы также полагали, что это должен быть тот самый нож. Два раза¹¹² пыталась бежать, но поймана; выбила стекло, и хотела зарезаться осколком его. Потом опять ото всего отреклась; а когда в комиссии речь зашла о ноже, коим убийство совершено, то Фратка сказала: «тут надобны не ножи, а гвозди». Кричала, что одному государю всю правду скажет; сказала караульному унтер-офицеру, в разговоре, что кровь была нужна Берлиной, потому¹¹³ что у нее **дети не стоят**. Наконец сказала, вышед из себя, в комиссии: «может быть, прежде наши это и делали, только не теперь; а что Терентьева колола мальчика, так это правда. Берите меня, секите меня кнутом, я этого хочу, я все на себя беру, а уж я вам правды не скажу».

Зелик Брусованский, при сильных уликах, сказал: «если кто из семьи моей, или хоть другой еврей признается – тогда и я скажу, что правда».

Ицка Беляев дрожал, то от страха, то от злости, бранился и кричал, так что комиссия не могла с ним справиться. Когда Терентьева, во время улики,¹¹⁴ сказала, что у нее и теперь еще болят ноги, обожженные на сковороде, то Ицка спросил, улыбнувшись: «как, в три года не могли у тебя поджечь обожженные ноги твои?»

Янкель Черномордин (Петушок), ничего не слушая, кричал: это беда, это напасть; потом, упав ниц и накрыв лицо руками: «Помилуйте! Я не знаю, что она (Максимова) говорит», и не хотел на нее смотреть.

Жена его, **Эстер**, показала, что вовсе не знает Терентьевой, а после запуталась сама и созналась в противном. В исступлении бросалась на уличительниц и поносила их бранью.

Хайна Черномордин уверяла, что ни одной из этих трех баб не видывала и вовсе не слышала о убийстве мальчика. Бледнела и дрожала, не могла стоять на месте, мялась, отворачивалась; молчала упорно, или злобно кричала и отнюдь не хотела смотреть на показываемый ей кровавый лоскуток холста, о коем упомянуто было выше.

Хаим Черный (Хрипун) кричал, бранился, дрожал, не отвечал на вопросы и путался. «Пусть бабы говорят, что хотят, – сказал он: – ни один еврей этого не скажет вам, сколько ни спрашивайте». – Злобно отпирался, что при обращении Терентьевой лежал на одной с нею кровати, – а в перехваченной переписке умоляет евреев не ругаться над ним за это, а то он с ума сойдет от стыда и срама, тогда как он готов жертвовать за них жизнью. Нагло кричал в комиссии, требуя каждый раз снова, чтобы ему были наперед прочитаны прежние показания его; сказав наотрез, что даже не слышал об этом происшествии, проговорился после, что знал об нем тогда же, когда оно случилось. До того забылся и вышел из себя, что ругал в глаза всех членов, в полном присутствии, и кричал председателю, генералу Шкуруину, указывая на него пальцем: «я тебе, разбойнику, глаза выколю, ты злодей» – и проч. Хаим был уже под судом в 1806 году, с другими евреями, по подозрению в истязании и убийстве мальчика помещика Мордвинова; по недостатку улик, дело предано было воле Божьей.

Абрам Кисин путался и сам себе противоречил, уличен во многих ложных показаниях: сказал, что о ею пору ничего не знает и не слышал о происшествии, – а потом уличен, что был по сему же делу допрашиваем при первом следствии, три года тому; один раз показал, что безграмотен, а в другой, что знает читать и писать по-еврейски и по-русски; сказал, что вовсе не родня Берлиным, тогда как состоял в близком родстве с ними; сказал, что Терентьевой не знает

¹¹² *Вст.*: «Фратка».

¹¹³ **В.Э.**: Итак, здесь открывается правдоподобный мотив убийств: дикое суеверие. Они **верили**, что «кровь христианского мальчика» обладает лечебными для них свойствами; они, так сказать, добывали себе лекарства.

¹¹⁴ Очной ставки.

вовсе, что если она призналась, так, стало быть, она и убийца, – и уличен, что знает ее давно. Наконец зарыдал, смотрел дико, как помешанный, упал ниц на пол и кричал: «помилуйте, ратуйте!» Кричал, что ему дурно, что он не может говорить; его стало кидать и ломать, и он притворился сумасшедшим, кричал и бесновался.

Нота Прудков – хотел доказать, что был во время происшествия на Сертейской¹¹⁵ пристани, – но доказано, что он был тогда в Велиже и сверх того еще перехвачена переписка его, где он просил достать за деньги свидетельство, что он был на Сертейской, и составить подложный договор с мужиками, – уверял, что из уличительниц ни одной не знает, а в письмах к жене своей называет всех трех поименно и в комиссии назвал Терентьеву распутною. Сказался больным и, подвязав бороду, требовал на очной ставке, чтобы уличительницы говорили, какого цвета у него борода; сказал генералу Шкурину: «Если бы сам государь обещал евреям помилование, то они бы, конечно, сознались»; что точно жида погубили мальчика и прочие ропщут теперь на Берлиных и Цетлиных за это опасное дело, что они теперь всюду собирают деньги на это дело, надеясь, что оно здесь не кончится;¹¹⁶ но что он, Прудков, в комиссии ни в чем не сознается. Между тем у генерала Шкурина были спрятаны три чиновника, которые все это слышали и подтвердили под присягой. Три раза¹¹⁷ пытался уйти из-под стражи; хотел креститься, потом раздумал; вызвался сознаться во всем лично генерал-губернатору, был отправлен в Витебск, но обманул. Шумел, кричал, ударил в щеку караульного унтер-офицера, и был наказан за это, но не унялся; когда ему в комиссии показали перехваченные записки его, то он озлобился до неистовства, кричал и бранился, не давая ответа. «В законе ничего не сказано, что будет за это, если кто заколет мальчика; мы ничего не боимся, только бы дело вышло из комиссии. Вы все разбойники; нам ничего не будет, а вас же судить будут, вот увидите!»

Ицка Вульфсон, который ездил вместе с Иоселем Мирласом осматривать выброшенный в лес труп младенца, до того потерялся, что, показав, будто не знает грамоты, сам подписал порусски допрос свой. Уверяя, что Терентьевой вовсе не знает, прибавил: «и никто не обращал ее в еврейскую веру – по крайней мере при отъезде моем в Динабург она еврейкой не была». Стало быть, он знал ее и тогда?

Жена его, **Фейга**, показала, что не была в то время вовсе в Велиже, тогда как муж ее показал, что она была там. На очных ставках едва не обмирала, не могла стоять, ложилась на стул, жаловалась на дурноту, упорно молчала и не подписала показаний своих, без всякой причины. Далее готова была во всем сознаться, но спросила: «есть ли такой закон, что когда кто во всем сознается, то будет прощен?» Ей сказали, что закон в таком случае облегчает наказание; тогда она проговорила в отчаянии: «я попалась с прочими по своей глупости» – и затем упорно молчала. Хотела креститься, а потом опять раздумала. «Мне нельзя уличать мать свою, – сказала она также, – да и тогда должны пропасть все евреи».

Лья Руднякова, бывшая работница Ривки Берлин, сперва отреклась, что никогда у Ривки не служила, потом уличена, созналась и поневоле уличила в том же Ривку. Уверяла, что Терентьевой вовсе не знает, а между тем сказала, что она была нищая и ходила по миру. Во время допросов чертила пальцем на спине бывшего у ней на руках ребенка какие-то знаки и, будучи спрошена, что она делает, отвечала: «Это Ривке, по-еврейски». Когда показали ей кровавый лоскуток холста, то она сильно испугалась, зарыдала и поносила Терентьеву самую непристойною бранью.

Зуся Рудников, муж Льи, также уверял, что даже не слышал о происшествии, о коем толковали в Велиже три года на всех перекрестках. Смотрел в землю, говорил отрывисто,¹¹⁸ отпираясь ото всего. Задрожал, увидав кровавый лоскуток, отворотился, не хотел смотреть на него и ни за что не хотел подойти к столу. Не подписал очной ставки, потому что у него закружилась голова, он сам не понимает, что ему читают, и не знает, то ли это, что он говорил.

Блюла Нафанова. Когда Терентьева сказала ей: «напрасно ты от меня отпираешься, ты знала меня давно, еще когда убили Хорьку», – то Блюма закричала: «что тебе теперь до Хорьки? Тогда был суд». – Оказалось, что Блюма в числе других подозревалась в 1821 году в убийстве Христины Слеповронской, также замученной в жидовской школе.

¹¹⁵ Сергиевской.

¹¹⁶ Со времени этого дела в Витебске и окружных местах сохранилась в народе молва, что «после солдатского сына ни на одной велижской еврейке не осталось на головном уборе ни зерна жемчуга». – Это можно слышать поныне.

¹¹⁷ Вст.: «Нота».

¹¹⁸ Вст.: «заикался».

Рохля Фейтельсон, вошедши в присутствие, не дала еще ни о чем спросить себя и начала кричать: «я не знаю, за что меня взяли; меня не спрашивайте ни о чем, я ничего не знаю, нигде не была, ничего не видела». Она также путалась, терялась и дрожала.

Вот главные ответы и оправдания жидов, – если только это можно называть ответами и оправданиями – выписанные вкратце, но с точностью и без опущения хотя одного слова, которое бы могло служить к оправданию подсудимых. Такого слова не было произнесено ни одним. Одно только отрицание, нередко явная ложь, страх и злоба, вот что обнаружилось при допросах. Между тем дело тянулось, и комиссия, несмотря на все старание свое, не могла подвинуться вперед; жида, явно и несомненно уличенные, молчали, упорствовали, грубили; генерал-губернатор князь Хованский донес об этом государю и велено было увещевать жидов, а буйных наказывать. По поводу открывшихся в 1827 году, через тех же доказчиц, нескольких подобных дел, повелено было исследовать той же комиссии все; в 1828 году командирован в комиссию чиновник от Правительствующего Сената; а затем еще повелено опросить подсудимых, не было ли им пристрастия. Некоторые показали, что не было, но другие жаловались на пристрастие, не будучи, однако же, в состоянии объяснить, в чем именно оно состояло; они говорили только в общих словах, что их не так допрашивали, не теми словами писали ответы, спрашивали, как преступников, тогда как три бабы сознались и, следовательно, были настоящими преступницами; что не отстраняли по их требованию следователей и членов комиссии, и тому подобное.

В 1829 году комиссия представила наконец полный обзор этих ужасных происшествий, обвиняя жидов во всем и считая их уличенными; кроме умерших и бежавших, их осталось еще под стражей сорок два человека обоего пола. Генерал-губернатор того же мнения, как и предшественник его, – представил обстоятельный всеподданнейший рапорт, в коем также положительно обвинял жидов и считал их изобличенными.

В самой вещи, сообразив все обстоятельства, нельзя не согласиться с заключением комиссии и генерал-губернатора. Предсказания Терентьевой и Еремеевой, согласно с коими происшествие исполнилось, совершенно не¹¹⁹ объяснимы, если не поверить им, что одна сама продала мальчика, а другая подслушала разговор; согласное показание Терентьевой, Максимовой и Козловской обо всех подробностях убийства и согласные с сим подобные обстоятельства, подтвержденные посторонними свидетелями под присягой, совершенная невозможность сделать такое во всем согласное показание и не изменять его в течение нескольких лет, если бы это не была одна истина – особенно если рассудить, что две из женщин сих жили в постоянной вражде, не могли говорить между собою равнодушно, даже в присутствии комиссии, а третья была уже замужем за шляхтичем и не могла иметь никакого повода к такому ужасному поклепу на себя и на других; далее, показание посторонних свидетелей, из коих иные видели, как жида проскакали на заре в бричке по тому направлению, где найден труп, – одна видела мальчика в руках Цетлиной, – два других видели его в доме ее, в спальне и в ларе;¹²⁰ состояние, в коем найден труп – кожные ссадины, ранки, затекшие, побагровевшие ноги, приплюснутый рот и нос, синяк от узла на затылке, вплоть остриженные ногти, еврейское обрезание, и проч. – вполне согласовавшееся с показанием трех женщин о том, каким образом замучен ребенок; поведение подсудимых при допросах, обнаруженная стычка их, наглое и бессмысленное запирательство во всем относящемся к этому делу; изобличение каждого из них во многих ложных показаниях; притворство некоторых больными и сумасшедшими; бегство других и попытки к тому третьих; старание подкупить священника, увещателя доказчиц; ночной караул и сборища у Берлиных, Нахимовских, Цетлиных – в чем они сначала также запирались; и наконец собственное сознание Ноты Прудкова, Зелика Брусованскаго, Фратки Девирц, Фейги Вульфсон и Ицки Нахимовского в преступлении¹²¹ и явное колебание других, а равно и изобличающая виновных перехваченная у них переписка, – вот улики и доказательства, на коих комиссия и генерал-губернатор основывались, почитали евреев до того уличенными, что находили уже собственное сознание их не нужным, тем более, что в пользу евреев не говорило ровно ни одно обстоятельство и оправданий или доказательств невинности своей ни один из них не мог представить никаких – кроме явной лжи и наглого запирательства. Они представили,¹²² при общем и подробном донесении,¹²³ именно список евреев, где степень вины каждого была в подробности обозначена.

¹¹⁹ «Не» нет.

¹²⁰ В сундуке.

¹²¹ В присутствии.

¹²² «Они представили» нет.

¹²³ Вст.: «был представлен».

В Правительствующем Сенате произошло разногласие; некоторые г.г. сенаторы соглашались с заключением комиссии и присуждали жидов к наказанию; другие колебались; третьи оправдывали их; опять иные желали только принять предупредительные меры на будущее время и делали различные по сему предположения. Посему дело внесено было в Государственный Совет, где состоялось 18-го января 1835 года Высочайше утвержденное мнение:

Что показания доносчиц, заключаая в себе многие противоречия и несообразности, без всяких положительных улик или несомненных доводов, не могут быть приняты судебным доказательством к обвинению евреев; а потому:

1. Евреев подсудимых по делу об умерщвлении солдатского сына Емельянова и по другим подобным делам, заключающимся в Велижском производстве, а равно по делам о поругании над христианскою святынею, как положительно не уличены, от суда и следствия освободить.

2. Доказчиц, христианок: крестьянку Терентьеву, солдатку Максиму и шляхтянку Козловскую, не доказавших тех ужасных преступлений и отступления от веры, которые они сами на себя возводили, но виновных в изветах, коих впоследствии ничем не могли подтвердить, сослать в Сибирь на поселение, лишив Козловскую шляхетства.

Затем,¹²⁴ Еремееву, Желнову и проч. освободить, предав первую церковному покаянию.

Заключение

Рассмотрев весь этот ряд ужасных случаев и возмущающих душу происшествий, частью доказанных исторически и юридически, – обвинение жидов в мученическом умерщвлении к Пасхе христианских младенцев невозможно считать призраком и суеверием, а должно убедиться, что обвинение это основательно,¹²⁵ как равно и общее мнение о употреблении ими крови сих мучеников для каких-то таинственных чар. Есть обстоятельство, о коем говорено было уже в начале сей записки, неоспоримое и очевидное, на которое при исследованиях об этом предмете никто не обратил доселе внимания, между тем как оно должно служить разительным убеждением для всех сомневающихся. Никто, конечно, не будет оспаривать, что в странах, где евреи терпимы, время от времени находимы были трупы младенцев, всегда в одном и том же искаженном виде, или по крайней мере с подобными знаками насилия и смерти. Не менее верно и то, что знаки эти доказывали умышленное, обдуманное злодейство, мученическое убийство ребенка, и притом ребенка христианского: то и другое доказано множеством следственных, судебных и врачебных свидетельств. Но каким же образом объяснить такую непонятную загадку, хотя каким бы то ни было предположением, не только доказательством, как объяснить, что бы могло побудить кого бы то ни было к такому бессмысленно-зверскому поступку, если это не какая-нибудь таинственная, каббалистическая или религиозно-изуверная цель? Ни корысть, ни злоба, ни другие страсти и побуждения не могут объяснить этого никоим образом. Тут не одно убийство, а преднамеренное мученическое истязание невинного младенца и, следовательно, или наслаждение этими муками, или особенная цель, с ними соединенная. Христиане-католики праздновали воспоминания распятия Иисуса Христа в лицах, предавая поруганию Иуду; в России был толк раскольников, называемых детогубцами – они убивали незаконнорожденных детей, сушили и обращали в порошок вынутое из них сердце и употребляли его на чары для привлечения к себе последователей; мусульмане закавказские, сунниты,¹²⁶ празднуют подобным образом память своего пророка,¹²⁷ ругаясь торжественно над противником его Алием,¹²⁸ для чего нанимают за деньги человека; жида делают то же, если только могут, в праздник Амана и Пейсаха; это известно не только исторически, со времен императора Феодосия, – но известно всякому, кто жывал между жидами. Так, например, жители Харькова помнят еще водовоза, который исчезал ежегодно на три дня во время Страстной недели и внезапно оставлял тех, кому служил, без воды. Он постоянно нанимался в это время у жидов представлять Спасителя и позволял, за хорошую плату, связать себе руки, бить по щекам, только не больно, как уверял он, оплевывать, кричать, бранить и ругаться над собою сколько угодно. Его содержали в это время в

¹²⁴ «Затем Еремееву... покаянию» *нет*.

¹²⁵ «И суеверием... основательно» *нет*.

¹²⁶ «Сунниты» *нет*.

¹²⁷ *Вст.*: «Имама-Хусейна».

¹²⁸ *Вст.*: «Изидом».

школе и кормили хорошо. Можно ли затем сомневаться, что иступленные, фанатические евреи готовы были бы сделать еще один шаг далее и доиграть комедию эту до конца, если б это не было опасно? А коли еще к этому присоединится какое-то каббалистическое, чародейное употребление крови христианской, то неужели соединение той и другой цели и основанное на сем изуверство может казаться столько невероятным, чтобы скорее обвинить и наказать христиан-уличителей, чем уличенных ими жидов? Откуда ж эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы невинных ребят? Почему находят их там только, где есть жида? Почему это всегда дети христиан? И наконец почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или перед самой Пасхой? Из этой путаницы неоспоримых событий, из этого лабиринта нет исхода, если мы не пойдем единственным путем, который указывает нам непрерывная нить фактов, сопровождающая каждый подобный случай. Составитель записки сей лично знал в западных губерниях наших ученого и образованного врача, еврея, который в откровенном разговоре, глаз на глаз, об этом предмете сам сознавался, что обвинение это, без сомнения, основательно, что есть жида, которые в изуверстве своем посягают на такое возмутительное злодейство, но утверждал только, что это не есть обряд собственно еврейский, а вымысел вырождков человечества. В С.-Петербурге служит и теперь еще крещенный, ученый еврей, который с полным убеждением подтверждает существование этого обряда – не в виде общем, как он выражается, а в виде исключения, – но он в то же время отказывается засвидетельствовать это где-нибудь гласным образом, потому что, конечно, не в состоянии доказать справедливости слов своих и даже боится мщенья богатых евреев, коих происки достигают далеко и которые сочли бы подобное обвинение общим поруганием израильского народа и личным для себя оскорблением.

Есть ли в этом смысл полагать,¹²⁹ что, подобные злодейства совершаются христианами для оклеветания жидов? Положить, что найдутся христиане, готовые, из ненависти к жидам, на такое, более чем зверское, дело; хотя в наше время, когда давно уже миновала пора крестовых походов, и это допустить трудно; но для чего же эти люди избирают такое опасное, неверное, даже бессмысленное мщенье, которое, как мы видели, каждый раз почти обращается на них же самих, между тем как жида остаются правы? Одного подобного урока было бы довольно. Кажется, такое предположение слишком бессвязно; прямее, естественнее, проще и вернее было бы такому ревнителю мстить непосредственно жиду или жидам, убив, вместо невинного христианского младенца, любого еврея, или даже нескольких.

Наш просвещенный, человеколюбивый век, славящийся терпимостью, изгнавший пытку, костер и всякое преследование за веру – вооружился также неверием против подобного страшного обвинения жидов и с негодованием отвергает всякую возможность такого изуверства. Оно было бы слишком постыдно для целого человечества, и верить ему унизительно, как в бабьи сказки, предрассудки и суеверия. Жида были гонимы – пора признать их братьями, равными нам; обвинение это есть остаток старинных предрассудков и нападок. Такие рассуждения, делая честь нашему человеколюбию, доказывают только, что и самое благое направление имеет свою слабую сторону; соболезнуя истинно жалкому положению народа израильского, мы увлекаемся, делаемся пристрастны и вовсе забываем, отдаем на жертву единоверцев своих, потворствуя бессознательно какому-то чудовищному исчадию фанатизма. Но евреи много раз обвинялись в этом злодеянии несправедливо, как недавно еще был случай в Силезии, где мальчик отыскан живым! Это правда; и подобный случай всегда бывал величайшим торжеством для евреев, которые с шумом и криком разглашали его повсюду и прикрывались им долго еще впоследствии. Но что же это доказывает? – сколько раз люди обвинялись несправедливым образом в воровстве или убийстве – разве из этого можно заключать, что воровства и убийства на свете нет и что всегда тот виноват, кто пожалуется, что его обокрали? Если у казанского крестьянина пропадет лошадь, то первое слово его бывает: татары съели. Коли он найдет ее впоследствии в лесу или болоте, – то обвинение его в этом случае было несправедливо; оно, однако же, несколько не ослабляет общеизвестной истины, что татары крадут и едят лошадей.

Но евреи в Англии, Франции, Германии, образованные, ученые – частью даже государственные люди и во всяком случае добросовестные, честные граждане, неужели они бы не обнаружили столь возмутительного обычая или таинства веры своей, особенно те из них, которые приняли святое крещение?

Это возражение приводит к окончательному заключению, к концу и цели настоящего розыскания. В начале сей записки было показано, что многие обратившиеся евреи действительно

¹²⁹ Заключается ли сколько-нибудь смысла в предположении.

сделали то, чего по справедливости можно было от них ожидать; таковы, например, бывший раввин, монах Неофит, бывший раввин Серафинович, Паздерский, Киарини, Пикульский, Савицкий, Грудинский и другие, о коих говорено выше. То же утверждали гласно антиталямудисты в прении с раввинами в Львове, в 1759 году. Но число таких обличителей, конечно, не велико в сравнении с целым народом, и на это есть причины: изуверный обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте **хасидов** или **хасидым**, – как это объяснено выше – секте самой упорной, фанатической, признающей один только Талмуд и раввинские книги и отрекшейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут составляет он большую тайну, может быть, не всем им известен и, по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется: не подлежит, однако же, никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе, со времени распространения христианства, и что поныне появляются время от времени между жидами фанатики и каббалистические знахари, которые, с этою двойкою целью, посягают на мученическое убиение христианского младенца и употребляют кровь его с мистически-религиозною и мнимоволшебною целью. Польша и западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства, представляют и поныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась.

Анатолий Глазунов. Судьба книги Даля

Мало кто знает из русских людей, что в 1841 году Владимир Иванович Даль начал работать в МВД России чиновником особых поручений при министре Л.А. Перовском. Рост жидовских ритуальных убийств в западной части России весьма обеспокоил министра МВД графа Перовского и императора Николая I. Требовалось в этой теме подробно разобраться. Вот тогда министр Перовский, зная добросовестность и честность Даля (они раньше вместе работали в Оренбурге), и поручил ему исследовать эту тему и написать подробный отчет для МВД и Императора. Даль получил доступ ко всем архивам МВД о ритуальных убийствах и успел познакомиться со многими важными секретными документами, которых уже ныне нет (в 1862 г. большой пожар уничтожил много ценных бумаг МВД).

В 1844 году по приказу министра МВД графа Перовского и была напечатана книга Даля «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их». Позже жидаы пытались похитить редкий экземпляр этой книги из типографии Мамонтова, а также из Чертковской библиотеки, чтобы помешать переизданию этой книги. Но слухи об этой книге Даля упорно распространялись в русском образованном обществе, а в 1913 году в Петербурге, впервые, с именем Даля на обложке, эта книга под названием «Ритуальные убийства» была переиздана уже для широкого круга русских читателей. Причем появилась эта книга в очень неприятное для жидов время, когда в Киеве шел судебный процесс по делу об убиении жидами христианского мальчика Андрея Ющинского и добывании из него крови. И на суде эксперты, к возмущению жидов, уже ссылались на книгу Даля. Отчеты из зала суда публиковались в газетах, и уже десятки тысяч русских людей узнали тогда об этой книге. Жидаы в такой ситуации от волнения совсем потеряли разум, и понять их можно.

Владимир Иванович Даль – очень крупная, знаменитая личность. Он создал четырехтомный «Толковый словарь живого Великорусского языка» и сборник «Пословицы и поговорки русского народа». А это великое дело. Он был членом-учредителем Географического общества. Он был членом-корреспондентом Императорской Академии Наук. У него огромный авторитет в русском образованном обществе. Он был другом Жуковского и Пушкина, хорошим знакомым Дельвига, Гоголя, Крылова, князя Одоевского, Мельникова-Печерского, Надеждина и других знаменитых писателей, ученых и общественных деятелей России. Под влиянием его сказок Пушкин написал знаменитую сказку о старике, старухе и золотой рыбке. Рукопись подарил Далю с надписью «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому от сказочника Александра Пушкина». Известно было в русском образованном обществе, что Даль трое суток не оставлял Пушкина, когда тот, умирающий, лежал на смертном одре после неудачной дуэли с поганым педерастом Дантесом. И последние слова Пушкина были обращены к Далю. «Даль принял последний вздох дорогого для всей России человека». Даль закрыл глаза великому поэту России перед тем, как тот ушел в потусторонний мир.

Пушкин был суеверным человеком, писал Мельников-Печерский. На большом пальце он носил перстень с изумрудом. Считал его талисманом и никогда не снимал. Объяснял друзьям и знакомым, что если снимет, божественный дар поэзии его покинет. Вот этот перстень с изумрудом Пушкин, когда понял, что скоро умрет, снял со своей руки и надел на руку Даля. «И этот перстень Даль носил до самой своей смерти на той руке, которая написала «Толковый словарь живого Великорусского языка»». Долго хранился у Даля и сюртук Пушкина с дыркой от пули Дантеса.¹³⁰

Учитывая огромный авторитет Даля в русском образованном обществе, жида не могли толком сообразить, что же им делать. Одни стали пытаться принизить значение книги Даля. «Это не есть настоящее научное сочинение», – писали они. «Даль не мог написать серьезное научное сочинение по такой теме, ибо не знал еврейского языка». Но при чем здесь еврейский язык? Ведь большинство жидовских религиозных книг, где есть что-то о значении крови для жидовского народа, к тому времени уже были переведены на европейские языки, а некоторые и на русский. И все уголовные дела по жидовским ритуальным убийствам в Российской империи велись не на еврейском, а на русском языке. Принизить Даля не получалось. Фактов против книги Даля не было. Все лающие на Даля выглядели в сравнении с ним жалкими москками.

Другие жида, похитрее, через свои газеты на русском языке стали внушать русскому народу, что книжка «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» – фальшивка. «Великий Даль был просвещенным человеком, и он не мог написать такую клеветническую антисемитскую книгу». «Эту книжку на самом деле состряпали в МВД России, как и «Протоколы сионских мудрецов», чтобы оклеветать еврейский народ и вызвать погромы». Жида были уверены, что всегда найдется большое число русских дураков, которые им поверят и разнесут этот слух. Ведь проверить, фальшивка или не фальшивка, сумеют немногие.

Но как сбить с толку более осведомленную часть русских? Ведь они твердо знали, что «Розыскание об убиении христианских младенцев и употреблении крови их» – это не фальшивка МВД для организации погромов. Они твердо знали, что эта книга была напечатана в 1844 году по приказу министра МВД тиражом всего в 10 экземпляров, исключительно «для внутреннего пользования». А такой ничтожный тираж абсолютно не годился для возбуждения русского народа против жидов и для организации погромов. К тому же, после 1844 года в течение нескольких десятилетий в России и не было никаких достойных внимания погромов. Более того, правительство Николая I даже само не желало, чтобы русский народ читал подобные книжки. И вот, чтобы сбить с толку и более осведомленную часть русских, наиболее хитроумные жида забросили в обращение новую, теперь уже «научообразную» утку: «Розыскание об убиении христианских младенцев...» – конечно же, не фальшивка в том смысле, что эту книжку состряпали в МВД для возбуждения ненависти русского народа к евреям и для организации погромов. Книжка эта, действительно, была напечатана в 1844 ничтожным тиражом исключительно для царя и нескольких высших чиновников, «но эта книжка – все же фальшивка, если она выходит под именем Даля, ибо Владимир Иванович Даль никакого отношения к написанию и редактированию этой книжки не имеет».

Главным специалистом по фабрикации этой новой «научной истины» был Юлий Гессен. Среди жидов он пользовался и пользуется весьма большим авторитетом как выдающийся специалист по истории евреев в России. Написал несколько книжек и статей на эту тему. На самом деле Гессен – это очередной хитроумный фальсификатор русско-жидовской истории. Рассмотрим внимательно его выводы и доказательства.

Сначала в брошюре «Кровавый навет» этот жидовский историк объявил, что «Розыскание» написал не Даль, а Скрипицын! Цитирую: [В МВД России после Велижского дела] «было предпринято специальное расследование, результатом чего явилась записка чиновника департамента духовных дел иностранных вероисповеданий Скрипицына, отпечатанная в количестве 100 экземпляров анонимно в 1844 году, – «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их»»¹³¹. Какие доказательства привел жидовский историк в подтверждение такого вывода? Да абсолютно никаких. Изрек и все. Но откуда он взял этого чиновника Скрипицына? Не выдумал ли он его? Нет, не выдумал.

¹³⁰ П. Мельников (Андрей Печерский). Критико-библиографический очерк. – Полн. Собр. Соч. В. Даля. Т. 1. СПб., 1897. С. XXXVII – XXXVIII.

¹³¹ Гессен Ю. Кровавый Навет. М. 1912. С. 16–17.

Дело в том, что в том же 1844 году, когда была анонимно напечатана книжка Даля «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», была напечатана почти без изменений эта же книжка под другим названием: «Сведения об убийствах евреями христиан для добывания крови». Книжка эта тоже была напечатана анонимно. А через 34 года, в 1878 году «Сведения об убийствах евреями христиан для добывания крови» были перепечатаны в журнале «Гражданин», в номерах 23–28. Редакция сообщила, что это сочинение «приписывалось» тайному советнику Скрипицыну (директору департамента иностранных исповеданий), исполнившему эту работу «по распоряжению министра внутренних дел, графа Перовского для представления Государю Императору Николаю I, наследнику цесаревичу, великим князьям и членам Государственного Совета».

Здесь, конечно, есть загадка для исследователя. Одна и та же книжка издана анонимно два раза под разными названиями. Что бы это значило? Но Гессен не исследователь, ищущий истину. Ему надо любой ценой защитить жидовский интерес. И вот Гессен, прочитав или услышав о Скрипицыне, намертво вцепился в это имя и всех стал убеждать, что именно Скрипицын и есть единственный автор и «Розыскания об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», и «Сведений об убийстве евреями христианских людей для добывания крови». А Владимир Иванович Даль здесь не при чем. Ибо два разных лица не могли написать почти тождественные по тексту записки (а с этим кто спорит?). Автор кто-то один. И значит, по жидовской логике, автор этих книжек – это Скрипицын, потому что он был «по чину выше Даля».

Но если рассуждать по нормальной логике, то появляется неизбежно много вопросов. Что это значит: «Сведения об убийстве евреями христианских людей для добывания крови» приписывались Скрипицыну? Кто это за люди, которые приписывали это сочинение Скрипицыну, и какие у них были для этого основания? Подтвердил ли сам тайный советник Скрипицын, что это он автор обеих книжек? Жидовский историк молчит, и это понятно: сказать ему нечего. И при чем здесь «выше или ниже по чину». К тому же «ближе всех» министру внутренних дел как сотрудник и как друг был не Скрипицын, а Даль. Именно Даль был фактически «правой рукой» графа Перовского (об этом – ниже).

Но если в 1912 году в брошюре «Кровавый навет» Гессен категорически утверждал, что автор «Розыскания» – Скрипицын, то в 1914 году Гессен на этой «истине» уже не настаивает, чтобы больше не позориться. Он уже предполагает, что, может быть «Розыскание» написал и не тайный советник Скрипицын, а генерал-майор Каменский.¹³² Важно, что **не Даль**, настаивает упорно жидовский историк. В том, что эта книжка написана Далем, «сомневался уже сенатор Лебедев», о чем он и написал в своем дневнике за 1845 год. Сенатор Лебедев полагал, что «эту книжку о ритуальных убийствах», вероятно, написал генерал-майор Каменский.

Сенатора Лебедева Гессен тоже не выдумал. Сенатор Лебедев действительно существовал, и в «Русском Архиве» действительно были опубликованы его дневниковые записи.¹³³ Цитирую целиком нужный кусок: «Я читал «Розыскания об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», напечатанные в 1844 году. Не знаю, кто писал этот беглый обзор (может быть, В.И. Даль или генерал-майор Каменский, состоящий при МВД) и для чего написано это... Может быть, для того, чтобы принять энергичные меры, очистить от евреев наши Западные губернии...». Вот и все, что есть на интересующую нас тему в дневнике сенатора Лебедева. Что можно «вытащить» из этой записи?

Во-первых, мы узнаем из нее, что опубликованное в 1844 году по приказу министра Перовского «Розыскание», министр посчитал нужным «дать почитать» не только своим чиновникам из МВД, но и сенаторам. Но многие сенаторы, и в их числе Лебедев, так точно и не узнали, кто автор этой книжки. И почему, собственно, они должны были об этом знать? Исследование о жидовских ритуальных убийствах готовилось в недрах МВД, а не в Сенате. Но какая-то информация, какие-то слухи все же просачивались наружу. И сенатор Лебедев на основании только этих слухов полагал, что автор книжки или Даль, или генерал-майор Каменский. Таким образом, сенатор Лебедев вовсе не сомневался в том, что эту книжку написал Даль, ибо книжка эта была напечатана без указания фамилии автора. **Не в чем было сомневаться!** Сенатор лишь гадает, кто ее написал. И предполагаемых авторов, по его мнению,

¹³² Писал ли В.И. Даль о кровавом навете? // Голос минувшего. СПб., 1914. № 1. С. 327–331. «Записка о ритуальных убийствах» (приписываемая В.И. Далю) и ее источники. СПб., 1914. С. 1–31.

¹³³ Русский Архив. СПб., 1910. Т. 2. № 8. С. 497.

всего два человека: Даль (сенатор ставит его на первое место) и генерал-майор Каменский Иван Васильевич, служащий тогда при МВД, а позднее губернатор Волыни.

Значит, были у почтенного сенатора все же какие-то основания предполагать, что книжка написана Далем. Полной уверенности у него, конечно, не было, но ведь не было у него и полной уверенности, что эту книжку написал генерал-майор Каменский. А больше сенатор Лебедев в авторстве никого не подозревал. О тайном советнике Скрипицыне он не написал ни слова, к огорчению жидовского историка Гессена. Так что врал Гессен, когда писал что «уже сенатор Лебедев сомневался», что «эту книжку» написал Даль. Жидовскому историку соврать, что плюнуть.

Попытался Гессен убедить читателей своих сочинений и таким аргументом:

«...во всяком случае, не Даль написал «Розыскание». Я имел случай видеть рукопись, содержание которой вполне совпадает с «Запиской о ритуальных убийствах», ныне [в 1913 г.] опубликованной под именем Даля. Часть основного текста написана рукой переписчика; значительные же поправки-вставки и сокращения принадлежат другим лицам, но отнюдь не Далю. Даль занимал слишком видное положение [в МВД], чтобы можно было предполагать, что он написал первоначальный набросок, проредактированный позже другим лицом. Важные редакторские поправки сделаны не рукою Даля».¹³⁴

Здесь возникают важные вопросы. Какую рукопись видел жидовский историк Гессен? «Часть основного текста, – пишет он, – написана рукою переписчика». Значит эта рукопись – не оригинал. И значит, по ней нельзя без компьютерного анализа установить, кто автор книжки. Но кто был переписчиком? И с оригинала ли он переписывал или с копии? И в каком году он переписывал? И кому принадлежат «редакторские поправки-вставки»? И кто хозяин рукописи? И где ее видел Гессен, и где она находится? И почему Гессен не сделал фотокопии этой рукописи? И почему Гессен не предоставил эту рукопись на экспертизу ученых? Жидовский историк на все эти вопросы, конечно, не отвечает, и потому можно сделать однозначный вывод, что никакой достойной внимания ученых рукописи он и в глаза не видел.

И последний аргумент жидовского историка Гессена:

«Если бы Даль на самом деле написал книжку о еврейских ритуальных убийствах, то об этом можно было бы найти подтверждения в его биографии, в письмах, в архивах МВД, и в воспоминаниях его знакомых. Но никаких подтверждений нигде нет».

Но почему же нет? Оттого, что Гессен и другие его сородичи-историки о них не знали, это еще не значит, что их не было и нет. Не обнаружено – это еще не значит, что их нет. Даже к тому времени, когда Гессен сочинял свои фальсификации, уже кое-что было в воспоминаниях знакомых Даля. Вот Я. Грот, писал Гессен, считал, что именно Даль написал «Розыскание», но и он не был абсолютно уверен, что это так. Он прибавил – «насколько нам известно».

«Очевидно, Грот передавал лишь дошедшую до него молву, не имея никаких достоверных данных, а между тем в его руках были письма и автобиография Даля. Сам Даль не приписывал себе авторства «Розыскания». Составляя для Грота список своих сочинений, Даль не упомянул в нем о «Розыскании». Копия списка имеется у С.А. Венгерова. Копия была передана [ему] самим Гротом».

Что здесь можно сказать? Грот Яков Карлович (1812–1893) – очень известная и авторитетная среди гуманитариев фигура. Академик, автор почтенных трудов по русскому языку и по литературе XVIII века. Подготовил великолепное издание сочинений Державина и не побоялся опубликовать «Мнение» Державина против жидовской экспансии в России. Уже за это жида Якова Карловича Грота очень не любят. Грот известен и как добросовестный специалист с очень высокой требовательностью к себе. И если Грот написал, что Даль, «насколько нам известно» – автор книжки о жидовских ритуальных убийствах, значит, у Грота все же были для этого какие-то основания. Иначе он и вовсе бы не упомянул про это. Грот, конечно, не имел возможности сослаться на архивы МВД и на оригинал рукописи, но что делать? Архив МВД и, вероятно, рукопись Даля погибли во время пожара в здании МВД в 1862 году.

Забавно, что и сам Гессен, в противоречии со своим категорическим выводом, что Даль не занимался исследованием еврейских ритуальных убийств, все же вынужден был признать

¹³⁴ «Записка о ритуальных убийствах...». С. 31.

(скрыть это было невозможно), что сохранилось письмо одного протоирея к Далю по поводу слухов о похищении в Петербурге в 1820-х годах двумя еврейками христианского мальчика. МВД сделало тогда запрос генерал-губернатору Петербурга. Тот ответил графу Перовскому, что по наведенным справкам, подобного случая не было. И тогда Даль обратился к протоирею с просьбой сообщить все по-подробнее об этом случае. Протоирей ответил.¹³⁵

Задавал ли жидовский историк Гессен себе вопрос: зачем Даль вступил в переписку по такой теме, если он не занимался исследованием кровавых еврейских жертвоприношений? И вообще, что мешало самим жидам поинтересоваться у Даля, он написал «Розыскание» или не он, а потом опубликовать его ответ? Ведь Даль умер в 1872 году, и жида уже знали к тому времени о существовании редких экземпляров его книжки, напечатанной в 1844 году. Но жида Даля не спрашивали, ибо знали твердо, что он ответит утвердительно. Поэтому при Дале жида не ввали, что его книжка – «фальшивка», что «это не Даль ее написал», ибо боялись разоблачения со стороны самого Даля. А когда Даль умер, лживые языки жидов во всю заработали.

Как же было все на самом деле?

Итак, Владимир Иванович Даль работал несколько лет в МВД чиновником особых поручений при министре Л.А. Перовском. Так вот, обеспокоенный тем, что жида в православной Империи замучивают христианских детей и добывают из них кровь, министр внутренних дел граф Перовский поручает провести безпристрастное расследование этой темы своему лучшему и надежному помощнику В.И. Далю. Почти одновременно Перовский поручил Далю провести безпристрастное расследование о русской христианской секте скопцов.

Даль быстро и добросовестно выполнил порученную ему работу. И вот в 1844 году по приказу министра была напечатана небольшим тиражом книга Даля о скопцах, но без указания фамилии автора. В этом же году по приказу министра была напечатана тиражом в 10 экземпляров и книжка Даля «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», но также без указания фамилии автора. Это и понятно. Исследования были секретные, касались тонких и болезненных вопросов о вероисповедании, одно из них касалось жуткой темы о добывании евреями крови из христианских младенцев, и предназначены эти исследования были сначала только «для внутреннего пользования». И не было санкции Императора на их широкое распространение.

А дальше дважды случилось что-то для многих непонятное. Записка Даля о скопцах в широкое распространение под его фамилией не пошла, но появилась книжка Надеждина о скопцах, в основу которой было положено исследование Даля. И «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» тоже в широкое распространение под фамилией Даля не пошло, но появились почти тождественные «Сведения об убиении евреями христиан для добывания из них крови». Книжка эта была издана тиражом уже в 100 экземпляров, издана была также анонимно, но приписывалась тайному советнику Скрипицыну.

Что случилось? Ответ на этот вопрос – в воспоминаниях о Владимире Ивановиче Дале, написанных Мельниковым Павлом Ивановичем (литературный псевдоним – Андрей Печерский). Мельников-Печерский известен как автор романов о старообрядцах – «В лесах» и «На горах». Так вот этот П.И. Мельников, как и Даль, некоторое время служил в МВД чиновником по особым поручениям и по поручению министра внутренних дел графа Перовского занимался старообрядцами. И он, конечно, был очень хорошо знаком с Далем и хорошо знал, какими исследованиями Даль в МВД занимался. Воспоминания Мельникова о Дале опубликованы были в «Русском Вестнике» в 1873 году (Т. 104. № 3. С. 310–313) и в 1897 году в «Критико-биографическом очерке» (Полн. Собр. Соч. Даля В.И. Т. 1. СПб., 1897).

Мельников-Печерский писал: с сентября 1841 года Владимир Иванович Даль «сделался ближайшим сотрудником и правою рукою нового министра внутренних дел». Граф Перовский имел редкую способность подбирать весьма дельных людей для работы в МВД. Даже на низших должностях у него работали чиновники, кончившие курс в университетах и других высших учебных заведениях. Перовский любил окружать себя пишущими людьми, сознавая, что «каждому истинно просвещенному министру так поступать необходимо». Он сумел привлечь к работе в МВД людей, проявивших себя в литературе, науке и общественной деятельности. В МВД работали граф Д.Н. Толстой, В.В. Скрипицын, Липранди, архитекторы А.С. Уваров и И.П. Сахаров, этнограф А.В. Терещенко, литераторы: граф Сологуб, И.С.

¹³⁵ Даль В.И. Письма. 1913. Т. 2. С. 300 и Даль В.И. Письма. 1913. Т. 3. С. 225.

Тургенев, И.С. Аксаков, Ф.Ю. Самарин, граф А.К. Толстой, М. Лонгинов, Мельников-Печерский и др. Перовский сумел исходатайствовать освобождение из ссылки и привлечь к работе в МВД даже профессора Московского университета Н.И. Надеждина, сосланного в Устьсысольск за напечатание в «Телескопе» писем Чаадаева. На средства МВД граф Перовский проводил археологические исследования в Крыму, в развалинах Сарая, отыскивал место погребения князя Пожарского, торговые пути Древней Руси и т.д. Под эгидой МВД было создано по инициативе Даля знаменитое Географическое общество. Таким образом, МВД при Перовском – это отнюдь не сборище реакционеров-мракобесов (как это пытались и пытаются представить жида), которое только тем и занималось, что «составляло фальшивки на бедных евреях, чтобы организовать погромы».

«Но ближе всех, – писал Мельников-Печерский, – стоял к министру В.И. Даль. В этом человеке Лев Алексеевич Перовский нашел не только неутомимого сотрудника, посвященного во все тайны государственной деятельности, но и преданного друга... Даль и Надеждин вели самые важные дела в министерстве под личным руководством самого министра, вели нередко помимо надлежащих департаментов».

Очень высоко отзывался о работе Даля в МВД и тайный советник Василий Матвеевич Лазаревский.¹³⁶ Он был назначен Перовским управляющим Кабинета Его Величества. В 1848 году он был чиновником особых поручений при Петербургском генерал-губернаторе и был прикомандирован к Особенной Канцелярии при МВД. Особенная Канцелярия состояла тогда из трех важных чиновников. Это Василий Головлин (позднее министр народного просвещения), Лазаревский и Даль. Обслуживали этих чиновников пять писцов. Позднее этот Лазаревский был назначен членом Совета МВД и Главного Управления по делам печати. С 1873 года – тайный советник. Умер в 1890 году. Так вот, этот Лазаревский писал о Дале:

«Даль был, бесспорно, первый человек в министерстве (своего помощника И.Г. Сенявина министр Перовский не жаловал и держал в стороне от многих важных дел) и по безусловному доверию министра, и по безупречной нравственности, и по хорошей известности в мире общественности, науки и литературы».

Фактически Даль был правою рукою и самым ценным сотрудником министра МВД.

Пойдем дальше. Мельников-Печерский, перечислив многие важные работы, которые Даль проделал в МВД, четко и ясно написал: «По поводу возникших в западных губерниях дел он [Даль] написал об употреблении Евреями христианской крови. Это исследование было напечатано в ограниченном числе экземпляров»¹³⁷. И Мельникову-Печерскому, который работал тогда в МВД и был хорошо знаком с Далем, мы, естественно, будем больше верить, чем жидам-фальсификаторам.

Далее Мельников-Печерский писал в своем очерке: «В 1844 году Даль написал по поручению графа Перовского чрезвычайную записку о законодательстве о скопцах, а вслед за тем исследование о скопческой ереси». Это «чрезвычайно редкая книга». Один экземпляр ее находится в Чертковской библиотеке в Москве. «Книга эта была напечатана до 100 экземпляров». Большинство экземпляров этой книги хранились у Перовского, но граф умер в 1856 году, а один глуповатый, безответственный чиновник сжег все экземпляры книг Даля, «хотя, впрочем, не был ни евреем, ни рижским бюрократом, ни даже скопцом... Из написанных экземпляров [о скопцах] уцелел один, который Даль подарил в Чертковскую библиотеку».

Книжка Даля о скопцах, по свидетельству Мельникова-Печерского, была представлена министром Перовским Императору Николаю I. Император «был очень доволен и спросил об авторстве книги». Граф Перовский ответил, что эту книгу написал В.И. Даль. Император тогда «поспешил осведомиться, какого он вероисповедания». Перовский ответил: «лютеранин». Это огорчило Императора. Хотя книга Даля очень понравилась Николаю I, он «признал неудобным рассылать высшим духовным и гражданским лицам [православной Империи] книгу по вероисповедному предмету, написанную иноверцем». Написать новую книгу о скопцах, которую можно было бы распространять, министр Перовский поручил Надеждину, «который в свой труд внес всю работу Даля». Так появилась книга Н.И. Надеждина «Исследование о скопческой

¹³⁶ Из бумаг В.М. Лазаревского: 1. Мое знакомство с Далем, 2. Переписка с Далем // Русский Архив. 1894. № 8. С. 549.

¹³⁷ Мельников П.И. Критико-биографический очерк. С. LIV.

ереси». Первая половина этой книги была напечатана позднее, в 1872 году в IV Книге Чтений Общества Истории и Древностей, вместе с другими материалами по истории хлыстовской и скопческой ереси. «В мое собрание о расколе, – писал Мельников-Печерский, – вошли между прочим переданные мне покойным Далем его бумаги по этому предмету»¹³⁸.

Теперь по аналогии мы можем понять, что случилось и с книгой Даля «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их». Возможны лишь две версии. Либо граф Перовский ознакомил Николая I и с этой книжкой, и император по той же причине, что Даль – лютеранин, «признал неудобным рассылать высшим духовным и гражданским лицам книгу по вероисповедному предмету, написанную иноверцем». Либо сам граф Перовский, осознав, что, как и в случае с книжкой Даля о скопцах, Император не разрешит распространять также и книжку лютеранина Даля об убиении жидами христианских младенцев, поручил или начальнику департамента по вероисповеданиям Скрипицыну, или какому-нибудь другому православному чиновнику доработать книгу Даля и сделать ее возможной для распространения. Но Николай Иванович Надеждин был талантливый публицист, профессор Московского университета, опытный исследователь-этнограф и, взяв за основу книгу Даля о скопцах, он все же доработал и даже немного улучшил ее. Конечно, неприятно, что в книге о скопцах Надеждин ничего не сказал о том, что в основу своей книги он положил труд Даля. Но он и не мог об этом сказать в «служебной книге МВД» по той же причине: Даль был лютеранин.

А с книгой Даля об убиении евреями христианских младенцев так не получилось. Появилась книга «Сведения об убиении евреями христиан и добывании крови из них», в основу которой было положено исследование Даля, но Скрипицын или кто-нибудь другой или не захотели, или постеснялись, или побоялись приписать сами себе авторство. Тема о добывании жидами крови из христианских младенцев была более опасна, чем тема о русских добровольных кастратах – скопцах. И никакой существенной доработки исследования Даля не было сделано. Потому «Сведения» тоже вышли анонимно, как и «Розыскание», и лишь «приписываться» стали православному Скрипицыну и другим.

Конечно, Далю все это было неприятно. Конечно, ему было обидно. Но что делать? А то, что император Николай I не дал разрешения распространять широко книгу Даля, и распространять под его фамилией, было и не разумно. Ну не нашлось среди православных тогда ни одного талантливого и мужественного исследователя, который смог бы написать толковую и полезную книгу о жидовских ритуальных убийствах, ну и что? Для пользы дела можно было бы печатать и книгу лютеранина под его фамилией. Тем более, что Даль был лишь формально лютеранин, а по духу – православный. Понятно также, что как дисциплинированный чиновник МВД Даль не мог свою, тогда еще служебную «секретную» работу отослать в какой-нибудь журнал, отечественный или иностранный. Но он все же не абсолютно молчал, особенно после того, как перестал работать в МВД. Некоторые русские образованные люди все же знали, что автором книги о жидовских ритуальных убийствах, изданной в 1844, был именно Даль. И редчайшие экземпляры его книги очень ценились и оберегались от жидов.

В 1906 году один редкий экземпляр книги Даля попал в руки замечательному русскому библиофилу В.М. Остроглазову, начальнику Московского врачебного управления. Когда он оставил службу и стал располагать большим временем, он не только продолжал собирать редкие книги, но стал заниматься и библиографическими исследованиями и помещал их в «Русском Архиве», который издавал П.И. Бартенев. «Смерть застала его над работою о редких книгах по еврейскому вопросу, переданной в «Русский Архив» для напечатания». Остроглазов сделал и первое розыскание о судьбе книги Даля. После его смерти все собрание принадлежащих ему редких книг, в том числе и книгу Даля, и розыскание о судьбе книги Даля, вдова его Т.И. Остроглазова передала в библиотеку Московского университета. Жиды не смогли все экземпляры книги Даля сыскать и уничтожить, и в 1913 году в Петербурге с экземпляра Остроглазова книга Даля под названием «Записка о ритуальных убийствах» впервые была напечатана под его фамилией на обложке. А розыскание Остроглазова о судьбе книги Даля было опубликовано в предисловии (С. III–XVIII).

«Эта книжка, – писал Остроглазов, – чрезвычайно редкая... Геннади, известный библиограф, говорит, что во «Всемирной Иллюстрации» 1872 г. (№ 207, С. 394) сказано, что В.И. Даль, служа в министерстве внутренних дел, напечатал брошюру об убиении евреями христианских младенцев. Она напечатана в незначительном количестве экземпляров (Справочный словарь о русских

¹³⁸ Там же. С. LV.

писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Берлин, 1876. Т. 1. С. 277). Во «Всеобщей библиотеке России, или каталоге книг, собранных А.Д. Чертковым» (Москва, 1863. № 3631, С. 743) сказано, что эту книжку написал В.И. Даль по поручению графа Л.А. Перовского. Она напечатана в самом ограниченном количестве экземпляров, которые раздавались весьма немногим служебным лицам. В «Русских книжных редкостях», изданных Н. Березиным (М., 1903, № 77. Часть 2. С. 19), напечатано: «это книжка редчайшая» и на экземпляре этой книжки, им виденном, была следующая современная изданию ее надпись: «печатать десять экземпляров».

Эта книжка настолько редкая, что ее, насколько известно мне, нет ни в одной из московских библиотек. Мой покойный брат Иван Мих. Остроглазов не имел ее в своем замечательном собрании редких книг. Я, на своем веку пересмотревший несколько сот каталогов русских и иностранных букинистов, а равно перечитавший описания всех библиотек, известных библиофилам, – никогда не встречал ее названия. Цены на нее нет. Но если книжка того же В.И. Даля «Исследование о скопческой ереси», напечатанное в числе менее двадцати экземпляров, как сказано в «Книжных Редкостях» И.М. Остроглазова (М., 1892. № 101. С. 45), оценивалась, как видно из каталога 1903 года, № 339, известного петербургского букиниста Клочкова, в двести рублей серебром, то цена этой книжки В.И. Даля, т.е. «Розыскание об убийении евреями христианских младенцев», которая никогда не встречалась в продаже, конечно, несравненно дороже».

Остроглазов полагал, что экземпляр книги Даля, который хранился на его книжной полке, *«представляет собой и еще в другом отношении замечательную редкость»*. Ведь жида такого рода литературу всегда старались вынюхать и уничтожить.

Остроглазов далее писал:

«Известный публицист и ученый Никита Петрович Гиляров в своей газете «Современные Известия» (13 июня. 1875. № 160) пишет следующее: «кто из образованных не знает и не слышал о знаменитом Велижском деле, бывшем сорок лет назад? **Мы и читали о нем и, между прочим, слышали от покойного В.И. Даля, человека в высокой степени беспристрастного и уже далеко не суеверного: он был убежден, что в этом приснопамятном деле упомянутое зверское детоубийство есть факт; он, Даль, изучавший дело, просмотревший все документы и составивший для правительства записку...** Кстати, что сделалось с этою самою запискою? Где она? Напечатана она была в немногих, может быть, семи, восьми или десяти экземплярах и – о, удивление! Экземпляры, к которым могла иметь публика доступ, под наитием какой-то неведомой силы, стали исчезать один за другим. Мало того: года два тому назад исчез из одной типографии даже оригинал, предназначавшийся к перепечатанию этой записки. Достопочтенного издателя, которого назвать мы не смеем без его позволения, просим откликнуться и подтвердить наши слова о пропаже упомянутого оригинала».

Таким образом, хотя книга Даля была издана ничтожным тиражом и не разрешена к распространению, о ней все же было известно в русском образованном обществе. К счастью, полной пропажи «оригинала», то есть экземпляра, напечатанного еще в 1844 году и который «один издатель» попытался размножить, – не произошло. Этот «достопочтенный издатель», у которого жида чуть не украли редчайший экземпляр книги Даля, – не выдуманный персонаж. Это И.П. Бартнев, редактор «Русского Архива». **Это тот самый Бартнев, которому сам Даль в 1869 подарил один экземпляр своей книги.** Бартнев об этом рассказал так:

«Книжка эта написана В.И. Далем по поручению Л.А. Перовского, по бумагам министерства внутренних дел (в 1862 г. истребленным большим пожаром) и отпечатана чуть ли не в десяти экземплярах. Возвратившись осенью 1859 года из моей поездки в Одессу, я передавал В.И. Далю об ужасах еврейского усиления в тамошнем крае, сообщенных мне там архиепископом Димитрием (Муратовым). **По соглашению с Далем вздумал я перепечатать эту книжку в «Русском Архиве» с моим предисловием.**»

Таким образом, Бартнев дружил и встречался с Далем и, конечно, абсолютно точно знал, что Даль – автор этой книжки. Владимир Иванович Даль не такой был человек, чтобы вводить в заблуждение редактора «Русского Архива» и других людей. Далее Бартнев писал:

«Шло печатание ее в типографии Мамонтова [в Москве], как оттуда пришли мне объявить, что еврей-наборщик похитил несколько листов и скрылся из Москвы. А.И. Мамонтов нарочно ездил в С.-Петербург, чтобы достать похищенное из экземпляра князя А.Б. Лобанова-Ростовского».

Значит тогда «был жив» еще один экземпляр книги Даля, изданной в 1844 году. Он хранился у князя Лобанова-Ростовского, помощника министра внутренних дел и председателя образованной в 1872 году Комиссии по устройству быта евреев. Страницы, которые украл жид-наборщик, – это 73–82.

Лютоостанский в своей книге «Об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей» (СПб., 1880. Часть 2. С. 32) рассказал об этом происшествии подробнее:

«В первом издании нашей книги многих фактов мы были лишены, которые были украдены жидами. Сочинение Даля по вопросу крови, в Москве находилось только в Чертковской библиотеке и единственный экземпляр. Управляющий библиотекой П.И. Бартенев вздумал перепечатать это сочинение и дал в типографию Мамонтова. Когда приступили набирать и разрезали книгу на части, тогда жид, бывший наборщиком в типографии, дал знать своему кагалу и, по общему совету, тот же наборщик ночью выбил стекло в типографии, влез туда, рассыпал весь набранный шрифт, находившуюся там часть разрезанных листов сочинения Даля хапнул и канул в неизвестность, как это постоянно делается у жидов. Полиция разыскивала в обеих столицах, – но все напрасно. Затем печатание прекратилось, – г. Бартенев уцелевшую книжку Даля взял обратно и уже в библиотеке стал ее хранить очень строго под наблюдением собственного глаза. Но тут жидовская пронырливость опять понадеялась, чтобы стянуть оставшееся сочинение своими всеобъемлющими щупальцами. В Москве есть играющий роль ученого, казенный раввин Минор и в подобной претензии, как и профессор рабби Хвольсон. Бедняга Минорчик посвятил себя, помимо желанья, литературе и около двух лет ходил заниматься в Чертковскую библиотеку – приходил раньше всех и уходил позже всех, однако в продолжение этого времени не мог достигнуть, чтобы хоть взглянуть на желаемое сочинение Даля. Наконец, рабби решился сойти вниз к самому г. Бартеневу (ныне издателю «Русского Архива») и просил его, чтобы Бартенев был так добр – дать Минору почитать сочинение Даля, – но на это получил ответ, что этого ни за какие блага сделать не может. С этой минуты рабби Минор оставил навсегда Чертковскую библиотеку».

Бартенев так и не решился опубликовать полностью книгу Даля, но начальные страницы все же напечатал в «Русском Архиве». В предисловии Бартенев писал:

«Перепечатывая на страницах «Русского Архива» это интересное исследование, составляющее величайшую библиографическую редкость, не можем не обратить внимание читателей на то обстоятельство, что оно имеет значение не только историческое, но и современное. Не далее как в 1852–1853 годах в Саратове возникло дело об умерщвлении евреями двух христианских мальчиков при обстоятельствах совершенно схожих с теми, на которые указывает автор «Розыскания». Никто не может поручиться за то, что подобные дела не возникнут впредь. Не оглашаемые официально, но оглашающиеся народной молвою и лицами, вовлеченными в исследование преступления, они оставляют по себе смутное впечатление отвращения и ужаса, питающее и укрепляющее сильные и без того народные предрассудки против евреев. Евреи же, со своей стороны, упорным отрицанием этих фактов... усиливают это впечатление, и в глазах [русского] народа становятся как бы причастными к безумному злодейству некоторых крайних фанатиков».

Бартенев, увы, оказался типичным русским – «мягкотелым» – интеллигентом, сознание которого уже подверглось воздействию жидовской пропаганды. Он понимает вред жидов, но он надеется на «мирное сосуществование» русских с этим народом. В отличие от Даля он уже стесняется и не смеет даже употреблять слово «жиды». Убиение жидами тысяч христианских детей в Европе он полагает «безумным злодейством некоторых крайних фанатиков». И он очень боится гнева русского народа против злодействующих в России жидов: «Каким страшным оружием» может быть это «впечатление отвращения и ужаса», которое в народе вызывают убийства жидами русских детей и добывания из них крови, – «для возбуждения народного фанатизма».

Бартенев очень наивен. Он всерьез полагает, что «единственный путь» для прекращения убийства жидами русских детей и для обуздания гнева русского народа – это «полное и строгое исследование фактов ритуальных убийств». Он наивно верит, что в России, где даже центральная власть все больше и больше опутывалась жидовскими щупальцами, возможно «полное и строгое исследование» всех фактов жидовских ритуальных убийств.

«Чудовищная секта, – пишет Бартенев, – которая, смеем надеяться, замирает в настоящее время в каких-нибудь захолустьях нашего Западного края (этих притонах еврейского фанатизма и невежества), во всех отношениях заслуживает внимательного изучения и точного описания».

Но кто будет внимательно изучать и точно описывать? Вот Даль «внимательно изучил и точно описал», ну и что? Какие меры приняли император, правительство и Церковь, чтобы пресечь раз и навсегда эти жидовские преступления? Император Николай I утаил от русского народа исследование Даля. Да и сам Бартенева так и не решился напечатать для русского народа это исследование.

«В оглашении ее истории [*истории «чудовищной секты»*], – писал далее Бартенева, – всего более заинтересованы сами евреи. Для них же несравненно легче, чем для писателей-христиан, собрать нужный для того материал. Будем же надеяться, что именно между евреями найдутся люди, которые окажут своим соплеменникам эту важную услугу... Гласность отымет у зла фантастические размеры, придаваемые ему таинственным полумраком, до сих пор его прикрывавшим. И, конечно, обнаружит и в самой среде еврейства энергическое противодействие учениям, не имеющим ничего общего с верою, послужившею преддверием христианства».

Это уже полный либеральный идиотизм русского мягкотелого интеллигента Бартенева. Это уже полное невежество о русско-жидовском противостоянии и полное невежество о сути жидовства. Чтобы сами жида стали разоблачать дела своей «чудовищной секты», которая уже две тысячи лет добывает постоянно кровь из христианских детей? Да перед кем? Перед презренными русскими гоями, которых жида, согласно своему Талмуду, и за людей никогда не считали, а только за скотов в человеческом обличье?

Бартенева прячет от «жидовских шупальцев» в Чертковской библиотеке редчайшую книжку Даля (и это похвально), но он, так получается, прячет эту редчайшую книжку и от русского народа. А позднее, в 1906 г., так и не опубликовав ее даже в своем «Русском Архиве», он продает эту редчайшую книжку Даля библиофилу В.М. Остроглазову. Об этом написал на переплете этой книжки сам Остроглазов: «*Куплена сия книга у Петра Ивановича Бартенева, который продал ее мне по моим усиленным просьбам. Эта книга подарена Бартенева Далю. Надпись эта сделана в 1906 году*». Остроглазов (тоже прекраснородный русский, «мягкотелый» интеллигент) бережно хранит эту книжку, спасает от жидов, но не делает никаких попыток ее переиздать. Потом вдова его передает эту книжку в библиотеку Московского университета.

И только в 1913 году книга Даля (почти через 70 лет после ее написания!) была впервые опубликована под его фамилией и стала доступна для тысяч русских людей.

Жидофашисты против Даля

Но и после этого еще долго книжка Даля о жидовских ритуальных убийствах доступной для русского народа не была. Скоро началась Мировая война. Потом в России (если рассматривать события в национальном аспекте) власть захватили жида. Во главе России оказались шесть кровавых жидов-диктаторов (Ленин, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев и Дзержинский). В 1918 году Совнарком принял специальное постановление о защите жидов. Это постановление поставило их в привилегированное положение в России. И, естественно, книжка Даля «Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» на 73 года попала в список запрещенных книг. Списки запрещенных книг тогда, конечно, не публиковались, и 99 % русских людей даже не знали о существовании этой важной работы.

Но жида все же не смогли обнаружить и уничтожить весь тираж книги, изданной в 1913 году. Кое-кто из русских о ней знал, кое-кто даже имел ее в своем книжном шкафу. И после 1991 года эта книжка Даля была несколько раз переиздана. Ибо после 1991 года, хотя жида и захватили много власти, но в России была и есть еще более-менее «свобода слова». Жида пока не имеют возможности запретить все книги, которые им не нравятся. Они пытаются, но пока не могут установить в России свою полную диктатуру. В 1995 году книга Даля «Розыскание об убиении евреями христианских детей и употреблении крови их» была напечатана в Петербурге в сборнике «Кровь в верованиях и суевериях человечества» даже тиражом в 10 тысяч экземпляров. И сборник этот продавался даже в обычных книжных магазинах, в которых многие хорошие и полезные русские книги о жиде обычно не дозволены жидеми к продаже. Но, конечно, в виде отдельной книги «Розыскание» Даля купить в этих магазинах нельзя. Такие книги распространяются ныне в России другим способом.

+++

В 1995 правитель России, вечно пьяная жидовская кукла, подписал указ о борьбе с «фашизмом». На жидовском языке «фашисты» – это те русские люди, которые не уважают жидов, не капитулируют перед жидеми, не считают их за «избранный народ» и борются против

жидовской экспансии. «Фашисты» – это все те русские люди, которые пишут и распространяют правду о жидах. Но ни сам Ельцин, ни те, кто сочинял указ, дать научное определение «фашизма», естественно, были не в состоянии, а дать его в жидовском толковании постеснялись. Не могла помочь составить список запрещенных фашистских книг даже Академия наук, хотя она была наполнена жидами, как бочка селедками. Многие понимали, что если дать научное определение «фашизма», то лучше всего под это определение попадает «жидофашизм». А если дать такое определение «фашизма», какое понравилась бы жидам, то получится что-то вроде постановления Совнаркома о защите жидов, которое было принято в 1918 году. А это срам даже для Ельцина. Это значило бы открыто признать, что власть в России – жидовская.

Министр МВД Ерин три недели спустя после подписания указа Ельцина, так и не дождавшись от президентской администрации и от Академии наук списка запрещенных «фашистских» книг и вразумительного объяснения, каким прибором определять, какая книга фашистская, а какая нет, не взял сам на себя риск составлять список таких книг. Он лишь послал подчиненным генералам **указание**, чтобы они начали борьбу с «фашизмом». Генералы, понятно, тоже решили не напрягаться, а многие русские генералы МВД даже «тихо ненавидели» жидов, но чтобы отвязаться, послали на места подчиненным майорам и капитанам **предложение** начать «борьбу с фашизмом». Большинство русских майоров и капитанов, получив дурацкое **предложение**, сразу же о нем забыли, но нашлись и тупые, действующие по указке жидов, держиморды, которые решили проявить инициативу.

В газете «За русское Дело» тогда была опубликована забавная ксерокопия инструкции, составленная одним тупым ментом-капитаном из Петербурга (указаны были и его фамилия, и место работы). В инструкции был напечатан список запрещенных «фашистских» книг, которые рядовые милиционеры должны были отнимать у русских книготорговцев. Так вот, к числу «фашистских» книг этот капитан причислил и книгу Даля «Розыскание...» Не стану называть фамилию этого капитана. Может быть, он уже кое-что понял и на фоне происшедшего ныне уже считает постыдным служить жидовским интересам?

Далее еще смешнее. Владимир Иванович Даль, вероятно, очень долго смеялся на том свете над «Союзом правых сил» и «Яблоком». Просматривая по интернету информацию о жидовских ритуальных убийствах, я наткнулся на стенографический отчет пленарного заседания Государственной Думы от 14 июня 2002 года – на выступление депутата-жида А.Ю. Вульфа, от «Союза правых сил». Этот Вульф стенал перед депутатами о росте «антисемитизма» в России. Его сильно напугали заминированные плакаты «Смерть жидам!», установленные около шоссе. Его сильно напугали и буйства скинхедов и изображение свастики на стенах домов и на могильных памятниках, на еврейских кладбищах. Его также сильно взволновало, что неизвестные лица кладут в почтовые ящики депутатов газету, в которой дается список «фашистской» литературы, которую можно легко заказать в редакции этой газеты. Легко можно заказать, пугает депутатов Вульф, такие книги как «Моя борьба» Гитлера, «Еврейский фашизм в России», «Миф о холокосте» и даже «фашистскую» книгу Даля о добывании евреями крови из христианских младенцев. Нам надо незамедлительно, призвал депутатов Вульф, принять обращение к президенту Путину, чтобы он наконец-то пресек рост «антисемитизма» в России. Такие «фашистские» книги, как «Розыскание» Даля, нельзя издавать и продавать в России, их не должен читать русский народ. А тот, кто их издает и распространяет, должен сидеть в тюрьме.

И этот наглый жидок потребовал на заседании Госдумы запретить книгу великого Даля. Фракции от жидовских партий – «Союза правых сил» и «Яблока» – поддержали требование Вульфа усилить жидофашизм в России и взять под защиту правительства и президента жидов-кровососов, которые добывали кровь из христианских детей. Дико, но факт. Но, к раздражению жидов, 252 депутата из 385 присутствующих даже отказались голосовать по этому вопросу. А на выборах в Госдуму в декабре 2003 г. жидовские партии потерпели позорное поражение. Русский народ все же понемногу умнеет.

Анатолий Глазунов

(приложение к новому изданию работы В.И. Даля «Записка о ритуальных убийствах», М. 2007, издательство «Русская идея»)

+++

От редакции «РИ»

В 2002 г. Госдума приняла «Закон о противодействии экстремистской деятельности», который был устроен в 2006 году, когда по инициативе членов «президентской Общественной палаты» раввина Б. Лазара и главы Московской коллегии адвокатов Г. Резника начали также составлять списки запрещенной литературы. Были возбуждены десятки уголовных дел против русских патриотов по ст. 282 («возбуждение ненависти либо вражды»). В Москве закрылись известные книоторговые точки по распространению патриотической литературы. Тем не менее мы готовим к печати новое издание исследования В.И. Даля с приложениями (в том числе данной статьей А.Я. Глазунова), ибо тема ритуальных убийств стала в РФ реальностью наших дней (Красноярское дело, Истринское дело)¹³⁹ и мы не можем бездействовать. Конечно, в области распространения информации сейчас лидирует относительно свободный интернет, но готовятся также карательные законы и по отношению к нему. Поэтому мы советуем нашим читателям скачивать из него как можно больше информации и создавать электронные библиотеки. А также приобрести наши книги, которые могут стать библиографической редкостью.

Для справок: nikolay_rus45@mail.ru

Канализационный коллектор в Красноярске, где нашли обгоревшие тела пяти школьников

Михаил Викторович Назаров – главный распространитель версий о современных еврейских ритуальных убийствах

¹³⁹ В.Э. (2007.03.09): В Красноярске 16 апреля 2005 года пропали 5 мальчиков в возрасте 10–12 лет – соседей по месту жительства и учеников одной школы – два азербайджанца и трое русских. 8 мая их тела были найдены обгоревшими в канализационном коллекторе в 400 метрах от места, где они жили. 4 тела почти сгорели и расчленились, и лишь одного можно было легко опознать. Следствие в конце концов сделало заключение, что они погибли от несчастного случая в результате пожара в коллекторе (но что мальчики искали в канализации и что могло там гореть?). Однако возраст и пол погибших, а также время происшествия (за неделю до еврейской Пасхи) породили слухи о еврейском ритуальном убийстве. Утверждалось, что во время поисков мальчиков коллектор уже был обследован (даже с собаками), но тел там тогда не было. Потом тела оказались заваленными мусором, а коллектор сверху закрыт. С отцом одного из погибших мальчиков, особенно настойчиво добивавшимся более глубокого расследования и предъявления ему актов экспертиз, случались разные происшествия: когда он, наконец, добился выдачи ему копий актов экспертизы, он в тот же день был в поезде угощен соседом по купе коньяком с клофелином, потерял сознание, и копии были у него украдены; потом он был избит милиционерами при «проверке паспорта» на улице. (Так, во всяком случае, утверждается в интернетовских сайтах). 19 июля 2005 года в Истринском районе под Москвой пропали трое мальчиков 12, 11 и 10 лет. Старшего нашли со следами распытия (так пишет Назаров), а двух других нашли позже – по экспертизе их убили спустя месяц.

Послесловие автора Векордии

Правдивость историй «Велижского дела» 1817–1823 гг. и «Саратовского дела» 1852–1853 гг. не вызывают у меня сомнений. Среди евреев определенно существовали некоторые изуверские (даже не секты, а) семьи типа Берлинов-Берлинских. (Ведь изуверы, убивающие детей по тем или иным соображениям существуют у всех народов).

Я не сомневаюсь также, что автором «Розыскания...» действительно является Владимир Даль (вопреки еврейской пропаганде в Интернете, всеми силами это отрицающей).

Относительно «дела Бейлиса» у меня, как уже было сказано в Предисловии, своя версия – это не было чистым ритуальным убийством подобно Велижским и Саратовским убийствам. Оно началось как бытовой конфликт и лишь потом и лишь на этой основе было превращено в «ритуальное». К тому времени (1911 г.) евреи ритуальных убийств уже в общем-то не совершали. (Два поколения сменились между «Саратовским делом» и «делом Бейлиса»).

Тем более трудно поверить в еврейские ритуальные убийства в наши дни. (Ведь в конце концов это же даже просто очень опасно при современном уровне криминалистики и всевозможных экспертиз).

Но факты «Красноярского дела» и «Истринского дела» – если они действительно таковы, как сообщается в Интернете (больше всего Назаровым) вызывают недоумение, и я не знаю даже, что и думать.

Я допускаю с некоторой степенью вероятности, что исчезновение этих мальчиков было еврейским убийством, но тогда не просто как «ритуальное убийство» в Пурим или на Пасху, но как «ритуализированная месть России» некоторых радикальных групп евреев за ее «антисемитизм», за известное нападение на синагогу, за осуждение Ходорковского и т.п. Это тогда означало бы, что в России уже идет почти что «гражданская война» между «антисемитскими патриотами» и еврейством.

Валдис Эгле

14 марта 2007 г.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-JEWS1.....	1
Сборник статей.....	1
О ЕВРЕЯХ – I.....	1
Первый сборник статей о евреях	2
Предисловие	2
Статьи о Бейлисе.....	5
Михаил Назаров. «Отрок-мученик».....	5
Пётр Ланин. «Александр Мень и дело Бейлиса»	11
Убийство	12
Начало процесса.....	14
Как отвечали на вопросы анкеты суда эксперты от обвинения и защиты	15
Круговая сионистская порука.....	26
Послесловие.....	37
Другие фрагменты	38
Замысловский Г.Г. Умученные от жидов	41
Глава I	41
Глава II	43
Глава III.....	46
Глава IV.....	48
Глава V.....	49
Глава VI.....	50
Глава VII	54
Даль В.И. Записка о ритуальных убийствах	56
Предисловие	56
Вступление	60
Талмуд.....	61
Обратившиеся евреи и писатели	62
Бывшие случаи злодейского изуверства евреев.....	69
В IV столетии	69
В V столетии.....	69
В VII столетии	69
В XI столетии	70
В XII столетии	70
В XIII столетии.....	70
В XIV столетии	71
В XV столетии.....	71
В XVI столетии	72
В XVII столетии	73
В XVIII столетии.....	75
В XIX столетии	75
Дело Велижское	80
Заключение	94
Анатолий Глазунов. Судьба книги Даля	96
Как же было все на самом деле?.....	100
Жидофашисты против Даля.....	105
От редакции «РИ»	107
Послесловие автора Векордии.....	108
Оглавление	109